

ТАЙНЫ КАРИБСКОГО МОРЯ

В ПИРАТСКОЙ ПУЧИНЕ

ТАЙНЫ КАРИБСКОГО МОРЯ

Кай Майер

В ПИРАТСКОЙ ПУЧИНЕ

МОСКВА
ОНИКС

УДК 82-93
ББК 84(4Гем)
М14

Kai Meyer
Die Muschelmagier

Перевод с немецкого *Я. Элина*

Майер К.
М14 В пиратской пучине: Роман-трилогия. Кн. 2/
Пер. с нем. Я. Элина. — М.: Издательство Оникс,
2007. — 320 с. — (Тайны Карибского моря).

ISBN 978-5-488-01038-3

Спасаясь от посланцев Гибельного водоворота, воспитанница пиратов Джолли находит убежище в Элениуме — городе, расположенном на гигантской морской звезде. Но и тут кваппу, умеющую ходить по воде, как по суше, не оставляют в покое...

УДК 82-93
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-488-01038-3

Title of the original German edition:

Die Muschelmagier

Text © 2003 Kai Meyer

Copyright of the original German edition

© 2004 Loewe Verlag GmbH, Bindlach

© Элин Я., перевод на русский
язык, 2007

© ООО «Издательство Оникс»,
издание на русском языке,
оформление, 2007

Нападение

Ее разбудил рев Ахеруса.

Джолли вскочила. Сильно болела голова, как если бы она ударилась головой обо что-то твердое. Девочка сидела на колючем матрасе из луба, рядом с ней валялось шерстяное одеяло. Через грубо вырубленное окно в пещеру проникал узкий луч, который не мог разогнать тень вокруг находившейся в полном беспорядке постели. Похоже, ночью она опрокинула кружку, и вода испарилась на удушливой жаре. Скальные стены, окружавшие Джолли со всех сторон, не защищали от зноя.

Крик Ахеруса. Она его слышала, сомнений быть не могло. Но теперь наступила тишина. Хотя нет, тишины не было, слышался далекий плеск волн Карибского моря, шелест ветра и шум прибоя. И... да, голоса. Очень далекие.

Где она была? Что делала?

Все вспомнилось очень быстро, в сознании начали возникать картины, не уступавшие по своей болезненности терзавшей ее головной боли.

Они бросились за борт. В разгар яростного морского боя, под гибельными пушечными залпами, в пороховом дыму, она и Гриффин оказались в воде. Джолли вспомнила, как во вспененном море искала Гриффина, как из послед-

них сил тащила его к скалистому берегу. Когда вокруг развиднелось, их корабль исчез.

Вместе с «Карфаксом» пропали и их спутники. Мунк, капитан Уокер, человек-собака Буэнавентура, пиратская принцесса Соледад и торговец призраками словно растворились в воздухе.

— Джолли! Ты очнулась!

Юнга-пират, согнувшись, протиснулся в узкое отверстие пещеры. Это укрытие, как и любое другое на острове, было едва ли больше самой тесной каюты. Но после того как им дали еду и питье, мрачное убежище в скалах показалось почти дворцом.

— Я... я что-то слышала, — хрипло проговорила Джолли, когда Гриффин примостился рядом. — Думаю, голос Ахеруса.

По лицу юноши промелькнула тень, но потом он ухмыльнулся и так энергично тряхнул головой, что белые косички, как гирлянды, взметнулись над его головой.

— Тебе показалось, — мягко сказал он. — Здесь, на острове, никого нет. Уж по меньшей мере Ахеруса или кого-то из тех, кто мог бы быть посланцем Гибельного водоворота.

Весьма вероятно, он был прав. Джолли часто грезила, с тех пор как началась вся эта история. Снова и снова ей представлялись огромные полчища водяных, притаившихся под водой до самого горизонта. Она чувствовала на своей коже чешую дохлых рыб, дождем падавших с неба, и ощущала гниlostный запах Ахеруса — и все-таки зло, вызвавшее несчастья, обрушившиеся на них, не становилось из-за этого ближе. Гибельный во-

дворот и Море Тьмы прятались за свои собственные порождения, невообразимые, непостижимые, а потому еще более ужасные.

— Агостини сказал забрать тебя, — продолжал Гриффин. — Он хочет пойти с нами на мост. Как ты? Пойдешь?

Она энергично кивнула, но сразу скривилась — головная боль дала себя знать. И все-таки любое отвлечение было сейчас как нельзя кстати. Девочка встала, слегка пошатываясь, кое-как умылась у источника в расщелине и поспешила вслед за Гриффином.

Лагерь мостостроителей находился в многочисленных крошечных пещерах, которые наподобие пузырьков воздуха пронизывали остывшую вулканическую породу. Джолли и Гриффин выбрались на сушу с северной стороны острова, где склоны гор были усеяны старыми, высохшими стволами деревьев и земля была коричнево-желтой. Здесь же, на юге, большую часть потухшего вулкана покрывал серый слой застывшей лавы, тянувшейся на многие мили. Тысячи лет назад она была выброшена из кратера и постепенно застывала, стекая к воде. Время, дожди и ветры создали причудливый сад, вырубив в скалах переплетения трещин и ущелий, защищавших обитателей этой пустыни от жары, а главное, от тайфунов, которые на всех наводили ужас.

Прошло четыре дня, с тех пор как потерпевшие кораблекрушение, мучимые голодом и жаждой, добрались до лагеря мостостроителя Агостини. Долгие часы были наполнены ожиданием и ничегонеделанием. Джолли испытала

едва ли не облегчение, когда и на второй, и на третий день на горизонте не появился «Кар-факс». Было похоже, что друзья без них продолжили путь в Элениум, город на морской звезде. «Ну и пусть», — заносчиво думала Джолли. Даже если она и была кваппой, она совершенно точно не старалась противостоять Гибельному водовороту. Она хотела оказаться на борту ближайшего корабля с продовольствием, чтобы вернуться, наконец, к своей прежней пиратской жизни.

— Ах, вот вы где! — закричал Агостини, когда они вышли из лабиринта скал и добрались до утесов.

Мастер шел им навстречу большими шагами, энергично размахивал руками, отдавал приказания рабочим, мимо которых проходил, попросил подать ему рулон чертежей, высказал свое мнение о них и отдал, выплюнул жевательный табак, вцепился зубами в банан и поправил свою широкополую шляпу. И все это не замедляя движения.

Агостини всегда делал несколько дел сразу, и не потому, что ему не хватало времени. Причиной была натура, заставлявшая его всегда что-то делать, говорить, двигаться, разрабатывать новые планы или перерабатывать старые. Мостостроитель просто кипел энергией, напоминая муравьиную кучу, принявшую человеческий облик.

Сегодня он хотел впервые взять с собой Джолли и Гриффина на недостроенный мост. Подойдя к ним, он повернулся на пятках и пошел рядом с ними назад, к краю утеса по пло-

щадке из пористой пепельно-серой скальной породы. Повсюду виднелись палатки, мастерские и темноволосые люди. На Агостини работали с десятков туземцев, обитателей разных островов.

У мастера были длинные волосы. Носил он нечто, сконструированное в равных частях из изношенной испанской военной формы, старого английского капитанского костюма и одежды французского фермера. Главное, это одеяние выполняло свое назначение. Спутанные седые волосы торчали из-под мягкой шляпы и мало чем отличались от выцветших перьев, заткнутых за красную ленту на тулье.

Группа рабочих разбежалась, тараторя, когда Агостини в сопровождении Джолли и Гриффина дошел до стройплощадки.

Архитектор остановился как вкопанный и впервые на мгновение остался неподвижным. Он глубоко вздохнул. Девочка проследила за его взглядом, устремленным к странной деревянной конструкции, которая простиралась от края лавовых скал куда-то вдаль.

Когда Джолли и Гриффин впервые увидели мост, они едва поверили своим глазам. Он протянулся над лиманом до ближайшего острова. Мост еще не был готов, но при взгляде на это гигантское сооружение у любого перехватывало дух.

Мост, спроектированный Агостини, был и в самом деле удивителен: двести шагов в длину, десять шагов в ширину, высоко изогнувшийся над водой наподобие серпа, но без единой колонны, которая могла бы служить опорой, без каких

бы то ни было излишеств, задуманный только исходя из целесообразности и тем не менее проникнутый элегантною, превращавшей саму конструкцию в украшение. Он состоял из филигранной решетки, построенной из досок, на которые в ближайшие недели предстояло положить покрытие. До сих пор рабочие, как канатные плясуны, балансировали на деревянных перекрытиях в шаге от бездны. По обеим сторонам мост высоко над водой соединялся с утесами. В самом высоком месте до поверхности моря было добрых двадцать человеческих ростов.

Несомненно, это сооружение говорило о мании величия. Что заставило человека возвести такой мост посреди ничего? Кто воспользуется мостом, когда он будет построен? Зачем с таким напряжением сил создавать эту связь между двумя пустынными островами, которые лежали в стороне от торговых путей, вдали от цивилизации? Агостини не удостоил их ответом.

Джолли предполагала, что он просто-напросто сошел с ума. Как бы там ни было, архитектор принял ее и Гриффина и обеспечил всем необходимым. Пока они не выберутся с острова, они зависят от мастера, хотя им было не по душе застрять на этом безотрадном клочке земли.

Ветер ударил им в лица, когда они покинули твердую землю и вступили на мост.

— Сегодня же утром строительство будет закончено, — объявил Агостини. — Рабочие закрывают последнюю пустоту.

Гриффин не без некоторого усилия взглянул в бездну между брусьями. Он, как и Джол-

ли, вырос на пиратских кораблях и по реям передвигался довольно уверенно. Но здесь было другое — по причинам, которые ему самому оставались не вполне понятными.

Им приходилось внимательно следить за тем, куда ставить ноги, идя по узким доскам. Для Джолли, которая, как кваппа, могла двигаться по воде, как по суше, удар о поверхность моря кончился бы плачевно — волны были для нее тверды, как камень, и она переломала бы себе все кости. Но и Гриффину, для которого вода была только водой, падение с такой высоты не сулило ничего хорошего.

Дети шли вдоль края моста, крепко держась за перила. Несколько туземцев ловко пробежали мимо — да и неудивительно, ведь большинство работало здесь уже более года.

Прошла целая вечность, пока они добрались до самой высокой точки моста. Джолли настолько погрузилась в свои мысли, что даже не заметила, как рабочие один за другим остались позади, и теперь, оглянувшись, она увидела, что, кроме них и Агостини, на мосту никого нет.

Гриффин задал из вежливости пару вопросов, но Джолли едва прислушивалась. Она насторожилась, лишь когда Гриффин пожелал узнать, как вообще все это дерево может без опор держаться в воздухе, и Агостини ответил: «С помощью магии».

Магия? Но только кваппы и понимали толк в магии раковин! Правда, не все. Из двух оставшихся в живых этим талантом обладал Мунк. Джолли недоставало для этого и терпе-

ния, и умения, даже если торговец призраками и утверждал иное. Но Мунк был далеко, вероятно, он за это время уже добрался вместе с другими до Элениума.

А что же Агостини? Что он знал о магии?

Она хотела обстоятельнее расспросить архитектора, когда тот остановился. Теперь под ними разверзлась пропасть глубиной никак не менее ста двадцати футов.

Агостини положил обе руки на перила, закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Его седые волосы развевались на ветру, как пепел, гонимый бризом.

Гриффин и Джолли обменялись взглядами.

Вдалеке послышался вой. Джолли испуганно оглянулась по сторонам, но это был только ветер, пронесшийся по узким скальным расщелинам, которые отделяли острова друг от друга. Шум беспокойного моря, отражаясь от каменных стен, превратился в шепот, и сюда, наверх, долетело эхо.

Джолли отважилась сделать еще одну попытку.

— Да зачем, собственно, нужен такой мост здесь, на краю земли?

Архитектор улыбнулся, но посмотрел не на Джолли, а устремил взгляд поверх воды на другие острова. Панорама выглядела так, будто кто-то нанес на голубой экран серые и коричневые тона.

— У него то же назначение, что и у всех мостов, — таинственно сказал он. — Он поведет от одного места к другому.

Впервые Агостини говорил так тихо и спокойно. Джолли пришлось даже напрячь слух, чтобы услышать его.

Гриффин переступил с ноги на ногу. Его озабоченный взгляд заставил Джолли замолчать. Да какое ей дело до моста? Лучше просто насладиться видом, от которого захватывало дух, а потом вернуться на твердую землю.

— Эти другие острова, вон там... — Джолли показала на дальний конец моста и поросшую лесом возвышенность за ним, — почему вы не разбили лагерь там? Среди деревьев гораздо приятнее.

Что-то тревожило ее, какая-то мысль, скрытая в собственных словах, значение которой стало ясно миг спустя. Деревья... все эти деревья. Ну конечно: похоже, там не срубили ни единого ствола. Только на вулканическом острове, но не...

Не там, не на той стороне!

Деревьев, которые росли на острове, никак не могло хватить для того, чтобы построить такой гигантский мост. Если бы она подумала основательнее, то, вероятно, поняла, что не хватило бы всех деревьев с островов этой группы.

— Джолли! — Гриффин заметил ее тревогу. — Что случилось?

Она не ответила, безмолвно глядя на доски под ногами. На первый взгляд в них не было ничего необычного. Она присела на корточки и потрогала дерево кончиками пальцев. Оно оказалось гладким на ощупь, хотя и неполированным, и волокнистым — почти как тростник или бамбук.

— Это ведь не обычное дерево, не так ли? — Девочка подняла голову.

На губах Агостини играла загадочная улыбка.

— Нет, — прошептал он.

Гриффин попеременно смотрел на них обоих, а потом схватил Джолли за руку:

— Мы возвращаемся.

Джолли по-прежнему пристально глядела на архитектора.

— Куда ведет этот мост?

Гриффин взглянул на нее, широко открыв глаза.

— Куда? — удивленно повторил он.

— Он знает, о чем я говорю.

Агостини кивнул:

— Во всяком случае, не на тот остров.

— Но... — начал было Гриффин.

Однако Джолли перебила его:

— Вы ведь не в одиночку спроектировали этот мост? Кто-то дал вам заказ, разве не так? Да еще и дерево в придачу.

Архитектор снова кивнул. Его правая рука рассеянно теребила поля шляпы.

— Ты пришла слишком рано, — сказал он, — но теперь все устроится, маленькая кваппа.

Она ничего не рассказывала ему о своих способностях.

— Джолли, пошли же. — Гриффину надоело, что они разговаривают о чем-то, чего он не понимал. — Я уйду один, если ты...

Но на этот раз его прервала не Джолли, а шум на лавовых утесах. Он повернул голову. Джолли проследила за его взглядом.

Туземцы мчались в направлении скал. Там уже образовалась группа из нескольких десятков человек. Люди плотным кольцом окружили что-то, но что именно — издали невозможно было разглядеть.

— Что там? — спросила Джолли.

Некоторые рабочие кричали, в нескольких местах толпа рассыпалась. Кто-то обратил лицо к небу, словно ожидая увидеть там нечто необычное. Но карибское небо было таким же голубым и бесконечным, как в любой другой день. Кто-то упал на колени, склонив голову ниц, и смиренно простер руки.

Что-то шлепнулось у ног Джолли.

— Только этого не хватало, — выдавила она сквозь зубы.

Рыба падала на нее сверху, отскакивала от досок и исчезала в морской пучине. Серебряные чешуйчатые тушки, осьминоги, круглые, как шар, морские ежи, крабы с красными клешнями сыпались зловещим дождем с безоблачного неба.

— Бежим, — крикнул Гриффин и хотел пуститься наутек.

— Маленькая кваппа, — прошептал архитектор, а потом повторил еще тише: — От одного места до другого...

Рыба, переливающаяся разными цветами, задела его плечо, но архитектор даже не пошевелился.

Джолли хотела было присоединиться к Гриффину, но, сделав несколько шагов, они оба остановились. Гриффин резко втянул в себя воздух. «Бог ты мой!»

Джолли не проронила ни звука. Они видели, как рассыпалась толпа и туземцы кинулись в разные стороны, кое-кто даже на мост. Под градом рыбьих тушек мало что можно было разглядеть, но и того, что они увидели, оказалось достаточно, чтобы понять причину всеобщей паники. Среди аборигенов появились маленькие темные силуэты, раздававшие направо и налево удары непропорционально длинными руками и выпускавшие резкие крики.

Девочка отвела глаза от этого зрелища, наклонилась над перилами моста и взглянула вниз. Море разволновалось, вода в нем словно кипела. И все-таки не только падавшая сверху рыба привела его в движение — из глубин к поверхности устремились сотни каких-то существ, наподобие морских водорослей качавшиеся на волнах.

— Клабаутеры! — Гриффин отскочил от перил.

Голос Джолли звучал так хрипло, что едва можно было разобрать слова, которые она выдала из себя между двумя резкими вдохами:

— И кое-что еще.

Гриффин уклонился от каракатицы и тут же получил удар по затылку — его задел другой обитатель моря. Мальчик скривил лицо:

— И кое-что еще?

Она кивнула. Она уже дважды становилась свидетельницей такого необычного дождя. Это был несомненный знак, означавший, что поблизости находится одно из порождений Гибельного водоворота, — чудовище, подобное Ахерусу, убившему родителей Мунка.

— Но зачем клабаутерам нападать на рабочих? — Гриффин уставился на утесы, где туземцев теснила блестящая черная масса мокрых бесформенных тел с огромными тонкими конечностями и щелкающими клювами. — Клабаутеры не выйдут на сушу! — Его голос звучал беспомощно. — Никогда!

— Уже! — Джолли оттолкнулась от перил и бросила боязливый взгляд вниз. Вода кишмя кишела клабаутерами. — Их предводитель гонит их на берег. Он, похоже, внушает им больший страх, нежели суша и воздух.

Агостини вскарабкался на перила, воздел обе руки вверх и запрокинул голову назад.

— Иди, маленькая кваппа, — прошептал он, казалось бы, бессмысленные слова. — Тебя ждут.

Джолли не видела, как он взобрался на перила, и не понимала, как ему удавалось удерживаться на такой высоте без помощи рук, но от его слов кровь застыла в ее жилах. Что, черт побери, он хотел сказать?

Глухие звуки вырвались из глотки архитектора. Порыв ветра сорвал с него шляпу, и теперь седые волосы развевались, как рваные клочья дыма.

Гриффин схватил Джолли за руку.

— Клабаутеры побежали за туземцами на мост! Бежим отсюда! — Он показал на противоположный конец моста, туда, где виднелась поросшая лесом возвышенность другого острова.

— Нет! — удержала его Джолли. — погоди!

Гриффин, обернувшись через плечо, взглянул назад, на вулканический остров. Клабауте-

ры хватали бегущих туземцев и сбрасывали их в морскую пучину. Ударившись о воду, те камнем шли на дно.

— Они нас видели!

— Конечно, — сказала она. — В конце концов, из-за нас они сюда и явились. — Похоже, так и было, но Джолли засомневалась в этом, еще не договорив до конца. — Нам туда нельзя! — Она старалась перекричать шум и уклониться от падающих с неба тушек.

— Почему нельзя?

— Ты помнишь, что сказал Агостини?

Гриффин в отчаянии уставился на нее, потом на архитектора, который по-прежнему стоял на поручнях. Он все меньше походил на человека, пропорции его тела искажались, точно руки мастера росли к небу.

— Что он ответил, когда я спросила, куда ведет мост?

— Не на другой остров.

— Не на остров, — повторила она, пытаясь рассуждать. — Спокойно! Думай!

Гриффин смотрел на нее расширившимися глазами.

— Но куда еще он должен вести? Я хочу сказать, если не на остров, то... — Он замолчал, покачивая головой.

— Это ворота. Или переход. То есть как раз... да, мост, — беспомощно сказала Джолли, так как ей не пришло в голову ничего лучше. — Агостини и вправду построил мост, но он ведет не на остров, даже если и выглядит так. На самом деле там что-то другое. Может быть, другой мир.

— Море Тьмы?

— Это вполне возможно... Или нет?

Лицо Гриффина застыло, его взгляд по-мрачнел.

— Они идут. Нам надо удирать!

Джолли не шевелилась. Она сделала шаг к Агостини, который что-то шептал и не удостоил ее даже взглядом.

Клабаутеры приближались. Они были не столь проворны, как в воде; похоже, их пугала высота — сильнее, чем зиявшая внизу бездна или незнакомая обстановка вокруг. И все-таки их плотная шипящая и визжащая масса производила угрожающее впечатление, чтобы признать правоту Гриффина — надо было бежать.

Казалось, вместо Джолли бежал кто-то другой или кто-то толкал ее вперед, сделав нечувствительной. Пробежав несколько шагов, девочка остановилась. Гриффин пошатнулся и едва не упал, но в последнее мгновение с помощью Джолли устоял.

— Там, впереди, — почти беззвучно произнесла она.

Они приблизились к другому острову, очертания которого теперь казались даже менее четкими, чем раньше. Его контуры расплывались, будто остров состоял из густого темного дыма. Воздух над ним потемнел — не из-за туч, а так, словно кто-то стер голубизну карибского неба.

— Что это? — спросил Гриффин.

Клабаутеры, приближаясь сзади, устроили настоящий концерт. Они издавали высокие, резкие звуки.

— Дальше! — заорал Гриффин, бросив взгляд через плечо.

— Мы не можем...

— Хочешь, чтобы тебя растерзали? — Он схватил Джолли за руку и потянул ее за собой. — Они сбросят тебя, как и других, с моста. Ты разобьешься, или клабаутеры прикончат тебя в воде.

Темнота стремительно наступала. Темно стало не только над ними, но и рядом и впереди. Горб острова становился выше, шире и, мерцая, расплывался во все стороны.

Пронзительный визг испугал ребят и заставил резко обернуться. На них прыгнуло нечто с растопыренными руками. Оно скрежетало зубами и царапало когтями воздух.

— Берегись! — закричала Джолли.

Гриффин согнулся. Одновременно он вытянул из-за пояса кортик. Лезвие блеснуло в гаснущем свете голубого неба, который сиял сзади над мостом, как свет над ущельем. Клабаутер уклонился от удара Гриффина, потерял равновесие, но, широко расставив ноги, устоял. Его отвратительный череп раскачивался из стороны в сторону. Джолли выхватила из сапога нож, перевернула его в руке и, схватив за острие, плавным движением метнула в страшное создание — так, как учил ее капитан Бэннон. С глухим стуком лезвие ударило в грудь чудовища. Снова раздался визг, клабаутер оступился и рухнул в море.

Джолли развернулась и схватила протянутую руку Гриффина. На бегу ее пронзила мысль о том, что теперь она безоружна.

Клабаутеры отстали, будто их сдерживал еще сохранявшийся свет.

Суша у противоположного конца моста больше не была островом — она превратилась в пульсирующую темноту. Казалось, мост стал длиннее. Вообще-то они должны были уже достичь его конца, но мост все не кончался. Он стал покатым, так что становилось все труднее сохранять равновесие, чтобы не дать увлечь себя собственной скорости.

— Они... они отстали! — Голос Гриффина почти сорвался.

«Не знаю, хорошо ли это», — подумала Джолли, но вслух ничего не сказала. В горле у нее саднило, во рту ощущался неприятный привкус — нечто среднее между надкушенными горошинами перца и протухшим мясом.

Внезапно развиднелось, и тьма превратилась в глубокую беззвездную ночь, раскинувшуюся куполом над горизонтом штормового моря. Моря, которого только что не было, моря без участков суши. Моря черной маслянистой воды. Гребни волн были увенчаны темной пеной, которая, казалось, состояла из миллионов крошечных существ, может быть, маленьких рачков или водяных насекомых.

Теперь и позади не было света. Та часть моста, которую прошли Джолли и Гриффин, вела прямиком в бесконечную ночь и терялась в темноте. Клабаутеры исчезли, они не могли последовать за ними сюда. Или не осмелились?

Конец моста плавно уходил в воду. Волны разбивались о решетку, заливали ее и оставляли темные следы.

Огромные, размером с испанские военные галионы, тела двигались над поверхностью. Иногда что-то плюхалось в волны, потом выныривало, но в темноте невозможно было разобрать, что это.

Океан, который мог бы существовать в начале мира, — и все же другой, чуждый, страшный. Над водой мелькали серые проблески. Они очерчивали гребни волн величиной с дом.

Джолли и Гриффин остановились, держась за руки, и как зачарованные уставились в эту бездну вневременной черноты и морской глубины.

Они смотрели на Море Тьмы.

Огненный мост

Джолли чувствовала себя так, будто ее схватили за ноги и поставили на голову. Она едва находила опору на деревянной решетке моста. Ее била дрожь, рассудок отказывался повиноваться.

Гриффин взял ее за руку (а может быть, это она держала за руку его?), но его пальцы были холодными, будто пустота над бесконечной черной бездной высала из них все силы, чтобы с их помощью оживить свою собственную жуткую сущность.

Вдалеке над пенящейся водой сверкали молнии. Казалось, все здесь было больше — расстояния, тьма, волны. И живые существа.

Джолли и Гриффин стояли неподвижно, не в состоянии пошевелиться. И куда им было идти? Мост вел вниз, шагов через тридцать он исчезал в маслянистых волнах Моря Тьмы, окропляемый черными брызгами и окруженный огромными тенями, которые узкими кругами расходились вокруг его опор. Иногда Джолли казалось, что она слышит гневное рычание, глухое и продолжительное, будто кто-то кричал под толщей воды. Шум волн стал оглушительным. Ветер то стонал, то визжал, то шептал. И это был чужой язык, холодный и страшный.

Пахло гнилыми морскими водорослями, и этот запах смешивался с вонью дохлой рыбы. Но был и другой запах, который Джолли не могла сразу распознать.

— Ваниль, — сказал Гриффин, будто прочитав мысли девочки. Может быть, она и высказала свои мысли вслух, сама того не заметив. — Пахнет ванилью.

Она кивнула молча, опасаясь, что ее голос прозвучит так же жалко, как и его. Сладость посреди зловонных испарений делала запах еще более невыносимым. Она будто напоминала о возможности чего-то лучшего, что внезапно стало недостижимым.

— Мы не можем идти дальше, — выдавил Гриффин. Каждое слово с трудом срывалось с его губ, похожее на неторопливых улиток, которые, казалось, выползали из его глотки.

Позади еще не появился ни один клабаутер. Мост оставался пустынным — дуга, терявшаяся в темноте. Но каждый раз, когда вспыхивали молнии, Джолли и Гриффин видели, что конструкция бесконечна и тонка, как нить, как волос. В этом мире взгляд проникал в пространстве. Проникал ли он так же во времени? Действительно ли Море Тьмы было первобытной стихией, состоянием, к которому все когда-то вернется?

Они все еще стояли, крепко держась за руки, и соображали, что делать, — сбитые с толку, восхищенные, подавленные этой абсолютной непохожестью ни на что... как вдруг мост впереди загорелся. Пламя прорывалось между балками. От внезапного резкого света заболели

глаза. Волна жара с шипением распространялась над ними.

Мост горел!

Темная пена у подножия деревянной конструкции отступила назад, как живая, и в воде образовался кратер. В то же время в глубинах моря родился пронзительный звук, который издавали не невидимые живые существа где-то там, внизу, и не таинственные владыки этого мира, а само Море Тьмы. Огромные фонтаны с необъяснимой медлительностью поднялись в воздух; они будто застывали во времени, образовывали странные узоры во тьме, а потом тяжело обрушивались. Один раз пена была похожа на огромную клыкастую пасть, открывшуюся вокруг моста, а потом сомкнувшуюся.

Между тем пламя все выше взбиралось по опорам, искры ползли по доскам роями огненных муравьев, в мгновение ока пожирая дерево. Дерево, про которое Джолли думала, что оно происходит из пустых, холодных и темных мест, похожих на межзвездные пространства. Агостини должен был получить строительный материал от мастеров Моря Тьмы, чтобы осуществить свой... нет, их замысел. Мост между мирами... Совершенное игольное ушко для тех, кто должен был подготовить господство Гибельного водоворота. Сколько еще таких ворот в таинственных уголках Карибского моря? И во всем мире?

У Джолли не оставалось времени на дальнейшие размышления. Гриффин потянул ее назад. Пока девочка как зачарованная глядела на

огонь, пламя продолжало приближаться. Гриффин потащил ее за собой. Они помчались в том направлении, откуда пришли, навстречу невидимому переходу между этим миром и их собственным.

Тьма отступила, и Джолли пронзила мысль о том, что они, может быть, передвигались и во времени, что вернулись из вечности в свой собственный срок жизни — краткий, жестко ограниченный.

Мост перед ними уменьшился, сжался до своих первоначальных размеров. Из множества картин и цветов проступили силуэты клабаутеров, сновавших между опорами. Но страшные создания не видели Джолли и Гриффина, которые вернулись из тумана времен и миров. Огонь был их естественным врагом, врагом стихии, в которой они родились.

Мост полыхал и по эту сторону. Черный дым застилал небо, так что едва ли можно было заметить, где один мир переходил в другой. Дым разъедал легкие, и Джолли кашляла. В то же время на нее обрушился жар, и ей показалось, что волосы и брови у нее загорелись. Пламя было повсюду — позади ребят, перед ними, даже по сторонам, на перилах, где оно танцевало, точно сонм мерцающих огненных дьяволов.

Агостини был здесь. Он стоял посреди огненных языков, будто они не могли причинить ему вред. Поля его шляпы горели вокруг черепа, как странный нимб. Тем не менее его лицо (или то, что оставалось от лица) даже не дрогнуло.

— Тот, кто изменяет облик! — воскликнул Гриффин, и прозвучало это так уверенно, будто

он ежедневно имел дело с подобными существами. — Вайверн!

Джолли удалось на секунду оторвать взгляд от того, что когда-то было Агостини, и растерянно взглянуть на Гриффина.

— Кто?

— Вайверн. Я слышал. В портах рассказывали, что...

Его прервал вопль.

Череп Агостини развернулся на шее, шляпа соскользнула и исчезла в пламени. Голова архитектора выглядела теперь совершенно иначе, чем прежде, да и величина ее не соответствовала размеру человеческой головы — она раздулась, увеличившись вдвое, превратилась в вытянутый по вертикали овал, наполненный точками, которые напомнили, к ужасу Джолли, живую пену Моря Тьмы. Тело Агостини состояло из крошечных рачков — не больше самого маленького ногтя Джолли. Они соединялись друг с другом, образуя причудливые картины, напоминавшие человеческие конечности, а затем расставались с воспоминаниями о своем прежнем теле и, превращаясь в многоруких спрутов, выскальзывали из горевших клочков одежды мастера.

Джолли подумала, что они стаей ринутся сейчас на нее и Гриффина, но их щупальца дергались в воздухе то вперед, то назад. Казалось, вайверна что-то беспокоило, потому что он молниеносно погрузился в пучину.

У Джолли не оставалось времени подумать о том, что случилось с Агостини. Теперь огонь почти окружил ее. Объятые пламенем клаба-

утеры прыгали через перила, пробивали стену огня и расплывались, как подогретый жир, — Джолли и Гриффин остались на мосту одни.

— Назад, на вулканический остров! — крикнула Джолли без особой, впрочем, уверенности, просто чтобы не стоять в бездействии, ожидая, пока пламя доберется до них.

Ей было ясно, сколь ничтожны шансы: путь на сушу преграждало огненное море, а другое направление — в Море Тьмы — тоже было отрезано шипящим огненным валом. Да и без того девочка предпочитала сгореть, нежели еще раз вернуться туда или бросить хотя бы взгляд в этот мир ужаса.

Они метались вдоль горящих перил, с которых срывались на деревянную решетку пола все новые языки пламени. Еще чуть-чуть, и мост под их ногами рухнет.

То, что издаലെка выглядело как стена пламени, оказалось лабиринтом отдельных огненных гнезд, между которыми, может быть, они могли бы проложить путь — если устоит мост. И если огонь не будет распространяться дальше с такой головокружительной скоростью.

— Гриффин, — закричала Джолли, — прыгай. Для тебя удар об воду — сущие пустяки.

— И оставить тебя одну?

— Хватит изображать героя, прыгай!

На бегу он покачал головой.

— Ну а толку-то? Внизу ждут клабаутеры.

— Их давно уже нет. Они боятся огня больше, чем мы.

Джолли не была уверена в правдивости своих слов. Ведь то, что заставило клабаутеров выйти на сушу, могло заставить их затаиться в воде.

Неужели ими командовал вайверн? Вряд ли. В конце концов, клабаутеры напали на туземцев прежде, чем мост был готов. Вероятно, того, кто изменяет облик, нападение ошеломило так же, как их самих. Кто-то нарушил планы Агостини, не поставив его в известность.

Но кто поджег мост? Ребята добежали до его первой трети. Дерево трещало и скрипело под их ногами. Здесь мост возвышался над водой шагов на пятнадцать — слишком высоко для Джолли, чтобы она могла прыгнуть. Через щели в настиле она видела море. Клабаутеров нигде не было. Но поди пойми, исчезли они или только нырнули? Да еще оставался вайверн, который мог прятаться под водой.

На последнем участке моста, перед самым утесом, двигаться дальше было нельзя. Доски и балки горели вовсю, и жар, почти нестерпимый, обступил их со всех сторон.

— Ну, вот и все, — выдавил из себя Гриффин.

— Гриффин, — повторила Джолли, — ты должен прыгнуть!

Мальчик снова хотел возразить, но слова застряли у него в горле. Что-то темное взмыло в высоту позади и пронеслось над перилами по направлению к ним. Джолли казалось, что уголком глаза она различила могучий взмах чего-то темного — вроде кожи клабаутеров. Море Тьмы словно преследовало их и теперь парило над ними, как исполинская летучая мышь.

Тень приземлилась на мосту между ними, крылья, которые не были крыльями, остались распахнутыми, и чей-то голос рывкнул:

— Ко мне! Быстро!

Тьма окутала их. Это оказалась ткань, темная и грубая, под которой был теплый спертый воздух. Ткань защитила их от жара. Под ней скрывалась фигура высокого одноглазого человека. Торговец призраками правой рукой подхватил Джолли, левой — Гриффина, и широкое одеяние накрыло их обоих.

— Откуда ты...

Джолли не договорила. Земля ушла из-под ее ног. Сначала девочка подумала, что мост обрушился и она падает в пустоту, но затем ей стало ясно, что все обстоит иначе.

Горящий мост остался под ними. Или над ними? А может быть, рядом с ними? Во всяком случае, их на мосту не было: и Джолли, и Гриффин, и торговец призраками уверенно неслись к воде, которая, отражая огонь, превратилась в море лавы.

Она и раньше видела, как одноглазый совершал такие прыжки в гавани Нью-Провиденса, например, когда испанский флот сжег дотла пиратское гнездо. Теперь он снова сделал то же самое — не полет и, уж конечно, не скачок. Нет, что-то совершенно иное, сверхчеловеческое, что у него выглядело настолько же само собой разумеющимся, насколько у другого — обычный шаг.

Он позволил Джолли выскользнуть из его объятий, и она шлепнулась на волны, какое-то время пыталась обрести равновесие и наконец сумела встать. Горящий мост был шагах в двадцати — огромный раскаленный серп на фоне

стены черного дыма. Даже здесь, внизу, жар был вполне ощутим. Пройдет еще немного времени, и нелепая конструкция рухнет, как карточный домик.

В воде они были не одни, даже если Джолли и оказалась единственной, кто мог уверенно стоять на волнах. Странные создания образовали вокруг нее круг — существа, на первый взгляд похожие на лошадей, только более крупные и лишь наполовину возвышавшиеся над волнами. Нижняя часть их тел находилась под водой. Грубая, морщинистая кожа морских коней переливалась всеми цветами радуги. Вместо ушей у них росли тупые рога, а круглые глаза напоминали рыбы. У них не было конечностей, и все их тело представляло собой сплошной широкий рыбий хвост, но не гладкий, а покрытый роговыми чешуйками. На их спинах были специальные седла, которые позволяли седокам держаться прямо. Каждое из диковинных животных возвышалось над водой самое малое на шесть футов, и Джолли подумала, что скрытая часть уж никак не меньше.

Всадники, казалось, без усилий державшиеся на спинах гигантских морских коней, носили простую кожаную одежду, которая в некоторых местах была укреплена чем-то похожим на камни или кораллы.

— Всадники Элениума, — крикнул торговец призраками ребятам, оседлав морского коня, который ждал их в кругу вместе с остальными.

Его заостренная голова была белой, точно из слоновой кости, рога отливали янтарем. Направ-

ление взгляда существа, лишенного век, было обманчиво — в действительности морской конь наблюдал за всем вокруг сторожко и умно.

Теперь Джолли поняла, зачем торговец сбросил ее на воду: ему надо было освободить руки, чтобы посадить Гриффина в седло перед собой. После этого он крикнул Джолли:

— Влезай! Да поживей!

Джолли ухватила его руку, позволила подтянуть себя и усадить в широкое изогнутое седло. Девочку страховали ремни, которые обвились вокруг ее талии, как только она уселась.

— Вперед! — скомандовал торговец призраками, обращаясь к группе всадников на морских конях.

Мужчины были вооружены саблями и пистолетами с кремневыми замками. Большинство держало огнестрельное оружие в правой руке, а в левой — поводья. Джолли крепко прижалась к спине торговца призраками. Она еще не понимала, откуда он взялся и кто были эти люди, и тем не менее была бесконечно благодарна им за то, что они появились в нужный момент.

— Клабаутеры, — выдавила она. — Где они?

— Ушли под воду.

— Но они были не одни!

— Нет. — Резким движением одноглазый заставил морского коня описать дугу. Остальные животные последовали его примеру, сохраняя при этом защищающий строй в виде круга. — Гиппокампусы что-то чувствуют. — Он говорил, конечно, о морских конях.

— Это вайверн, — крикнул Гриффин через плечо. — Это...

— Тот, кто изменяет облик, — сказал торговец призраками и кивнул.

Гиппокампусы понеслись вперед, прочь от моста, в направлении коридора между бесчисленными островами. Где-то там лежало открытое море, бесконечная Атлантика.

— Ты знаешь про Агостини?

— Агостини? Он так себя называет?

— Сейчас уже, наверное, нет, — сказал Гриффин.

— В Элениуме про него знали. И об этом мосте тоже. Мы успели вовремя. — Он взглянул через плечо назад, на Джолли. — Ты не угадаешь, кто нас сопровождает.

— Мунк? — предположила девочка.

Одноглазый ответил после краткой паузы:

— Нет, Мунк в Элениуме. Здесь Уокер. И Соледад. Добрейший капитан не спускает с принцессы глаз после того, как она столько раз подсмеивалась над ним.

Джолли оглянулась. Ее взгляд скользнул по всадникам, но они расплылись в ее глазах как нечто такое, чего не существовало. Фантомы. Грезы.

— Держитесь крепче! — крикнул торговец призраками, когда гиппокампус прибавил ходу.

Джолли усомнилась в том, существуют ли корабли, способные двигаться так же быстро, как эти существа.

Эскадра морских коней мчалась по лабиринту между островами. Горящий мост остался далеко позади. Он почти скрылся за утесами и скалами, когда ужасный скрип и треск возвес-

тили о его крушении. Джолли посмотрела назад, но ее взгляду недоставало остроты, чтобы различить детали. Все, что она видела, были пылающие полосы вдалеке, которые вдруг резко сжались и сразу же исчезли в адском котле из черного дыма и белого пара.

— Кончено, — сказал торговец призраками, хотя Джолли скорее угадала, чем расслышала его слова.

Волны с шумом разбивались о грудь морского коня, покрытую роговыми пластинками. Белая пена била в лицо Джолли, оставляя на ее губах пленку из соли.

Она не могла поверить, что торговец призраками и впрямь сказал «кончено». Внутренний голос шептал девочке, что это не было правдой. Он просто хотел ее успокоить и поэтому что-то скрыл.

В действительности все только начиналось.

— А где вайверн? — спросил Гриффин таким же слабым голосом, как и ее собственный.

— Сбежал, — ответил одноглазый. — Меняющие облик трусят, когда дело принимает серьезный оборот.

«Что-то еще во всем этом кроется, — подумала Джолли, но она была слишком измучена, чтобы высказать свои мысли вслух. — Что-то еще...»

Голос Гриффина еле-еле звучал в ее ушах, уносимый ветром, который все сильнее бил им в лицо.

«Дождь из мертвой рыбы прекратился. Это значит...»

— Да, — сказал торговец. — Все прошло. Пока. Мы не знаем точно почему. Когда появились воины Элениума и подожгли мост, клабаутеры и не пытались им помешать. Как раз напротив, сразу после нашего нападения они отступили.

Джолли попыталась понять смысл, скрывавшийся за его словами.

— Но ведь клабаутерами командует Гибельный водоворот. С чего бы это он должен допустить разрушение моста? Он, в конце концов, предназначен для того, чтобы проложить путь владыкам моря.

Торговец призраками пожал плечами и вздохнул:

— Сила и мощь Гибельного водоворота нарастают день ото дня. Каждое действие в этой войне приобретает смысл, даже если мы не знаем какой.

Джолли собрала все свои силы.

— Война? — спросила она приглушенным голосом.

Окружающий пейзаж терял четкость — так быстро скользили гиппокампусы на северо-восток по пенящемуся морю, вдаль, к невидимой цели.

Торговец призраками оглянулся через плечо, но Джолли видела только слепую половину его лица с черной повязкой, скрывавшей мертвый глаз.

— Великая битва за Элениум, — промолвил он.

Город на морской звезде

Гиппокампусы были неугомы. Словно дервиши, они неслись по темно-синему морю, делая редкие остановки и обходясь совсем без сна. Или, может быть, они отдыхали, не снижая скорости, что казалось Джолли еще более невероятным и великолепным. Она сама, правда, засыпала, но на узком седле сон, короткий и беспокойный, не приносил настоящего расслабления.

Во время поездки ничего не случилось. Жители глубин больше не появились. Казалось, Гибельный водоворот изменил планы. После того как странники миновали лабиринт из рифов и скальных островов, Гриффин пересел на морского коня Уокера и теперь сидел за спиной капитана, оплетенный ремнями. Уокер разговаривал с мальчиком, но Джолли из-за большого расстояния не могла понять о чем. Может быть, он пытался успокоить Гриффина, вселить в него мужество. Это было довольно странно, ведь совсем недавно капитан пиратов собирался выбросить юнгу за борт корабля.

Уокер собрал свои длинные, до плеч, волосы в конский хвост. Он по-прежнему носил яр-

ко-красные штаны, которые были на нем в их первую встречу, и даже принцессе Соледад, судя по всему, не удалось отговорить его избавиться от золотого кольца в носу. У самой Джолли в каждом ухе было по полдюжины колец и, кроме того, булавка с двумя серебряными шариками в носу. Тем не менее она считала, что украшение Уокера выглядит нелепо.

Соледад, дочь убитого пиратского императора Скараба, ехала впереди Уокера. Как и капитана, в седле ее страховали дополнительные ремни; в конце концов, они оба не особенно искусно управлялись с диковинными животными. Правда, Джолли бросилось в глаза, что Соледад держалась ловчее Уокера. В отличие от него она еще на суше научилась обращаться с лошадьми. Длинные черные как вороново крыло волосы принцессы свободно развевались на ветру, и время от времени она бросала Джолли ободряющие взгляды или просто улыбалась ей.

В эти долгие часы Джолли часто думала о цели их путешествия. У девочки не было конкретного представления о нем, но она знала, что это плавучий город, стоящий на якоре на длинной цепи где-то в Атлантике, на северо-востоке от Виргинских островов. Жители Элениума были кем-то вроде сторожей, которым надлежало столетиями стеречь покоренный Гибельный водоворот — пока он не освободится и не наберет новую ужасающую силу.

Но пока страшный пленник затаился. Джолли понятия не имела, почему он медлит с на-

падением, и знала только одно: лишь Мунк да она могут остановить бедствие.

От того, выживут ли они, зависит судьба Элениума и, если верить торговцу призраками, то в конечном счете и всего мира. Только если Гибельный водоворот не сможет обрести былую мощь и взломать границы Моря Тьмы, они вернутся к прежней жизни.

Джолли думала о том дне, когда все началось. Разом потеряла она своего опекуна капитана Бэннона, а с ним и всю команду. Девочка выросла на его корабле, Бэннон был для нее и отцом и матерью, а сверх того и лучшим учителем, какого она только могла себе представить. А потом он попал в ловушку, и только ей, Джолли удалось бежать. У нее не было доказательств, что виной всему Гибельный водоворот, и она вновь и вновь отказывалась верить в смерть Бэннона. Но каждый след, на который она с тех пор натыкалась, каждая надежда, словно вода, уходили в песок. И хотя девочка не хотела себе в этом признаться, события последних дней оттесняли боль утраты все дальше.

Дважды солнце погружалось в море и дважды всходило, прежде чем перед ними появилось густое поле тумана. Мышцы Джолли напряглись, когда всадники направили гиппокампусов прямо во мглу. Какое-то время казалось, что они плывут в сером мареве, пока туман не рассеялся и они не узрели впереди Элениум.

У Джолли перехватило дыхание — она никогда еще не видела ничего подобного. Все го-

рода, в которых ей доводилось бывать, были убогими поселениями вокруг карибских гаваней: кое-как застроенные кварталы, кривые улочки, хижины и обветшавшие дома впере-мешку с мрачными кабаками, сараями и лавками скупщиков краденого, татуировщиков и торговцев ромом.

Элениум предстал перед ней так, как если бы клочок неба принял зримый образ. Город был похож то ли на глазурь, то ли на причудливо переплетенные кораллы. Он напоминал небольшую гору, над которой возвышались бесчисленные башни и балконы, крыши с ост-роконечными фронтонами, причудливые мосты и платформы. Все здесь казалось сделанным из кораллов, белых или кремовых, иногда пронизанных жилами шоколадного или янтарного цвета. Окна и двери были высокими и узкими, а некоторые дома отделаны так тонко, что Джолли вспомнила о китайском фарфоре — однажды Бэннону достался целый корабль с фарфоровыми изделиями.

А здания... Было ли здесь хоть что-нибудь действительно построено? И вправду, казалось, что большая часть Элениума выросла наподобие чудесного кораллового рифа. Город стоял на мощной морской звезде, лучи которой простирались далеко в море и использовались местными жителями в качестве естественных сходней. На большинство лучей, по крайней мере с этой стороны, стояли низенькие домики, и только в центре звезды дома были повыше, а дальше, вокруг покатой горной вершины,

взмывали на головокружительную высоту огромные небоскребы. У самой же горы были крутые склоны, сложенные из того же светлого материала, как и все остальное здесь, прорезанные множеством водных потоков, которые либо спокойно текли по узким руслам, либо низвергались, как водопады, с уступов.

— Впечатляет, а? — обернулся к ней торговец призраками, но Джолли не нашлась что ответить.

Сказать: «Да, впечатляет», — показалось ей неточным. Элениум был чем-то гораздо большим, нежели просто впечатляющим, — чудом, сказочными театральными декорациями, да что там, чем-то совершенно невероятным.

И вот что еще бросилось ей в глаза: над городскими башнями по голубому безоблачному небу парили крылатые существа — могучие скаты, двигавшиеся по воздуху, как их меньшие сородичи в глубинах моря. На спине каждого сидел всадник — солдат.

Морские кони позволили вернувшимся домой спешиться у края одного из лучей. Долгая «скачка» утомила даже гвардейцев. Уокер выпрыгнул из седла и хотел помочь Соледад, но его колени подогнулись, и он во весь рост растянулся на земле. Несколько всадников засмеялись, но Соледад бросила на Уокера сочувственный взгляд: она понимала, что и с ней могло бы случиться нечто подобное, встань она на ноги после нескольких дней, проведенных в седле.

Кто-то поднял Джолли со спины гиппокампуса и усадил на коралловый цоколь. К ней

подвели Гриффина, его рука коснулась ее руки, но никто из них не произнес ни слова.

Совсем близко на якоре стоял «Карфакс», сильно пострадавший в бою. По его палубе и такелажу сновали плотники и кораблестроители, работавшие вместе с призрачной командой шлюпа.

С «Карфакса» Джолли обратила удивленный взгляд на город, который показался ей сказкой, превратившейся в реальность.

Две птицы вспорхнули с одной из бесчисленных крыш Элениума и уселись на плечи торговца призраками. Он, смеясь, приветствовал черных как смоль попугаев. Обычно Хью и Мо следовали за ним по пятам, и странно было, что сейчас они его не сопровождали. У Хью были желтые, у Мо огненно-красные глаза, и тот, кто видел птиц, понимал, что они наделены загадочным интеллектом.

Вокруг Джолли появились какие-то новые лица. Кто-то поглядывал на нее с любопытством, кто-то шептал: «Это вправду она?» и: «Немного худощава, не так ли?» Джолли едва прислушивалась, а если что-то и улавливала, то делала вид, будто не замечает, как невежливо ее рассматривали и обсуждали, точно ее здесь и нет.

Из толпы выбралась, ступая большими шагами и громко ругаясь, мощная широкоплечая фигура с головой собаки.

Буэнавентура, человек-питбуль, повел подрезанными ушами, потом его губы растянулись в ухмылке, обнажив зубы. Он горячо обнял Уоке-

ра, которому к тому времени помогли встать, и с такой силой хлопнул его по спине, что капитан едва не упал снова. Потом он увидел Джолли, испустил вой облегчения и заключил ее в объятия.

— Я рад, малышка, что ты снова среди нас! Черт возьми, как я рад!

Со своей собачьей улыбкой он глянул и на Гриффина, который ответил ему вымученной ухмылкой.

— Рад, что все у тебя получилось, желторотый!

Оба принялись трясти друг другу руки, причем ладонь Гриффина почти исчезла в лапище человека-собаки, а потом Буэнавентура демонстративно повернулся к прибывшим спиной. Он нес рюкзак, из которого выглядывало странное существо длиной с человеческую руку — то ли гусеница, то ли жук. Это был древесный червь. Под роговым панцирем, покрывавшим большую часть его тела, открылся рот.

— Миледи Джолли, — провозгласило существо елеинным голосом (так ее еще никто не называл), — я более чем счастлив увидеть тебя и твоего храброго спутника.

— Храброго? — спросил Гриффин, наморщив лоб.

От древесного червя, знавшего десять тысяч проклятий и еще больше оскорблений, они привыкли слышать кое-что другое.

— Добро пожаловать в Элениум, — продолжал червь, не обратив внимания на удивление Гриффина. — Я хотел бы воспользоваться воз-

можностью и прочитав пару скромных строк, которые я в поэтическом рвении написал специально в честь вашего прибытия.

— У-у, — протянула Джолли.

— Прямо сейчас? — поинтересовался Гриффин.

Древоточец громко откашлялся и совсем было собрался начинать, как вдруг плоская ладонь Уокера легла на его роговой панцирь.

— Стоп, — сказал капитан, с трудом державшийся на трясущихся ногах. — Забыл? Никаких стихов, когда я рядом.

— Ничего подобного, — ответил червь, на мгновение отбросив свою высокопарную официальность. — Может быть, это правило и действовало на борту вашей грязной вонючей пиратской посуды, но не здесь, в чуждом Элемиуме, где умеют ценить творения высокого искусства и поэзии.

Буэнавентура через плечо взглянул на Джолли:

— Здешние люди его почитают. Они говорят: «Какой чудный язык!» и называют его мастером поэзии.

— Не забудь еще «чудесный червь», — добавил древоточец.

— Стоит на шесть дней отлучиться, — проворчал Уокер, — и этот червяк принимается издеваться надо мной.

— Чудесный червь, — повторил древоточец в сторону капитана, четко проговаривая слоги. — Заметь себе, варвар! Был человек, который назвал меня «Ланцелотом улаждающего песенного богатства». А еще меня величали «Бриллиантом поэтического искусства».

Джолли посмотрела на Гриффина и вздохнула.

— Добро пожаловать домой, — прошептала она.

Пройдя по лестницам и мостам, они оказались в сердце города. Путь пришельцев лежал под скошенными крышами, которые никогда не были симметричными, и вдоль высоких шероховатых стен с наростами. Эти образования, если смотреть на них вблизи, не были похожи ни на что, что могло бы прийти в голову какому-нибудь архитектору.

Элениум был кораллом — самым большим, о котором когда-либо приходилось слышать. С незапамятных времен полипы оседали на спине гигантской морской звезды и постепенно срастались с ней, образуя слой за слоем фантастические отложения, из которых когда-то возникло нечто, более похожее на термитник, нежели на город, построенный людьми.

Казалось, что дороги были здесь длиннее, чем надо, и вели в никуда; попадались залы без единого угла, только с плавными поворотами и пузырчатыми изгибами.

— Где, собственно, прячется Мунк?

Джолли почувствовала, что ее совесть нечиста — она ведь могла еще раньше справиться о нем.

— Он работает, — кратко ответил торговец призраками.

— Работает?

— Над собой. Над магией раковин.

— А почему его не было, когда мы приехали?

Торговец помолчал какое-то время, а потом сказал, не глядя на девочку:

— Возможно, ему об этом не сообщили.

— Но другие-то знали!

Гриффин тронул Джолли за руку.

— Может быть, он не захотел прийти.

— Но это... — Джолли осеклась, возражение застряло у нее в горле.

— За несколько дней Мунк многому научился, — уточнил торговец призраками, от внимания которого не укрылось разочарование Джолли. — Тебе придется кое-что наверстать.

Джолли молчала, но думала, что и она могла кое-что рассказать, если бы речь зашла о том, как она обращалась со своим временем. Она не была знатоком магии раковин, как Мунк — так, головастик: прыг туда, прыг сюда, — только и всего. Да она и не собиралась становиться магом.

Она хотела стать пиратом. Самой удачливой разбойницей Карибского моря, внушающей страх. А еще она хотела разузнать, что произошло с капитаном Бэнноном и «Тощей Мэди». Пусть Гибельным водоворотом и повелителями Моря Тьмы занимаются другие — скажем, Мунк. И торговец призраками. Джолли было не по сердцу, когда кто-то диктовал ей, что надо делать, а что — нет. И меньше всего она могла вынести новые пророчества.

— Куда мы идем? — спросила она, заранее испугавшись приемов под коралловыми куполами, мудрых мужчин и женщин, которые при-

ветствовали ее так, будто и впрямь судьба мира зависела от нее.

— Я подумал, что вы захотите отдохнуть, — сказал одноглазый. — Поэтому вас отведут в покои. Пospите час-другой, а там посмотрим.

Покои. Джолли, погруженная в свои мысли, кивнула. Она представила себе Мунка таким, каким видела его в последний раз — с лицом, покрасневшим от лихорадки, склонившегося над коллекцией раковин, к которым он добавлял все новые образцы, чтобы потом вызвать магическое действие.

«Одержимый, — подумала девочка, и ей стало не по себе. — Я не такая, как он. Я никогда не стану такой, как Мунк».

Похоже, Джолли спала долго, потому что, когда она проснулась, на табуретке рядом лежала ее выстиранная и высушенная одежда. Только льняные штаны заменили кожаными, удивительно легкими и приятными на ощупь. В высокое стрельчатое окно лился сумеречный свет, но наступило ли утро, или это был вечер, девочка не могла сказать. Да и неважно — главное, она отдохнула. Торговец призраками, прежде чем она легла, дал ей какого-то отвратительного травяного настоя. Было ли дело в загадочном напитке или в нескольких часах сна, но она чувствовала себя свежей и готовой к новым экспедициям. Правда, ноги болели после продолжительной скачки, и, поглядев в зеркало, Джолли обнаружила у себя синяки величиной с кокосовый орех.

Чуть позже девочка покинула спальню — скорее высокую, чем широкую, с мерцающим сводом, через который пробивался слабый розовый свет, различимый только в определенных местах комнаты. Дверь была деревянной, как и мебель, превращавшая странную обстановку в нечто более или менее реальное. Здесь жили люди, а не ангелы или феи. Люди из разных стран, которые по немыслимым причинам попали в Элениум.

Гриффин занял комнату по соседству, но, когда она постучала, ответа не последовало. Несомненно, он еще спал.

Джолли отправилась гулять по городу одна, следуя при этом наказу торговца призраками — не подниматься слишком высоко, а на всех перекрестках и развилках выбирать направление вниз. Так, по его словам, в Элениуме можно было быть почти уверенным, что не заблудишься.

Совет, правда, показался Джолли странным, но уже скоро она перестала об этом думать, настолько захватил ее вид города. Для начала девочка установила, что Элениум не был компактным образованием, каким казался издали. На деле большинство домов, включая и дворец, в котором она спала, производило впечатление маленьких и филигранных. За ними, между ними, часто под ними или на застроенных мостах расстился лабиринт переулков, дорожек и улиц. Поэтому даже передвигаясь на небольшие расстояния, можно было большей частью оставаться под открытым небом. В воздухе носились разнообразные запахи. Путь Джолли

пролег мимо рынков со свежими фруктами, мимо витрин, из которых доносились тонкие ароматы духов, или просто по балюстрадам высоко над морем, где девочка втягивала в себя соленый запах моря, потому что вдруг ей стало ясно, как долго она не ощущала его.

Жители Элениума отличались от сброда, населявшего портовые города. И не в том дело, что этот народ сделал Джолли когда-либо что-нибудь плохое — в конце-то концов она сама была частью бродяжьего племени. Но девочка не могла не признаться себе, что здесь все было немного более упорядоченно, да просто приятнее, чем в грязных переулках порта Нассау или в полуразрушенных кварталах Ямайки.

В Элениуме проживало не очень много мужчин — не более двух тысяч. Она видела некоторых и решила, что они готовятся к защите города. Женщины и дети были одеты просто, но опрятно. Если и было что-то, что портило впечатление от фантастической идиллии, так это лихорадочная спешка, с которой люди делали свои повседневные дела. Да еще эта поспешность отражалась на их лицах.

Казалось, они знали, в каком положении находится город на морской звезде. Очевидно, предстоящая война с Гибельным водоворотом и силами Моря Тьмы не была тайной ни для кого в коралловых домах и переулках. И город, выглядевший красиво и мирно, готовился к осаде.

Всем было ясно, что означало поражение — полное разрушение Элениума и смерть жите-

лей. И Джолли, знавшую это, удивляла все еще ничем не нарушаемая атмосфера покоя и гармонии. Потом, однако, она вспомнила порт Нассау, которому угрожала испанская армада: и там тоже мало кого беспокоила опасность, все продолжали заниматься своими сомнительными делишками — пираты, торговцы, девки. Почему же здесь должно быть по-другому? Может быть, жители Элениума и были несколько более воспитанными и утонченными, но, возможно, все люди оказывались одинаковыми перед лицом неотвратимой опасности.

У Джолли перехватывало дыхание, когда она бродила по мостам, лестницам и террасам Элениума. Она постепенно поняла, почему торговец призраками прилагал столько усилий, чтобы спасти город. Торговец был стар, гораздо старше, чем все они могли постичь, и его окружала аура сверхчеловеческого, иногда пугавшая Джолли. Нашел ли он в этом городе покой, чтобы теперь видеть, как ему угрожают владыки Моря Тьмы? Был ли он поэтому готов принести любые жертвы для победы над Гибельным водоворотом?

При этой мысли она содрогнулась и крепче ухватилась за перила балкона, с которого смотрела вниз. Под ней, по ту сторону крыш, башен и минаретов, лежали четыре мощных луча морской звезды, как белые пальцы выделявшиеся в вечернем тумане на фоне темной поверхности океана. Парусные лодки и гиппокампусы бороздили море вокруг плавучего города, и повсюду в воздухе реяли мощные скаты

с вооруженными всадниками, которые были всегда настороже и постоянно следили за малейшими признаками возможного нападения.

Резкий шум ветра в узких коралловых расщелинах напоминал звук фантастических органов. Джолли откинула волосы назад и, погруженная в мысли, перевела взгляд с волн на туманную стену, словно защитным кольцом окружавшую Элениум. Волны испарений дрожали и колыхались, создавая сказочные образы, а иногда грозные гримасы — но все это различал только тот, кто долго вглядывался.

«Ты ломаешь голову невесть над чем, — сказала себе Джолли. — И ты погрязла в пессимизме. Элениум вовсе не погиб. Еще есть возможность спасти его».

А где-то в глубине ее души какой-то голос прошептал: «Все зависит от тебя. Все в твоих руках».

Девочка тряхнула головой, будто могла прогнать мысль, как муху, но ничего не помогало. Слишком уж глубоко засело в ее сознании послание торговца призраками — только два головастика могут спасти от гибели Элениум, а с ним и Карибское море, все то, что Джолли знала и любила.

— Джолли!

Чей-то зов заставил ее вздрогнуть. Она была почти благодарна за это, даже если ее сердце и остановилось на мгновение.

— Джолли, здесь, наверху!

Она посмотрела наверх и увидела над собой огромную тень, треугольную, словно копье ве-

ликана, с крыльями, которые медленно поднимались и опускались.

Скат величественно снизился, так что оба его всадника оказались на высоте перил, отделенные от них несколькими шагами пустоты.

— Джолли... с тобой все в порядке! Слава богу!

Один из всадников был д'Артуа, капитан гвардии скатов и повелитель гиппокампусов. Он находился среди прочих на мосту, и Джолли его узнала. Но говорил не он, а сидевший за ним в седле худощавый блондин.

Джолли вздохнула, и на ее губах появилась улыбка.

— Мунк, — проговорила она с облегчением, — где, черт возьми, ты прятался?

Волшебство головастика

— Давай поднимайся!

Лицо Мунка покраснело, но теперь причиной этого было, похоже, возбуждение, а не лихорадка и уж тем более не проклятая магия раковин. Девочка уставилась на него через бездну, будто перед ней был призрак.

В глубине души она еще злилась на Мунка за то, что он не приветствовал ее во время прибытия. Но теперь, когда она увидела его сидящим на спине этого страшилища, явно более здоровым, чем неделю назад при расставании, Джолли была вполне готова простить его.

Мунк потерял родителей при нападении Ахеруса на его остров, но теперь, очевидно, он снова мог радоваться. Его глаза так и светились восторгом, и это была большая перемена, на которую Джолли, по правде говоря, не надеялась.

— Подниматься? — переспросила она с нервным смешком. — Ты что, не в своем уме?

Д'Артуа натянул поводья и подогнал ската поближе к перилам. Позади Джолли, на маленьком пяточке между белыми коралловыми стенами, взмахи крыльев взметнули солому и несколько засохших цветов.

— Я не смогу.

— Еще как сможешь, — ответил капитан.

Он резко свистнул. Джолли согнулась, когда скат пронесся над ней и приземлился с глухим звуком. У него не было лап или когтей, как у птицы, и Джолли предположила, что для него обычное дело садиться на воду. Сейчас же он просто лежал на животе, распластав крылья по земле, и терпеливо ждал.

Мунк протянул к ней руку.

— Ну, давай. Здесь хватит места на троих.

Джолли все еще колебалась:

— Да не знаю я...

— Скаты способны нести до пяти человек, — улыбнувшись, сказал д'Артуа. — И они спокойные, ими гораздо легче управлять, чем гиппокампусами.

Мунк вздохнул:

— Не ломайся ты!

Джолли бросила на него сердитый взгляд, собралась с духом, осторожно вскарабкалась по острому хвосту и уселась в седло позади Мунка. Во всяком случае, в одном мальчик был прав: на спине ската было достаточно места для нескольких всадников. К услугам каждого были петли для ног и для рук, так что не приходилось хвататься друг за друга.

Тем не менее Джолли на миг плотно прижалась к Мунку сзади и обняла его.

— Как здорово увидеть тебя снова!

Его лицо стало похоже на спелый томат, и он расплылся в широчайшей улыбке.

— Я скучал по тебе.

— Эй-эй, — крикнул д'Артуа, — я еще здесь!

Джолли отпустила Мунка и устроилась поудобнее в гладком кожаном седле. Она продела руки и ноги в петли и не смогла сдержать короткого стона, когда синяки болезненно напомнили ей о состоянии ее седалища.

— Ты готова? — спросил капитан.

Джолли кивнула.

— Ну, тогда вперед. Держитесь крепко!

Он снова несколько раз свистнул, и скат, изящно взмахнув крыльями, поднялся на несколько футов над землей, развернулся между домами и заскользил прочь — в пустоту. Джолли показалось, будто она сидит в лодке во время штиля — так незаметны были движения мощного тела. Только ногами она ощущала, как под гладкой кожей напряглись мускулы толщиной в руку.

Крылья мешали ей посмотреть в бездну. Было похоже, будто она парила на летающем ковре. Только взглянув через плечо, Джолли смогла бросить взгляд вниз, но это вызвало у нее такое головокружение, что девочка быстро повернула голову вперед. Длинные волосы д'Артуа развевались почти горизонтально, как и ее собственные. Встречный ветер оказался прохладнее, чем ожидала Джолли, — из-за того, что солнце давно скрылось в тумане. Только верхний белесый слой воздуха светился нежно, как листовое золото.

Коралловые крыши остались позади — шагах в пятидесяти-шестидесяти. Капитан заставил ската описать спираль, и Джолли впервые уви-

дела другую сторону города на морской звезде и поняла, что там нет одного из лучей, а два других острыми краями обрывались в море, будто кто-то ударил по ним огромным кулаком. Дома на остатках этих лучей были разрушены, развалины черны, как сажа, словно совсем недавно здесь свирепствовал большой пожар.

— Что случилось там, внизу? — спросила она.

— Создания из Гибельного водоворота, — коротко ответил д'Артуа. — Нападение, которое нам удалось отбить.

— Здесь неохотно говорят об этом, — заметил Мунк. — Прошло всего несколько месяцев, как...

— Пять, — прервал его капитан.

— Пять месяцев, — согласился Мунк, будто он уже тогда жил в Элениуме. — Войско водяных подобралось под покровом тумана, возглавляемое... а кстати, кем?

Д'Артуа оставался мрачен. Эта тема ему не нравилась.

— Кем-то без имени, кто был больше самого большого корабля и опаснее гигантского кальмара.

Мунк посмотрел назад.

— Капитан д'Артуа и его люди отразили нападение... Но было много погибших, и ты видишь, что едва не случилось с городом.

Джолли мрачно кивнула.

— Со времени той вылазки скаты патрулируют под городом и охраняют якорную цепь, — сказал д'Артуа. — Глубокие уровни до сих пор

были необитаемы, но теперь мы не столь уверены в этом. Нырляльщики прочесали залы и гроты, но там все слишком обширно и к тому же перепутано, чтобы мы могли быть спокойными. Если там, внизу, кто-то поселился, он, чего доброго, только и ждет возможности, чтобы напасть.

— А что такое «глубокие уровни»?

— Это город под городом, — опередил Мунк капитана. — На нижней стороне морской звезды такие же коралловые образования, как и наверху. Как если бы Элениум отражался в зеркале.

— Бесчисленные коралловые пещеры, — сказал д'Артуа. — Раньше они были безопасны, там жили разве что акулы и мурены. А теперь... Кто знает? — Он вздохнул. — И тем не менее мы делаем все, что в наших силах, чтобы обезопасить нижний город.

— А сколько солдат в Элениуме? — полюбопытствовала Джолли.

— Недостаточно. Несколько сотен.

Джолли вспомнила о полчищах клабаутеров, которых две недели назад видела с борта «Карфакса». Это была огромная стая из тысяч и тысяч существ, которые плыли в Атлантику. Там Гибельный водоворот собирал свои силы.

У Элениума не было бы никаких шансов в случае битвы людей против водяных.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — проговорил д'Артуа, пока они делали второй круг над городом, постепенно снижаясь. — Но мы будем бороться. У нас нет выбора.

— Джолли, погляди-ка! — Внезапная радость в голосе Мунка показалась Джолли не-

сколько наигранной, чтобы можно было счесть ее настоящей. Он хотел отвлечь девочку от мрачных мыслей. — Там, внизу, квартал торговцев. Видишь базары?

— Да.

— А на той стороне, немного выше, библиотеки. Нам надо пойти туда завтра рано утром. — Вытянув руку, он показал на несколько высоких коралловых куполов, прижавшихся к склонам горной цепи. Потоки, струящиеся сверху, попадали в бассейны и каналы между библиотечными корпусами и создавали бурлящие водопады и пруды, в которых плавали экзотические растения. — А там, — сказал Мунк немного погодя, — дома совета Элениума. Рядом с ними гвардейские казармы. А ниже квартал поэтов. Художники с музыкантами тоже там живут. — Он тихо засмеялся. — Видела бы ты их, когда появился древесный червяк. Они послали в совет делегацию, чтобы добиться для него собственного жилья в своем квартале. И кстати, собственной порции дерева. Он здесь всеобщий любимец.

— Ланцелот услаждающего песенного богатства, — хихикнув, повторила Джолли слова червяка.

— Он большой поэт, наш червяк, — совершенно серьезным тоном произнес д'Артуа. — Не надо над ним потешаться только потому, что он меньше вас.

Мунк засмеялся.

— Вот видишь? Все они таковы — ужасно добродушные... «Только потому, что он меньше вас», — шутливо передразнил Мунк капитана. —

Может быть, торговец призраками потому так привязан к Элениуму, что все здесь такие милые.

— И достаточно злобные, чтобы сбросить тебя отсюда, если ты, юный друг, не попридержишь язык.

Мунк, взглянув через плечо на Джолли, строил гримасу.

— Сейчас мы начинаем снижение под более крутым углом, — предупредил капитан. — Держитесь!

Джолли скользнула немного вперед, когда скат перешел в пике. На миг ей стало так плохо, что она испугалась, как бы ее не стошнило. Только когда д'Артуа примерно в трех шагах над поверхностью воды перешел в горизонтальный полет, Джолли почувствовала себя немного лучше. Петли, за которые она держалась, стали влажными и скользкими.

Д'Артуа замедлил полет, и скат не спеша заскользил над волнами. Здесь, внизу, тьма была почти крошечной и только мерцающие огни Элениума, которые зажигались теперь один за другим, появлялись на черной поверхности.

Джолли пронзило воспоминание о Море Тьмы. О темной-темной бездне без единого огонька. Почти как... нет, не как здесь. Здесь было Карибское море. Волны, по которым она могла бегать так, как другие по твердой земле.

Мунк вынул ноги из стремян и, слегка покачиваясь, начал взбираться на седло.

— Ты свихнулся? — напустилась на него Джолли.

— Да ты только посмотри.

— Не старайся меня удивить, — насмешливо ответила девочка. — Если ты упадешь с такой высоты, переломаешь все кости.

Конечно, с любым другим человеком ничего не случилось бы, но Джолли и Мунк были кваппами. Джолли удивило, что капитан вообще допустил баловство Мунка — ведь от него, от Мунка, в гораздо большей степени, чем от нее, зависела судьба Элениума.

— Да скажите же вы ему, — потребовала она от д'Артуа. — Этот мальчишка упадет.

— Погоди, — сказал капитан.

Он издал продолжительный свист, и скат перешел в планирующий полет, при котором его крылья оставались совершенно неподвижными.

Теперь Мунк стоял на седле, широко расставив ноги.

— Смотри! — сказал он Джолли. — Я хочу показать, чему научился за последние дни.

— Как шею ломать, что ли?

Мунк повернулся в сторону и ступил на одно из распростертых крыльев ската. Тот даже не покачнулся.

— Черт побери! — Джолли протянула руку, чтобы удержать Мунка, но он уже был вне досягаемости и теперь добрался до самого края — будто двигался по деревянной платформе, а не по крылу живого существа.

— Важно погрузиться сначала руками и головой, — сказал он.

«Погрузиться? О чем это он? Головастики не могут нырять. Вода для них все равно что

камень. Он разбил бы череп, попытавшись нырнуть».

— Кончай дурить!

Мунк улыбнулся Джолли, что, на ее взгляд, было заносчивостью. Потом он снова устремил взгляд вниз, встал на колени, наклонился и, оттолкнувшись, головой вперед полетел в воду.

Джолли закричала, когда Мунк стремглав ушел на глубину. А скат уже пролетел мимо, и девочка едва не вывихнула шею, стараясь удержать Мунка взглядом. Но вода была слишком темной.

— Летите назад! — потребовала Джолли. — Поворачивайте! Быстрее!

— Не беспокойся, — ответил д'Артуа. — С ним ничего не случилось.

— Ах вот как? — Девочка продолжала напряженно всматриваться в темные волны и каждую минуту боялась увидеть на поверхности изломанное тело Мунка. — Мы головастики! Мы можем умереть от таких трюков!

— Можете, но не должны, — сказал д'Артуа и направил ската по широкой дуге назад, в том направлении, откуда они прилетели. — Не должны, если правильно это сделаете.

— Не хотите ли вы этим сказать...

— Здесь, в Элениуме, есть учитель, разбирающийся в том, что вы можете, а что нет. Сам он не кваппа, но знает старинные предания.

— Предания? — Ее голос звучал презрительно. — Первые кваппы родились после большого землетрясения в Порт-Ройале. А произошло оно четырнадцать лет назад. Так что ваши пре-

дания не могут быть такими уж старыми. — Джолли прислушивалась к своему голосу, но не могла думать ни о чем, кроме Мунка, который, вероятнее всего, был мертв.

— Нет, — возразил капитан. — Я, конечно, не все выучил о кваппах, но одно знаю наверняка: они существовали гораздо раньше, много тысячелетий назад, в ту пору, когда Элениум превратился в стража Гибельного водоворота.

— Хорошие же вы стражи, — с горечью сказала девочка. Она не испытала и половины той радости, на которую надеялась, оскорбляя капитана. Но в тот момент Джолли чувствовала себя правой — даже если и хотела всего лишь отвлечься от только что услышанных слов д'Артуа.

— В качестве стражей мы и правда оказались несостоятельными, это верно, — согласился капитан, и его голос утратил свойственную ему деловитость. — Тем не менее наши мудрецы, как мне кажется, знают вас, головастики, лучше, чем вы сами.

Она не могла ясно мыслить, не могла и прислушиваться — до тех пор пока не выяснила, что произошло с Мунком.

— Снижайтесь!

К удивлению Джолли, капитан выполнил ее требование.

— Джолли! — донесся голос из темноты. — Я здесь!

Она перебралась на место Мунка в седле, чтобы было удобнее смотреть вперед.

— Я тебя не вижу! — Голос девочки звучал сипло.

— Не бойся за него, — сказал капитан. — С ним все в порядке.

Взгляд Джолли беспокойно скользил по блестящей поверхности моря. И вдруг... да, она увидела его.

Мунк плыл. Только его голова и руки виднелись среди волн.

На миг сердце Джолли замерло. «Этого не может...» Девочка прервала сама себя, потому что не верила своим глазам.

Мунк мог плыть. Он был там, внизу — в воде!

Но это невозможно. Мунк был кваппой, как и она сама. Кваппы не плавают в соленой воде, они ходят по ней. Все остальное было бы так же нереально, как внезапное погружение обычного человека в каменную мостовую.

Скат пронесся над Мунком, и д'Артуа заставил его вернуться обратно, описав широкую кривую.

— И тебе это тоже по силам, — сказал капитан. — Важно только, чтобы ты сделала то же, что и он, — надо погрузиться сначала руками и головой.

— Но... но это не имеет никакого смысла.

— Все дело в скорости. Пыталась ли ты когда-нибудь пронести палец сквозь пламя свечи?

— Каждый ребенок пытается сделать это.

— Ну и что? Ты обожглась?

— Конечно же нет.

— А почему?

— Потому, что я слишком быстро пронесла палец сквозь пламя, чтобы... — она помедлила, — чтобы обжечься.

— Совершенно верно. — Д'Артуа кивнул, по-прежнему не глядя на Джолли. — С кваппами точно так же. Если вы достаточно быстро скользите по поверхности, так быстро, что она вас не чувствует, с вами ничего не случается. А если вы вдруг оказываетесь в воде, с вами происходит то же, что и со всеми остальными людьми. Вы можете плавать, когда захотите, — водная поверхность не оказывает сопротивления. И, как я уже говорил, в том случае, если вы быстры. Поэтому надо прыгать головой вперед. — После краткой паузы он добавил: — Мунк сначала был недоверчив, как и ты. Но он сумел с этим согласиться.

Джолли попыталась привести в порядок свои мысли.

— Вы хотите, чтобы и я попыталась?

— Ты умеешь плавать?

— Ну конечно. Я плавала в озерах и в реках. Кваппы ходят только по соленой воде.

— Хорошо. Тогда попробуй.

— Мне жизнь еще не надоела.

— Ты можешь это сделать, поверь. И со временем у тебя будет получаться куда лучше.

— Что вы хотите этим сказать?

— Действуй шаг за шагом. Сначала прыжок. А потом Мунк объяснит тебе остальное.

— Да не знаю я...

— Джолли! — заорал из воды Мунк. — Это нетрудно. Правда нетрудно.

— Ты когда-нибудь входила в воду головой? — спросил д'Артуа. — Я хочу сказать, в озеро?

— Ну конечно.

— Тогда ты сможешь сделать это и здесь.

Девочка все еще колебалась, но потом собрала все свое мужество. С бьющимся сердцем она встала на седло. Скот снова раскинул крылья, так что она могла идти по ним. Но хотела ли она этого?

— Я не могу еще больше снизиться, иначе прыжок получится коротким, а значит, и скорость будет слишком низкой, — объяснил капитан.

— Очень успокаивает. Большое спасибо.

Он оглянулся на Джолли и улыбнулся. Та, пошатываясь, балансировала на крыле. Животное снова находилось на прямой траектории, подлетая как раз к тому месту, где в воде плескался Мунк.

— Готова? — спросил д'Артуа.

— Можно, я сама решу?

— Ну конечно.

Джолли нерешительно пружинила коленями, боясь в то же время, что встречный ветер просто сдует ее с крыла, прежде чем она берет момент для прыжка.

«Три», — сосчитала она в уме.

Ее затылок болел. И спина тоже.

«Два».

А что уж говорить о ягодицах.

«Один».

Джолли прыгнула — нельзя сказать, что прыжок был совершенным по форме, и особенно грациозным он тоже не был, но все же это был прыжок головой вперед.

Поверхность моря стремительно придвинулась, коснулась кончиков пальцев девочки, и вода поглотила Джолли. У нее перехватило дыхание. Из рта вырвался крик и, превратившись в пузырьки воздуха, взлетел вверх.

Вокруг были чернота, пустота и холод.

Она тонула.

Конечно, она умела плавать — но не сейчас. Не здесь. Не в соленой воде. Это невозможно — она же кваппа!

— Джолли...

Голос Мунка — около нее, в воде.

С чего бы это она услышала его? Почему она видит его так отчетливо?

О небо, она могла об этом только мечтать!

— Все в порядке? — спросил он и взял ее за руку.

Она еще какое-то время беспорядочно перебирала ногами, но, постепенно успокаиваясь, кивнула.

Они находились не на поверхности, а под водой. Тем не менее они двигались, будто вода не оказывала никакого сопротивления. Они погружались очень медленно, точно их несла невидимая рука. Джолли теперь двигала руками и ногами и чувствовала себя как на земле.

Никакого сопротивления не было.

Что, черт возьми, здесь происходит?

— Первый раз я испугался точно так же, как и ты, — сказал Мунк.

Он погружался вместе с ней — все ниже, в бездну моря. Джолли следовала за ним и с удивлением обнаружила, что все еще могла от-

четливо видеть Мунка, хотя вокруг них было темно. Казалось, она обрела способность видеть в крошечной темноте — как кошка.

— К этому привыкаешь, — говорил Мунк. — Хотя нет, не так. Не привыкаешь, а как-то справляешься. Вообще-то это даже доставляет удовольствие.

— А почему я могу тебя слышать в воде?

— Потому что мы кваппы.

— А почему мы двигаемся, будто вокруг нас воздух, а не вода?

— Потому что мы кваппы.

— А почему мы не тонем?

Мунк открыл было рот, но Джолли опередила его:

— Потому что мы кваппы. Поняла.

Мунк улыбнулся, странно бледный в темноте, которая по непонятным причинам больше и темнотой-то не была. Во всяком случае, для их глаз.

— Единственное объяснение этому — в великодушных старинных преданиях, о которых говорил д'Артуа? — Джолли хотелось, чтобы ее голос прозвучал издевательски, но это не получилось. Не имело смысла отрицать что-то, что она сама пережила в этот момент.

Их погружение не было обычным. Они падали, медленно и спокойно. Мунк оставался рядом с ней, и он удержал ее, когда она сделала попытку подняться выше.

— Я был внизу, — сказал он.

— На дне?

Мунк кивнул.

— Не под Элениумом, здесь слишком глубоко — по крайней мере для начала. Но д'Ар-

туа доставил меня на морском коне в более мелкое место. Двести или триста футов.

— Ты был на двухстах футах? — Джолли широко раскрыла глаза и только теперь поняла, что соленая вода не разъедает их.

— Да. И это было... классно. Странно и жутко.

— Из-за клабаутеров?

— Нет, не в них дело. Я вообще-то ни одного не видел. Д'Артуа выбрал, конечно, относительно безопасное место. И при этом были ныряльщики. Погоди, ты еще увидишь устройства, с помощью которых они плавают... Впрочем, ладно... Картина там, внизу, зловещая. Растения только наверху, чем глубже, тем темнее, поэтому там ничего не растет. Все серое, голое и какое-то... печальное. Рыба, правда, есть, а больше ничего.

— И ты смог нормально дышать?

— Да нет никакой разницы. Вообще никакой. Мы, кваппы, можем ходить по дну, будто прогуливаемся по суше. И можем видеть под водой в темноте. Пара сотен футов — я пробовал. Похоже, будто наступает вечер и постепенно темнеет, только свет никогда не меняется. Для нас здесь вечные сумерки.

Джолли не была уверена, считать ли этот рассказ захватывающим. Напротив, это начинало ее пугать. Постепенно девочка почувствовала, чего бы ей хотелось ожидать на своем пути — если бы она решилась пойти по нему.

Джолли напомнила себе еще раз, что никому не позволила бы приказать себе бороться

против Гибельного водоворота. Все здешнее — Элениум, волшебство квапп — не было ее миром. Это не было то, чего она хотела. Отомстить за Бэннона, быть пиратом, стать капитаном — таковы были ее желания.

Но бежать по темному дну, чтобы закрыть Гибельный водоворот... У Джолли начинала болеть голова, едва лишь она об этом думала. Не говоря о желудке.

Мунк читал по ее лицу.

— Боишься, да?

— Да... пожалуй, да.

— Я тоже.

— Мы не должны этого делать. Ты об этом думал?

— Сто раз на дню, — сказал он и кивнул, пока они продолжали двигаться вниз. — Дело вовсе не в том, что скажут другие... Но здесь, Джолли, мой новый дом.

— Я думала, мы вместе станем пиратами.

Он печально улыбнулся.

— Тебе не надо становиться пиратом, Джолли, — ты уже пират. Ты выросла среди пиратов. А я? Конечно, я мечтал об этом. Но все эти дни на море в последние недели... все не так, как я себе представлял. Элениум. Библиотеки, люди... Я хочу остаться здесь, Джолли. Все равно, что бы ни случилось — теперь я их часть.

Некоторое время она размышляла над тем, не повлиял ли на него кто-нибудь, не повторял ли он просто чьи-то слова. Но потом девочка прочитала в его взгляде решимость и жест-

кость, которую она уже подмечала в нем — когда Ахерус убил его родителей. Мунк принял решение.

— Пойдешь ты со мной или нет, — сказал он, — я иду в Шорфеншрунд.

Шорфеншрунд — так называлось место, где глубоко-глубоко в могучей раковине находился источник Гибельного водоворота. Это был узкий водяной столб, который на своем долгом пути к поверхности становился все шире и губительнее. Во всяком случае, так рассказывал древесный червь. Похоже, и учителя Элениума подтверждали это, если Мунк говорил с такой уверенностью.

Джолли уклонилась от его взгляда. Она знала, чего Мунк ждал от нее — слов: «Да, я пойду с тобой». Но она не могла сказать их. Не могла справиться с собой — и не из-за страха, хотя и без него не обошлось. Нет, она просто не могла, так как не была уверена, хотела ли этого. Джолли чувствовала, что та девочка, которая парила с Мунком в глубине, та, которая присоединилась к торговцу призраками и отправилась с ним в Элениум, была совсем другой, нежели Джолли, выросшая на корабле Бэннона и пребывавшая в убеждении, что когда-нибудь станет такой же, как он, знаменитой разбойницей Карибского моря.

Шорфеншрунд. Гибельный водоворот. Элениум. Все это были слова из сказки, из мрачной истории, рассказанной на ночь.

— Пошли, — сказал Мунк, который, конечно, понял, что творилось у нее в душе. Был ли он

разочарован? Во всяком случае, он не подал виду. — Нам надо плыть в этом направлении.

Он сказал «плыть», но это вообще-то не было плаванием — скорее полетом через стихию, которая для любого другого была бы просто водой. Но для них эта среда оказалась не плотнее неба и ветра.

— Ты должна делать движения, как при плавании, да, именно так... Осторожно, медленнее! Думай о том, что здесь мы не сталкиваемся с настоящим сопротивлением воды.

Тем не менее Джолли слишком быстро отвела руки назад, и один-единственный толчок в мгновение ока продвинул ее на огромное расстояние — в четыре, а то и пять человеческих ростов.

— Уф, — выдохнула она, по неосторожности перекувыркнувшись два раза, — со стороны это выглядит проще.

— Дело привычки, — отозвался Мунк.

Но хотела ли Джолли к этому привыкать? Ее жизнь была проще, когда она ходила по воде, а не плавала в ней, как рыба.

Понадобилось еще несколько попыток, пока ей наконец удалось более или менее уверенно и спокойно двигаться вперед.

— Куда ты собираешься? — спросила она.

Он ухмыльнулся:

— А ты как думаешь?

С сомнением девочка посмотрела вперед. После нескольких гребков далеко перед ними что-то отделилось от темноты — колоссальная бесцветная стена из разветвленных коралловых

структур. Над ними громоздились причудливые откосы. Только теперь Джолли поняла, что они с Мунком давно уже находились под одним из огромных лучей морской звезды. При взгляде на коралловую преграду ей стало ясно, что мощное образование заканчивалось острием, таким же, как большая сосулька.

Это и был нижний город, «глубокие уровни», о которых говорил д'Артуа.

— Ты хочешь попасть внутрь? — спросила Джолли, не глядя на Мунка.

— А разве ты не хочешь узнать, за что тебе придется бороться?

Она не могла оторвать взгляд от фантастических картин, все четче выступавших из темноты. Мунк говорил, нижний город — что-то вроде отражения Элениума верхнего. Но это не вполне соответствовало истине.

Нижняя часть была гораздо грубее, ближе к природе. Джолли казалось, что город на поверхности вырос, а не был построен, но теперь она поняла, что правда где-то посередине. Жители Элениума искусно обработали коралловую гору, чтобы сформировать из нее дома, переулки и площади. Здесь же все оставалось в том первозданном состоянии, в котором когда-то находилась и верхняя сторона. Нечто из крутых выступов, зубцов и острых, как ножи, краев. Самый большой коралл мира.

Д'Артуа говорил об акулах, живущих здесь. О муренах. И о чем-то еще. Что-то, сказал он, поселилось там, внизу, и только и ждет возможности напасть.

Вода вдруг стала гораздо холоднее.

Под водой

С приближением к глубоким уровням Джолли все лучше осваивалась в подводном мире. Здесь как-то по-другому работало зрение. Искривленные, огрубевшие кораллы виделись ей светло-серыми, иногда с тонким налетом цвета, как на суше. Тени между ними были несравнимо темнее, чем наверху, такими глубоко черными, что каждая щель, каждая трещина и каждое углубление превращались в угрожающую пропасть. В любой дыре могло притаиться чудовище, за любым выступом — клабавтер. Так новая способность видеть в темноте придавала девочке желанную уверенность и здесь, в этой незнакомой части моря. С другой стороны, она усилила ее страх перед тем, что могло ожидать их на глубине.

Джолли казалось, что каждое из ветвистых образований, порожденных тенями, наблюдает за ней, и спросила Мунка, не ощущает ли и он то же самое.

— Поначалу было хуже, — ответил он, — и страх, похоже, не исчезнет никогда.

— И в таком состоянии ты хочешь попасть на глубинные уровни?

— Да, я там уже бывал с несколькими ныряльщиками.

Мунк проплыл через отверстие неправильной формы в коралловой стене.

— Старайся двигаться медленно. Если ты окажешься слишком быстрой в отверстиях и туннелях, сразу приклеишься к какой-нибудь стене. Или наткнешься на коралловый шип.

— Это вселяет мужество.

Мунк взглянул через плечо и ободряюще улыбнулся.

— Я же с тобой.

— Я чувствую себя куда увереннее, — откликнулась девочка, а сама подумала: «Я и мой хорошо подвешенный язык».

Она следовала за Мунком очень осторожно, почти опасливо, по туннелю внутри кораллового хребта. По причинам, которых Джолли не понимала, ей казалось, что поле зрения здесь, внутри, заметно сократилось. Конец туннеля терялся в темноте. Трещины и расселины разветвлялись в обе стороны, а иногда встречались отверстия величиной с арку ворот.

Джолли утратила всякое представление о том, сколько времени они странствовали по глубинному лабиринту. Мунк вел ее так уверенно, будто часто бывал здесь. Большей частью они парили между полом и потолком и продвигались вперед гребками, как при плавании, но иногда опускались и шли по кораллам. Мунк оказался прав: они и вправду могли двигаться по твердой поверхности так же, как наверху, могли ходить, и прыгать, и даже бегать. Единственное различие между ними заключалось в том, что Джолли быстрее выбивалась из

сил. О том, что вместо воздуха в ее легкие поступает соленая вода, она поначалу не думала.

Кстати, соль... У девочки не было иммунитета от ее воздействия. Со временем она стала ощущать во рту резкий соленый вкус, который не только вызывал жажду, но и начинал воздействовать на желудок. Слишком уж было бы хорошо, если бы во всем происходящем не оказалось никаких минусов.

— И к этому привыкают, — заметил Мунк, когда Джолли пожаловалась ему. — Но есть еще кое-что неприятное. К примеру, давление воды. Мы его, правда, не чувствуем по-настоящему, но рано или поздно спина начинает болеть — будто часами таскал мешки. А иногда, после того как вынырнешь, появляется головная боль. Прародитель говорит, что мозг не понимает, почему его больше не сдавливает со всех сторон... или что-то в этом роде.

— Прародитель? Кто это?

— Учитель. Завтра ты познакомишься с ним.

— Это он тебе обо всем рассказал?

— Да. Но прародитель только и может что рассказывать. Он не кваппа, и тем не менее знает о нас все. Или почти все. Я думаю, он знает наизусть каждую книгу и каждый свиток из библиотек Элениума.

Джолли хотела задать еще вопрос, но Мунк остановился перед развилкой и с сомнением огляделся.

— Гм, — промычал он, — кажется, мы заблудились.

Чудненько!

— Заблудились? — спросила девочка.

Он поднял бровь.

— Сбились с дороги. Пошли по неправильной развилке. Пролезли не через ту дырку.

— Да знаю я, что значит заблудиться!

— А почему тогда спрашиваешь? — Мунк снова ухмыльнулся, поникший и бледный под водой, как ей казалось. — Я тебя надул.

— Остроумно.

Он с раскаянием почесал в затылке.

— Извини.

— А мы можем сейчас вернуться? Я не хочу ждать, пока заболят голова и спина.

Мунк вздохнул — это тоже выглядело под водой очень странно, потом кивнул и продолжил путь. После двух десятков поворотов, коралловых залов и проломов, отбрасывавших тени, они добрались до широкой шахты, которая вела прямо наверх.

— Сюда, — только и сказал он.

Они оттолкнулись и без усилий заскользили вверх, гораздо быстрее, чем раньше. Может быть, теперь Мунк и не был так уверен в себе, как старался показать.

Стены коралловой шахты были неровными, и ребятам приходилось то и дело уклоняться от острых наростов. Один раз Джолли оттолкнула Мунка в сторону за миг до того, когда коралл распорол бы ему спину.

— Спасибо, — пробормотал он, и Джолли не была уверена, испугался ли Мунк на самом деле или втайне разозлился на то, что она защи-

тила его, а не наоборот. Нельзя было не заметить, что он нравился себе в роли предводителя. Он знал больше, чем она, и это делало его заносчивым и неосторожным.

Шахте не было конца. Джолли не сознавала, что они опустились так глубоко. Тени образовывали на стенах причудливые узоры. Некоторые разломы были столь велики, что могли бы скрыть хищное животное. И Джолли все время ждала, что из темноты появится череп или распахнутая пасть с зубами, по длине не уступавшими ее росту.

Но, может быть, люди д'Артуа действительно сделали всю работу, разыскивая незваных гостей на глубоких уровнях.

В конце концов над ними появился потолок, изрезанный трещинами, шахта изогнулась в сторону и шла теперь горизонтально. Джолли и Мунк на миг замерли.

— Я думала, шахта ведет наверх, в город, — озабоченно сказала Джолли.

Она больше не скрывала страха перед этими пустынными пещерами и туннелями.

Мунк наморщил лоб.

— Честно говоря, я и сам так думал.

— Ты и вправду не знаешь, где мы?

— Ну, не так уж все и плохо.

Джолли поморщилась.

— Мы просто пойдем дальше, вдоль шахты, и она рано или поздно выведет нас наружу. — Мунк взял Джолли за руку, чтобы вселить в нее мужество. — В худшем случае, вернемся тем же путем, каким шли.

— Еще раз туда? — Она бросила взгляд в бездну, которая далеко внизу превращалась в точку. — Да ни за что!

Распространялась ли тьма со дна шахты? Сердце Джолли на секунду остановилось, а потом заколотило в грудную клетку, как кулак.

Не поднималось ли к ним что-то оттуда, снизу?

— Я хочу выбраться.

Он проследил за ее взглядом, устремленным в глубину. Что он там видел? Чувствовал ли и Мунк приближение опасности?

— Хорошо, — сказал он и потянул Джолли за собой по горизонтальной шахте. — Можем поспешить, если хочешь.

Бездна осталась позади, но это не принесло большого успокоения. Джолли все время оглядывалась. Ей казалось, будто тьма затаилась.

Дети теперь с немалой скоростью продвигались вперед. Конечно, это было неосторожно и, если бы они не остерегались, их беспокойство превратилось бы в безнадежную панику.

Какой-то звук настойчиво лез ей в уши — не то скрежет, не то хруст, будто что-то протискивалось через шахту, чересчур узкую, и обламывало своим телом коралловые гребни и выросты. Но когда Джолли оглянулась еще раз, туннель был пуст.

«Воображение, — уговаривала себя девочка. — Ты просто-напросто свихнулась».

— Ты тоже слышала? — спросил Мунк.

— Да.

Они увеличили темп, не проронив больше ни слова. Страх сделал их неосторожными, и они постоянно натыкались на острые края.

— Там впереди выход! — закричала Джолли.

— Не так и далеко, — пробормотал Мунк сквозь стиснутые зубы.

Примерно в ста футах перед ними стены шахты заканчивались серым овалом. Что это было, разглядеть не удавалось — одна темнота. Зрение квапп не встречало под водой никакого сопротивления, по которому можно было бы определить расстояние. Если повезет, это окажется открытое море. Или, может быть, всего лишь еще один зал в коралловом лабиринте нижнего города.

Джолли снова взглянула через плечо. Казалось, вода позади них начала мерцать, как воздух над горящим кораблем, но девочка все еще не видела ничего такого, что могло бы действительно встревожить ее. Если за ними что-то и кралось из глубины, оно, вероятно, прекратило преследование.

— Это выход! — торжествующе воскликнул Мунк.

Они ринулись к овальному отверстию, и теперь Джолли поняла, что ее друг прав. Как два пушечных ядра, они пронеслись через кромку и оказались в океане. Под ними теперь была совершенно другая бездна — пугающая уже не так, как зловещая шахта.

Не смогут ли их преследователи точно так же выйти наружу?

Как нападающие осы, дети стремглав рванулись кверху, когда Мунк вдруг сказал:

— Посмотри-ка туда.

Джолли внутренне похолодела, когда ее взгляд последовал за протянутой рукой Мунка. Но ее страх оказался беспричинным.

Слева от них, наподобие каната, протянулась, насколько хватало глаз, якорная цепь Элениума. Она выходила из переплетения стали и кораллов на нижней стороне луча и, туго натянувшись, спускалась вниз, где через несколько сот футов терялась в сумраке моря. Сама цепь была шириной футов в тридцать, каждое ее звено — величиной с дом. Водоросли и другие водные растения колыхались вокруг нее в невидимых потоках. Там, где металл проглядывал между стеблями, он был покрыт темно-коричневой ржавчиной.

— А какой она длины? — любопытствовала Джолли.

— Отсюда до дна три тысячи футов.

— Так много?

— А Шорфеншрунд на глубине, которая почти в десять раз больше.

На секунду у Джолли перехватило дыхание.

— Тридцать тысяч футов?

Мунк кивнул, пока они плыли к краю луча.

— Во всяком случае, так говорит прародитель.

Пока они завершали подъем, Джолли молчала. Она пыталась представить себе глубину в тридцать тысяч футов. Это было почти... шесть миль!

И от них ждали погружения на шесть миль, чтобы на такой глубине они закрыли источник Гибельного водоворота?

Джолли не могла и вообразить себе глубину, темноту и одиночество, которые, должно быть, царили там. И тем не менее она сдержала дыхание и внутренне съежилась.

По одному из лучей они достигли поверхности воды и выбрались на сушу. На город спустилась глубокая ночь. Коралловые откосы Элениума брызгали сотнями огней, и туманная стена погрузилась в полную черноту.

Шесть миль. Через ледяной холод, через темноту. По местам, которые нельзя сравнить ни с чем.

Впервые при мысли о будущем к глазам Джолли подступили слезы. Она не хотела плакать — ни перед Мунком, ни перед кем бы то ни было вообще. Но это все же случилось: она тихо всхлипывала, не допуская, чтобы он ее утешил.

Мокрые до нитки, молчаливые, они побрели наверх, в город, по пустым переулкам и безлюдным площадям. Кое-где было так темно, что казалось, будто Элениум уже погрузился в глубину.

Слезы Джолли высохли только тогда, когда она снова увидела перед собой коралловый дворец. Где-то там был Гриффин. Ей необходимо с кем-то поговорить. Не с квапой. С кем-то, кто не нес ответственности в этой ужасной войне. С кем-то, кто не был Мунком.

План

Оказавшись в своей комнате, Джолли разделась, обтерлась полотенцем и оделась в вещи, которые для нее приготовили. Снова это были узкие кожаные штаны, на сей раз черные, а кроме того рубашка песочного цвета, широкий пояс и высокие сандалии на шнурках. К тому же она обнаружила куртку, затканную серебром, и натянула ее поверх рубашки.

Никого не посетила идея принести ей юбку или платье. Казалось, никто не видел в ней девочку.

В такой момент ей это было бы даже кстати. Она могла бы показать себя наивной и беспомощной, и ни один человек не стал бы ожидать от нее, что она и впрямь схватится с Гибельным водоворотом. Но, похоже, в Элениуме не сомневались, что она примет вызов.

Мунк был прав насчет боли в спине, но голова у Джолли не болела. Правда, мысли, впечатления и образы кружились в ней так быстро, что превратились в мерцающую, гудящую неразбериху. Она не знала, что думать, не видела выхода.

Ей не пришлось искать Гриффина, потому что он сам постучался в ее дверь — как раз когда она оделась. За его спиной стояла слу-

жительница, которая пригласила Джолли в зал собраний совета.

— В такое время? — удивилась девочка, но ответом ей было пожатие плечами.

Она последовала за молодой женщиной по лестницам и переходам к высокому порталу. Время клонилось к полуночи, и два стражника с бесстрастными лицами и мушкетами впустили их.

За дверьми, в просторном зале со сводчатым коралловым потолком Джолли ожидали ее спутники, а также другие мужчины и женщины, которых она не знала. Они сидели за длинным столом или стояли группами вокруг него и беседовали.

Принцесса Соледад прислонилась к белой коралловой колонне, согнув ногу в колене, и разговаривала с Уокером. Человек-собака со скучающим видом стоял рядом и каждый раз, когда капитан что-то говорил Соледад, молча закатывал глаза. Заметив Джолли, Буэнавентура со вздохом облегчения отделился от остальных и, тяжело ступая, поспешил к ней. Его сапоги грохотали по коралловому полу, будто он хотел каблуками выбить из него куски.

— Слава богу, Джолли... эти двое выводят меня из себя.

Она ответила на его улыбку и увидела, что на спине человека-собаки нет рюкзака с древесным червем. Очевидно, нового князя поэтов Элениума не пригласили на собрание.

Вместо этого она обнаружила Гриффина, который в тот же самый момент взглянул на нее. Он, скучая, сидел за столом, положив ноги

на его край. Теперь же Гриффин вскочил с радостной гримасой и быстро пошел к ней.

«Гриффин и Буэнавентура», — подумала Джолли и неожиданное тепло поднялось у нее в груди. Если и было два человека, которым она не колеблясь вверила бы свою жизнь, — это им.

Может быть, еще Соледад, хотя цели принцессы казались ей несколько таинственными. Соледад хотела свергнуть пиратского императора Кендрика и стать законной наследницей своего отца Скараба. Но какую цену она готова за это уплатить? Дорожит ли она чем-нибудь, кроме трона карибских пиратов?

Или Уокер... Он пришел сюда прежде всего за золотом, которое обещали ему торговец призраками и Джолли. Вдруг, как кипятком, ее обожгла мысль о том, что Уокер все еще считал незаконченную татуировку на ее спине частью карты, на которой нанесено расположение кладов. Джолли рассказала ему эту небылицу, чтобы привлечь на поиски Бэннона.

Правда, у Уокера был еще один мотив. Он надеялся завоевать расположение принцессы, а она, очевидно, не собиралась с порога отвергать его — из истинных ли чувств к капитану или ради того, чтобы заручиться его поддержкой, для Джолли все еще оставалось загадкой.

И наконец, торговец призраками, стоявший во главе стола рядом с каким-то мужчиной, облаченным в одежду дворянина — не пышную, но из благородной ткани. Его накидка была украшена вышивкой так же, как и куртка Джолли, и девочка спросила себя, не скрывается ли

в таком совпадении глубокий смысл. Не ценили ли ее, кваппу, столь высоко, что позволили носить те же символы, что и властителям города? Она почувствовала себя польщенной, даже если и понимала, насколько это неразумно.

Торговец призраками был, конечно, наиболее непонятым среди всех. Он представлял собой живую тайну: человек, который мог быть то дружелюбным почти по-отечески, то холодным и расчетливым, когда служил своим таинственным целям. Он был единственным из друзей, кто не переоделся. Как всегда, на нем было длинное, до пола, одеяние из темной ткани, но свой капюшон он откинул назад, выставив на всеобщее обозрение костлявую голову. Узкие губы и колючий взгляд подчеркивали злоеущий облик. На плечах одноглазого сидели черные попугаи Хью и Мо и копировали каждое движение головы хозяина.

Джолли повернулась к Гриффину и Буэнавентуре, которые стояли теперь рядом с ней, будто ожидая указания или совета. Похоже, они чувствовали себя в странном собрании столь же неуверенно, сколь и она сама.

Они едва перекинулись парой слов, как дверь снова распахнулась и вошел Мунк. На нем была темная куртка с длинными рукавами. Серебряное шитье, украшавшее их, походило на то, которое покрывало куртку Джолли и одеяние дворянина, стоявшего во главе стола. Мунк направился к старику в длинной одежде, в качестве дополнительной помощи при ходьбе использовавшему палку. Это должен был быть прародитель, наставник квапп.

Мунк улыбнулся Джолли, но, прежде чем она успела ответить ему, из глубин зала прозвучал удар гонга. Разговоры смолкли.

— Прошу садиться, друзья мои, — обратился дворянин к присутствующим. — Все в сборе.

Взгляды устремились на Джолли и Мунка. Прародитель издал тихое, удовлетворенное ворчание. Некоторые мужчины и женщины в недоумении переглянулись: они не ожидали увидеть малолетку.

Те, кто еще стоял, устремились к столу. Мунк хотел занять место справа от Джолли, но, так как он вел под руку прародителя, его опередил Гриффин. Буэнавентура сел слева от девочки.

Мунк, ворча, усадил старика на противоположной стороне стола и остался рядом с ним. Джолли встретила взглядом с прародителем и нервно улыбнулась, когда он кивнул ей. Его морщинистое лицо, излучавшее покой, действовало на нее благотворно.

Уокер остановился около Буэнавентуры, потом посмотрел в сторону Соледад и вопросительно указал на свободное место рядом с собой. Принцесса кивнула ему, но уселась между двумя женщинами, которые рассматривали ее, наморщив лбы. Очевидно, знать Элениума не привыкла иметь дело с пиратами.

Дворянин, стоявший во главе стола, дождался, пока все усядутся, а потом снова взял слово.

— Я граф Аристотелес Констанопулос. Много лет назад мой дед с большим флотом пришел в Элениум из Греции. Ему позволили остаться

здесь и посвятили во все тайны города. Совет избрал его старейшиной, после него эта честь была оказана моему отцу. Я сам служу Элениуму уже двадцать четыре года. — На миг его глаза сверкнули, но он справился с собой. — При мне Гибельный водоворот обрел новую силу. Ответственность за эту катастрофу несу я...

— Извините, граф, — прервал его торговец призраками, не вставая, что, вероятно, было обычным делом, — но не вы несете ответственность за это несчастье. Никто не сумел бы сдержать Гибельный водоворот.

Граф Аристотелес печально улыбнулся:

— Вы поступаете очень по-дружески, пытаетесь взять меня под защиту, но я не могу согласиться с вами. С давних пор задача Элениума заключалась в том, чтобы удержать Гибельный водоворот в Шорфеншрунде, и по какой бы причине он ни набрал силы, это произошло при мне.

Торговец призраками хотел возразить еще раз, но граф оборвал его движением руки.

— Это факт, друг мой, но давайте сегодня больше не будем говорить об этом. Есть кое-что поважнее, что следовало бы решить в этом кругу.

Джолли удивилась тому, как быстро торговец призраками подчинился графу. Это не было похоже на его обычное поведение. Но, может быть, в этом и заключалась его мудрость — уловить миг, когда лучше согласиться с мнением другого.

— Некоторые из нас уже знают, что нам предстоит и каким способом нам придется

против этого бороться, — продолжал граф. — Я думаю, однако, что мы в долгу перед обоими кваппами, ибо не сказали, о чем, собственно, идет речь.

При этом его взгляд устремился на Джолли и Мунка, и он надолго замолчал. Джолли показалось, что этот взгляд проник глубоко-глубоко и открыл нечто удивительное. Девочка-пиратка и мальчик из фермерской семьи. Может быть, прародитель осознал всю безвыходность положения?

— Все началось с магии, — объяснил граф, и торговец призраками кивнул. — «Магия» — это только другое слово для обозначения силы, пронизывающей наш мир и текущей под поверхностью земли, как кровь течет по жилам человека. Эта сила поддерживает в нас жизнь, даже если ее тайну осознали немногие, и едва ли кто-нибудь понимает ее. Именно сила, магия придет на помощь миру, если он окажется под угрозой. Точно так же, как она делала это много тысяч лет назад.

Джолли почувствовала, что прародитель наблюдает за ней. Мунк тоже взглянул в ее сторону. Она быстро ответила мальчику взглядом и с удивлением заметила, как он сначала покраснел, а потом улыбнулся.

— Тогда Гибельный водоворот впервые грозил разорвать границу с Морем Тьмы и открыть дорогу в наш мир. Но обитателям этих островов удалось предотвратить опасность и запереть его в огромной раковине на дне моря. Место, где лежит раковина, мы называем Шор-

феншрунд. Долгое время Гибельный водоворот находился там в надежном заточении, так как в Шорфеншрунде сходятся артерии магии. Они обуздали его.

И все же некоторым созданиям Моря Тьмы удалось прорваться в наш мир. Говорят, что таким образом сюда попали предки клабаутеров, и нашлись люди, которые связались с ними. Так клабаутеры обрели нынешний облик.

Уокер, чувствовавший себя явно не в своей тарелке среди собравшихся, подал голос:

— Значит ли это, что клабаутеры — наполовину люди?

Кое-кто укоризненно взглянул на капитана, но граф Аристотелес терпеливо кивнул.

— В их жилах течет и человеческая кровь. Правда, никто не может сказать, какова ее доля. Порождение ли они этого мира или их корни надо искать в Море Тьмы? Я не знаю, и сомнительно, чтобы кто-то из присутствующих здесь знал ответ.

Взгляд графа обратился на торговца призраками, но тот лишь безмолвно покачал головой.

— Сейчас, однако, нас беспокоят не клабаутеры, — сказал граф после краткой паузы. — Я упомянул о них только для того, чтобы пояснить, что нас ожидает, если Гибельный водоворот откроется. — Он взял стоявшую перед ним глиняную кружку и сделал глоток. — Клабаутеры пришли потому, что граница между мирами нарушилась то ли на момент, то ли на несколько секунд, то ли на один удар сердца. Трудно представить, что произошло бы, остань-

ся Гибельный водоворот открытым на час или, более того, на день.

— Или навсегда, — добавил торговец призраками, и один из попугаев утвердительно кивнул.

— Или навсегда, — повторил граф. — Уже тогда, в пору первой войны, существовали кваппы. Только называли их, наверное, по-другому. Мир открыл артерии своей магии, и часть их содержимого утекла, и там, где она оказалась среди людей, вскоре родились головастики. Это случилось четырнадцать лет назад.

— Землетрясение, — пробормотала Джолли негромко, но в тишине, воцарившейся после слов графа, ее слышали все.

Аристотелес кивнул.

— Сильнейшее землетрясение в Порт-Ройале. Оно свирепствовало и на глубине — в Шорфеншрунде. Раковина открылась, и Гибельный водоворот вырвался на свободу. Магические артерии, перекрещивающиеся там, испытали потрясение, некоторые опустели, и сила раковины снизилась. Таково ужасное последствие землетрясения, но было и кое-что хорошее, ибо мир пребывает в равновесии. Вокруг Порт-Ройала, там, где толчки достигли поверхности, магия вырвалась из треснувших артерий и создала новых квапп. Им предопределено устранить разрушения в Шорфеншрунде. — Он презрительно фыркнул. — Никто не мог себе и представить, что людям не придет в голову ничего лучшего, как воспользоваться в своих целях способностями головастиков. Все вы знаете, что произошло. На квапп и их семьи нача-

лась настоящая охота, и поэтому сегодня среди нас сидят только двое. Последние, кто уцелел.

Джолли знала эту историю, ее рассказывал отец Мунка. Но слова, которые она услышала из уст графа, заставили девочку вздрогнуть. Против воли она снова усомнилась в правоте Бэннона, утверждавшего, что он купил ее ребенком на невольничьем рынке на Торгуте. А что, если он был одним из охотников на квапп? Как бы там ни было, а все эти годы он извлекал пользу из ее способности бегать по воде.

Нет, быть такого не может. Это не Бэннон.

Она была рада, когда граф Аристотелес продолжил свою речь и заставил ее подумать о чем-то другом.

— Головастикам суждено начать борьбу против Гибельного водоворота. С помощью магии они должны... — он пристально посмотрел на Джолли и Мунка, — вы должны снова запереть его в раковине и таким способом закрыть водорота в Море Тьмы.

Соледад подняла тонкую руку.

— Можно задать вопрос?

— Конечно, принцесса, — разрешил граф.

Соледад удовлетворенно отметила почти-тельное обращение. Не каждый видел в дочери пиратского императора принцессу, и, уж наверное, кое-кому пришли бы на ум менее вежливые слова.

— Я спрашиваю себя, почему Элениум был поставлен на якорь не прямо над Шорфенш-рундом, а здесь, на расстоянии многих миль.

Граф Аристотелес кивнул, будто уже не слышал подобный вопрос.

— Элениум — плавучий город, в определенной позиции его удерживает только якорная цепь. Но длина цепи ограничена — иначе течения разорвали бы ее. Поэтому глубина моря под городом не может быть больше. Лишняя сотня футов — и возникнет опасность разрыва звеньев. Но Шорфеншрунд расположен гораздо глубже. Поэтому место, где мы сейчас находимся и которое избрали, чтобы поставить Элениум на якорь, — лучшее из возможных, даже если мы находимся на расстоянии почти в двести миль. — Граф взглянул на Соледад. — Я ответил на ваш вопрос, принцесса?

— Есть и еще кое-что, волнующее меня. Если цепь столь хрупка, как вы говорите, то она, конечно же, станет одной из первых целей нападения?

— Мы отдаем себе отчет в этой опасности и делаем все, чтобы защититься. Нырляльщики патрулируют вдоль звеньев, во всяком случае, насколько могут нырнуть. Мы не знаем точно, что там, на дне моря. На такую глубину они не могут погружаться.

— Зато мы можем, — сказал Мунк.

Граф наморщил лоб.

Мунк не дал ему возразить.

— Джолли и мне нужна тренировка. Прежде чем мы доберемся до Шорфеншрунда, — он бросил короткий взгляд на Джолли, в котором, кроме беспокойства, читалось торжество, — мы могли бы посмотреть, как обстоят дела у якоря.

— Слишком опасно, — проговорил торговец призраками, покачав головой так энергично,

что Хью на его правом плече отодвинулся в сторону. — Мы не имеем права без нужды подвергать ваши жизни опасности.

— Совершенно верно, — согласился граф Аристотелес.

Среди собравшихся поднялся одобрительный гул. Джолли это обрадовало, но она увидела в то же время, какими жесткими стали черты лица Мунка. Постепенно ей стало ясно, что он наслаждался властью, да что там, он купался в признании, которое ему выражали.

Мунка рассердило возражение. Гриффин тоже заметил это.

— А наш добрый Мунк не в настроении, — шепнул он Джолли.

Девочка кивнула, но ничего не сказала. Мунк мог казаться Гриффину упрямым или оскорбленным. Но она-то боялась, что неожиданное отклонение плана подействовало на Мунка куда тяжелее. Ей не нравилось, как изменился ее друг. Решительно не нравилось.

Ну а сама Джолли? Неуязвима ли она? Что случилось бы с ней, если бы прародитель взял ее под свое крылышко и посвятил в тайны ее происхождения?

— План таков, — продолжал граф свою речь, — несколько дней подряд наши солдаты натываются на шпионов. Кажется, совсем немного, и начнется нападение клабаутеров. Приготовления к битве и осаде города идут очень быстро. Строительство баррикад уже началось. Но важнее подготовка квапп. Прародитель, это ваша задача.

Старец ответил кивком, но не промолвил ни слова.

— Самое позднее через двадцать дней морские кони доставят Джолли и Мунка как можно ближе к Шорфеншрунду. С этого момента вы будете предоставлены самим себе. Там, куда вы отправитесь, никто не будет вас сопровождать. Последний участок пути вам придется преодолеть пешком. Гибельный водоворот сосредоточится на битве с Элениумом. Он не ждет приближения противника по морскому дну. И в этом наш шанс. Ваш шанс.

Теперь в его глазах читалась нескрываемая печаль, и голос звучал подавленно.

— Я знаю, чего требую от вас. Там, в темноте, вы будете одни. Вам придется полагаться только друг на друга. Никто не сможет подготовить вас к подстерегающим опасностям, ибо никому они неведомы. Если все будет хорошо, вам предстоит лишь тяжелый пеший переход, прежде чем вы доберетесь до Шорфеншрунда. Если же нет... мы не в силах предвидеть, что тогда случится.

Джолли зажмурилась. Внезапно у нее закружилась голова. Девочке показалось, будто она вдруг погрузилась в царство грез. Граница между действительностью и нереальностью в один миг стала подвижной.

Она почувствовала, что Буэнавентура положил свою лапу ей на руку.

— Они же дети. — Его голос прозвучал в собрании подобно грому. — Всего лишь дети.

Граф Аристотелес на миг опустил глаза и глубоко втянул в себя воздух.

— Мы знаем это. Но если на плечи детей ложится судьба мира — что ж, им придется нести это бремя. Не мы сделали такой выбор.

Человек-собака что-то буркнул, но его слова заглушил гул голосов. Внезапно все заговорили разом. Соледад обращалась к торговцу призраками. Дворяне возбужденно обсуждали что-то друг с другом. Прародитель разговаривал с Мунком, а Уокер горячился бог весть из-за чего. Кричали даже попугаи.

Ничего не говорила одна только Джолли. Перед ее внутренним взором распростерлась мертвая черная страна, подводный горный мир, пронизанный глубокими расселинами, похожими на ощерившиеся пасти. Никакой зелени, ни одного растения, лишь глубокие тени. Джолли охватил страх, какого она не испытывала ни разу в жизни. Даже при нападении Ахеруса ей не было так страшно.

Гриффин склонился к ее уху, но девочка поняла его слова, только когда он выжидающе взглянул на нее.

— Давай исчезнем, — прошептал он. — Завтра же. Сбежим, и все будет хорошо.

Но, может быть, и эти слова оказались только частью полусна-полуяви, странного переплетения реального, чудесного — и ужасного.

Джолли ведь точно знала, что ничего хорошего ждать не приходилось.

Ничего больше не будет так, как было прежде.

Ночной визит

Голос прародителя звучал сухо.
— Попробуй еще раз, — сказал он. — Ты сможешь. Тебе надо только захотеть.

Джолли уставилась на три раковины, лежавшие перед ней на земле. Казалось, что они язвительно улыбаются ей.

— Это бессмысленно. Я не могу, да и не хочу.

— Такая отговорка достойна того, кто боится самого себя.

— Чепуха.

Она не взглянула на старика, произнося это, — ведь где-то в глубине души девочке неясно виделась истина. Прародитель был прав: она и впрямь боялась самой себя, боялась того, что могла узнать, проникнув в неизвестные области своего я. Джолли казалось, что она без карты и компаса проберется в незнакомую область моря, пребывая в уверенности, что под волнами таятся гибельные рифы и течения.

— Попытайся! — потребовал старик снова.

Они находились в той части библиотеки, которой владел только прародитель, он один. Это был зал с неровными стенами, как почти во всех помещениях Элениума. Здесь было совершенно невозможно поставить вдоль стен книжные полки. В результате тысячи и тысячи

книг были сложены на полу, некоторые наподобие холмов, другие в виде башен и замков округлой или подковообразной формы. Тому, кто задался целью вынуть какую-нибудь книгу, приходилось проявлять проворство: левой рукой он доставал нужный том, правой удерживал другой, молниеносно передвигая его в образовавшуюся пустоту, иначе книжная пирамида могла обрушиться.

Джолли не представляла, что дряхлый прародитель настолько сноровист, но он ошеломил ее сразу же. Его костлявые пальцы были ловкими, точно у вора-карманника. Ни Мунку, ни ей не удавалось менять книги с такой быстротой.

— Так, — объяснил он, — никогда не будет беспорядка. Все книги лежат там, где они должны лежать. За каждую выданную книгу библиотека требует другую. Справедливый обмен.

Прародитель настаивал, что все эти книжные горы рассортированы в соответствии со строгим порядком, он знал о каждом отдельном томе, на каком месте тот находится.

— Джолли... — Голос прародителя вывел девочку из задумчивости. — Ты сумеешь. Поверь.

Она оторвала взгляд от трех раковин и взглянула на него. Лицо старца было коричневым и морщинистым — ни дать ни взять корабельный киль. Джолли показалось, будто прародитель кивнул, а между тем он смотрел на нее, оставаясь совершенно неподвижным. Только его глаза говорили с девочкой. Прародитель умел как никто другой общаться одними лишь взглядами. У него были самые говорящие гла-

за, которые ей доводилось видеть. Иногда Джолли сомневалась, действительно ли прозвучали слова, которые, как ей казалось, вылетали из уст прародителя.

Он стоял рядом с Джолли, согнув спину и опираясь на посох из китового ребра, а его лоб пересекала никогда не исчезающая морщина.

— Раньше ведь тебе это удавалось, — сказал старик задумчиво. — Поработай над этим теперь. Поработай над собой.

Джолли вздохнула, закрыла глаза и попыталась сконцентрироваться на раковинах. В темноте, как только она смежила веки, раковины показались ей огненными шарами, которые можно увидеть, если долго смотреть на солнце.

— Ты должна их почувствовать, — прошептал прародитель.

Она представила себе, как ее пальцы ощущают раковины и проникают через их раскрытые створки, которые в мыслях были больше, чем в действительности. Джолли направила руку внутрь, — не настоящую, а воображаемую, — ощутила кончиками пальцев магию и потянула ее, как длинную нить, — так поступают при разделении пряжи. Одну за другой девочка соединяла нити в центре между раковинами, пока не почувствовала, что ей удалось установить связь.

— Очень хорошо, — изрек прародитель.

Она открыла глаза. Пылающая жемчужина парила там, где Джолли мысленно соединила магические нити.

— Теперь попробуй контролировать их, — сказал прародитель. Голос старца звучал одно-

временно мягко и требовательно. — Ты получила инструмент, теперь используй его.

Джолли не сводила глаз с жемчужины. Она пробудила магию и создала жемчужину — то был первый шаг каждого волшебника, имевшего дело с раковинами. Теперь надлежало направить магию на определенную цель — на объект.

— Что надо делать? — Девочка ощутила на губах солоноватый вкус пота.

— Решай сама. Это в твоей власти.

«Книга, — шепнул ее внутренний голос. — Найди книгу, вытащи ее и замени другой, прежде чем стопа обрушится».

Джолли представила тяжелый фолиант в разорванном кожаном переплете в добрых десяти шагах от себя.

«Вот этот, — подумала она. — Это как раз то, что надо».

Жемчужина запылала ярче, ослепляя ее.

Книга выдвинулась из ряда себе подобных, стопа высотой в человеческий рост задрожала.

«Еще одну, — подумала Джолли. — Все равно какую».

Она представила другую книгу, с самого верха стопы, размерами напоминавшую первую.

«Ну, давай! Сейчас».

Первый фолиант выскользнул из своего паза, заскользил над полом и открылся как по мановению незримой руки. Страницы зашуршали, словно под порывом ветра.

Стопка книг колыхалась.

Вторая книга влетела в образовавшуюся пустоту.

«Вот оно! — пронеслось в голове Джолли. — Получилось!»

Но стопка продолжала дрожать. Джолли слишком резко задвинула книгу в отверстие, — и книжная башня никак не могла обрести равновесия.

Страницы первой книги зашелестели еще сильнее, будто магия Джолли пробудила их к жизни.

Верхние книги сдвинулись и начали падать. Джолли выругалась.

— Жемчужина! — крикнул прародитель. — Теперь не сдавайся!

Она посмотрела на пылающую жемчужину, которая все еще парила между раковинами. Джолли сосредоточилась снова, но сомнения уже одолели ее. Не удалось. Слишком поздно.

Стопа опрокинулась. Сотни книг сначала задрожали, потом заскользили — и остановились в воздухе.

«Неужели это я?» — спросила себя Джолли, ища взглядом прародителя, но он лишь мягко покачал головой.

Книги парили в воздухе, как рой ос, не решающихся напасть, а затем, одна за другой вернулись в свое первоначальное положение. Стопка восстановилась сама собой, одна книга легла на другую, и через несколько мгновений книжная башня опять стояла целая и невредимая.

Трепещущие страницы первой книги успокоились, и она осталась лежать раскрытой.

Джолли посмотрела через плечо и увидела сидевшего в отдалении Мунка, перед которым

кружком лежала дюжина раковин. В уголках губ мальчика играла едва заметная улыбка. Это он спас книжную башню. Именно его магия восстановила то, что испортила Джолли. Ее поражение стало его триумфом — и уже не в первый раз.

— Жемчужина, — снова напомнил ей прародитель.

Яростно сопя, она повернулась к трем своим раковинам, взяла пылающую жемчужину воображаемыми пальцами и швырнула ее в открытые створки раковины — гораздо сильнее, чем было необходимо. Раковина, казалось, издала злобный звук, закрываясь и проглатывая магическую жемчужину. Закрылись створки и двух других раковин.

Прародитель задумчиво кивнул, но теперь молчали даже его глаза. Джолли сжала кулаки и обессиленно выдохнула.

Шел третий день ее обучения.

И это была ее двадцать вторая ошибка. Она все считала.

Легче всего давались ей теперь прыжок в море вниз головой и движение под водой. Джолли наслаждалась часами, проведенными в океане, и не только потому, что ее оставила неуверенность, мешавшая поначалу, но и потому еще, что это была приятная перемена после многочасовых занятий с прародителем. Сразу после пробуждения девочку ожидали в библиотеке, где она завтракала с Мунком и стариком

и приступала к ежедневным урокам. Без сколько-нибудь заметных перерывов работа шла до вечера, и исключением были час или два, проведенные в воде. Чаще ее забирал д'Артуа, иногда кто-то другой из повелителей скатов. Постепенно выяснилось, что из двух квапп Джолли оказалась под водой более искусной. Она летала, ибо проникновение в воду было для нее скорее полетом, чем погружением, описывала стремительные петли и спирали, выполняла повороты куда быстрее Мунка и научилась за несколько мгновений погружаться на несколько миль вглубь. При этом у нее не кружилась голова.

Мунк не подавал виду, что завидует успехам Джолли. Напротив, он поощрял ее на еще более головокружительные трюки и обнадеживал, что у нее все получится и с магией раковин.

Первого успеха в магических упражнениях Джолли добилась после обеда на четвертый день. Ей удалось заставить посох из китового ребра, на который опирался прародитель, подняться под купол библиотеки, где он вращался вокруг собственной оси, удерживая на каждом конце по три книги.

Прародитель наградил ее восторженными аплодисментами, а Мунк ухмыльнулся так гордо, будто этот трюк удался ему самому. Постепенно Джолли снова почувствовала себя ближе к мальчику. Может быть, дело было во многих часах, которые они проводили вместе, а может быть, и в том, что в эти дни она едва видела Гриффина.

Как-то вечером во время краткой встречи Гриффин сообщил ей, что д'Артуа определил его в ученики к одному из шталмейстеров. Тот научил мальчика управлять морскими конями. Уже дважды, в восторге рассказывал Гриффин, он пересекал море с войском д'Артуа. С третьего раза ему разрешили выходить в патруль, тем более что он доказал солдатам свое умение обращаться со шпагой и пистолетом не хуже их.

До поры до времени Гриффин оставил намерение покинуть Элениум. Он и Джолли больше не заговаривали об этом. Она чувствовала, что Гриффину здесь нравилось куда больше, нежели он сам признавал. С ней дело обстояло примерно так же. Так что оба на свой лад не были столь уж недовольны ходом вещей, не считая разве того, что вместе они могли проводить совсем немного времени. А это, в свою очередь, никого так не устраивало, как Мунка.

Джолли понимала все это. Она видела, как между ней и Гриффином постепенно возникало непонимание — непонимание относительно того, почему они должны оставаться в Элениуме. Она ощущала и облегчение Мунка, которое тот испытывал оттого, что Джолли и Гриффин едва виделись.

«Что происходит? — подумала она как-то раз, в самый неподходящий момент, изготовившись к прыжку со ската головой вперед. — Что случилось со всеми нами?»

Но девочка гнала от себя ответы на эти вопросы. Чем дальше она отталкивала от себя не-

приятные истины, тем большего совершенства достигала в обращении с раковинами.

На пятый день занятий она силой мысли поменяла книги в трех разных местах библиотеки, заставив тяжелые тома в кожаных переплетах порхать по коралловому дворцу наподобие чаек, кружившихся вокруг башен и крыш Элениума.

Она не думала ни о Шорфеншрунде, ни о серых лавовых горах на дне моря. Она не думала о торговце призраками и лишь изредка вспоминала Гриффина. Она оказалась способной кваппой, и прародитель хвалил ее при всяком удобном случае.

Но несмотря ни на что, Мунк оставался искуснее. Она принуждала летать три книги, ему удавалось проделать то же самое с шестью. Она заставляла пронестись по книжным ущельям ураган, он вызывал молнию, испепелявшую всю стопку. Она вызывала хоровод духов с «Карфакса», он создавал из дыма клабаутеров, скрежетавших зубами.

Конечно, они соперничали. Со стороны казалось, что друзья меряются силами. В действительности же в то, что они делали, вкралась зависть, ибо Мунк был сильнее, а Джолли — ловчее под водой, зависть к каждой похвале прародителя и одобрительным крикам, раздававшимся из окон Элениума, когда ребята бродили по городским переулкам.

Вечером пятого дня Джолли захотела навеситить Гриффина, но того не оказалось дома и ей сказали, что теперь Гриффин состоит в гвар-

дии наездников на скатах и сейчас находится на ночном выезде в океан. Джолли ощутила зависть к его свободе и работе с морскими конями. Ей, всегда любившей животных, было бы более по сердцу проводить время в загоне, чем в пыльном книжном зале.

На шестой день на закате в дверь постучали. Это был Гриффин, стоявший на пороге в свете факелов.

— Твоя татуировка... она не закончена, — сказал он.

— Я знаю.

— Если хочешь... я хочу сказать, я могу ее закончить, если ты не против.

Она улыбнулась и сняла рубашку через голову еще прежде, чем он вошел в комнату.

— Я уж думала, ты никогда об этом не спросишь.

Он принес с собой все необходимое — черные чернила, длинную и не слишком острую иглу, тряпку. Даже ведро с теплой водой, которое раздобыл в кухне.

Джолли, обнажившись до пояса, прошла к кровати, стоявшей поблизости от стрелчатого окна. Она не стеснялась Гриффина. Прежнее доверие между ними внезапно восстановилось, будто и не было никаких сомнений. Девочка отодвинула в сторону одеяло и подушку, легла на живот и скрестила руки под подбородком. Отсюда она могла видеть красно-золотое небо и наблюдать за всадниками на скатах, кружащими над городом. Гриффин сел рядом, поста-

вил ведро с водой у кровати и смочил тряпку. Потом он мягко потер спину Джолли теплой тканью и досуха вытер кожу.

— Если знаешь, что здесь изображен коралл, его уже сейчас вполне можно различить, — сказал Гриффин.

— Татуировку делал Тревино, кок с «Тошей Мэдди». — Джолли немного помедлила, потом печально добавила: — Это было незадолго до того, как «Мэдди» затонула. Я видела, как Тревино искушали пауки и после этого он умер.

— Он часто делал татуировки членам команды?

— Иногда. Он говорил, что татуировка — это примерно то же, что гадание на картах. Надо найти мотив, который для кого-то что-то значит.

— Об этом я даже не думал.

Джолли задумчиво вглядывалась в вечерние сумерки.

— Коралл... мне это пришло в голову пару дней назад, а ведь все так очевидно.

— Думаешь, Тревино предвидел, что ты попадешь сюда? В коралловый город?

— Может быть, это случайность.

— Во всяком случае, довольно странная. — Гриффин погрузил кончик иглы в чернила и сделал первый укол, чтобы краска попала под кожу. — Тебе не больно?

— Бывало и похуже.

Он улыбнулся.

— Да уж знаю.

Они довольно долго молчали, пока Гриффин заполнял формами и оттенками непра-

вильный контур, который Тревино нанес на спину Джолли. Он вновь и вновь стирал краску и пот с ее кожи, время от времени издавая одобрительные звуки, будто был доволен своей работой.

— Это займет несколько дней, — сказал он.

— Если это позволит нам чаще видаться, тогда не торопись.

Она почувствовала на затылке взгляд Гриффина. Может быть, он надеялся, что Джолли обернется, и тогда он увидит, всерьез ли девочка воспринимала свои слова. Но она по-прежнему смотрела на вечернюю зарю. Огненный свет окрашивал светлые коралловые стены комнаты в желтый и красный цвета. Постельное белье светилось, будто охваченное пламенем.

— Я бы тоже с удовольствием прокатилась на морском коне, — сказала она, когда небо над облачной стеной потемнело. — Это, должно быть, здорово?

— У тебя еще остались синяки?

Она хихикнула.

— Уж их-то я тебе точно не покажу!

— Во всяком случае, мои теперь вдвое больше и почти черные, — смеясь, сказал он.

— Интересное представление.

— Д'Артуа и его людям приходится носить на ягодицах роговые пластины толщиной с черепаховый панцирь.

Джолли понравилось, что Гриффин рассмешил ее. В последние дни ей не так уж много приходилось веселиться. Прародитель был всегда ужасно серьезен и — о господи! — так

мудр... Мунк же, при всей близости к ней, был одержим желанием совершенствовать свои способности.

Напротив, Гриффин... да что там говорить, Гриффин оставался Гриффином. Пиратом, обманщиком и бахвалом. Время от времени он бывал и таким, как сегодня, — самим собой, и в то же время совсем другим. Будто все то, что ей нравилось в нем, увиделось внезапно гораздо четче. Изменился ли он? Или она по-другому воспринимала его?

— Весь город только о вас и говорит, — начал он после паузы. — О двух спасителях и освободителях и...

— Гриффин, перестань, пожалуйста!

— Что, работать иглой?

— Да нет, плести насчет спасителей и освободителей. Уж это точно не мы.

— Во всяком случае, Мунк дает понять, что он не так уж против этого.

— Он нравится себе в этой роли и наслаждается вниманием. Но пойми и ты: четырнадцать лет он не видел ни одной живой души, кроме родителей и одного-двух странствующих торговцев. А теперь ему кажется, что вокруг него вращается весь мир.

— Ну, так ему надо следить за тем, чтобы он сам когда-нибудь... ну, да...

— Что?

— Если все вращается вокруг него... если он в центре мира и наслаждается этим, то ведь и сам он становится чем-то вроде Гибельного вдоворота. Разве не так?

Она зримо представила себе то, что только что сказал Гриффин, и была вынуждена против воли признать его правоту.

Не была ли это самая большая опасность, угрожавшая им, — превратиться в то, с чем предстояло бороться?

— Я говорила об этом с прародителем, — сказала она.

— О Мунке?

Она покачала головой.

— О том, что происходит с нами. Как мы меняемся. О том, что речь идет только о том, чтобы соответствовать ожиданиям других, и что больше неважно, чего мы сами от себя ожидаем.

Уколы на некоторое время прекратились.

— Что случилось? — спросила Джолли и попыталась через плечо взглянуть на Гриффина, который теперь работал при свечах.

За окном совсем стемнело.

— Но это ведь и вправду так, — тихо сказал он. — Ты действительно нечто необычное.

— Только потому, что я кваппа? Потому, что мои родители случайно оказались в нужном месте, когда зачали меня? Это вовсе не делает меня особенной. — Она говорила в ярости, даже если и понимала, что хотела обмануть себя. За прошедшие дни Джолли много размышляла. — Другие умеют хорошо ездить верхом. Или чертить и рисовать. Или им легко даются иностранные языки. Я же могу ходить по воде. Это не бог весть что. Я просто это могу, понимаешь? Мне ничего не надо для этого делать. Мне не приходится даже напрягаться.

— Я вовсе не это имел в виду, — спокойно объяснил он. — Я сказал, что ты — нечто необычное. Не твои способности, нет. Только ты, Джолли.

Джолли почувствовала, как ее охватывает тепло. Ей захотелось повернуться к Гриффину, но он удержал девочку.

— Не надо. Ты размажешь чернила.

Она продолжала лежать на животе, но чуть не вывихнула шею, чтобы посмотреть на него.

— Это прозвучало очень мило.

Гриффин усмехнулся, и впервые Джолли едва не застыдилась в его присутствии.

— Высшая пиратская школа беседы, — сказал он. — У многих это в крови.

— Ну да, — ухмыльнулась она. — Иди-ка сюда.

— Да я и так...

— Ближе.

Гриффин наклонился и закрыл глаза. Джолли приподнялась и поцеловала его, и, когда коснулась губ юноши, ей показалось, будто в каждую пору ее тела вонзились иглы. Но это было не больно — только щекотно. Ее бросило одновременно в жар и в холод, и она ощутила в себе нечто новое, в высшей степени смущающее.

Он открыл глаза и смотрел на нее, пока они целовались. Джолли не могла и вспомнить, чтобы она была так близко к какому-нибудь человеку.

— Джолли... — начал было Гриффин, но его прервал шум, и он резко обернулся.

Оба посмотрели в другой конец комнаты.

— Я... постучал, — смущенно пробормотал бледный как привидение Мунк, стоя в дверях. — Но никто не ответил... и вот я... Я хочу сказать...

Он смолк и уставился на них — полуобнаженную Джолли на кровати, Гриффина совсем рядом, с рукой на талии девушки. Потом повернулся на каблуках и, не закрыв дверь, стремглав выскочил из комнаты.

— Мунк, подожди! — крикнула вдогонку Джолли.

Гриффин глубоко вздохнул, вынул тряпку из остывшей воды и вытер ей спину. Джолли нетерпеливо дернулась, потеряла рукой лицо, но потом опять плюхнулась на живот и осталась лежать.

Гриффин удивленно смотрел на нее.

— Ты не хочешь его догнать?

Джолли перекатилась на спину.

— А разве это что-нибудь изменит?

Прародитель

Прародитель сидел в высоком кресле с подголовником и объяснял мир. Джолли была с ним одна в храме книги.

Никто не знал, куда девался Мунк. Утром Джолли постучалась к нему, но Мунк не открыл. Дверь была заперта. Никто из служителей мальчика не видел. Прародитель, как и Джолли, был удивлен тем, что Мунк не пришел на занятия.

Соледад предупреждала ее. Джолли надо было думать, что так случится — рано или поздно. С другой стороны, она не хотела отказываться от своих чувств только ради того, чтобы Мунк на нее не злился. Наоборот, у нее был повод разозлиться на него. В общем, как пришлось признать Джолли, сплошные неприятности.

— В действительности мир, — говорил прародитель звучным голосом, — не одинок. Он состоит из многих миров, которые время от времени соприкасаются. Я думаю, что они расположены друг над другом, как круглые диски. Представь себе стопку тарелок — вот так же выглядит Вселенная.

Голова Джолли была, однако, занята другим — ей было не до миров, напоминавших

тарелки. И все-таки кое-что из слов прародителя проникало в ее сознание.

— Тогда одна тарелка была бы нашим миром, — сказала она, — а другая — Морем Тьмы. Ты думаешь, что существуют еще и другие?

— Бесчисленное множество.

— Но ведь наш мир так велик... и с таким трудом поддается пониманию.

Мудрецу могло бы показаться, что Джолли имеет в виду белые пятна на карте, неизвестные континенты и далекие страны, но она думала о чем-то совсем другом.

— Звезд на небе ведь не становится меньше только из-за того, что ты не можешь их сосчитать? Верно? Никого не интересует, что человек понимает, а что нет. Каждому миру приходится перенести собственную внутреннюю борьбу, у каждого свои собственные заботы.

Сейчас все это было ей безразлично. Ей предстояло спасти целый мир — и дружбу. И как знать, не зависело ли одно от другого?

Прародитель продолжал объяснения, не замечая слез, застилавших глаза Джолли.

— Большинство людей представляют себе прошлое и будущее как линию, которая где-то начинается и закончится где-то в отдаленной точке. А может быть, и не в такой уж отдаленной — все зависит оттого, кого ты спросишь. — Его усмешка была лукавой, как у ребенка, и в то же время немного печальной. — В действительности же время движется по кругу. Нет ни начала, ни конца. Время — это только край тарелки, оно всегда ведет назад, к самому себе. Мир соткан из повторений.

— Я не понимаю.

— Возьмем, к примеру, твою борьбу против Гибельного водоворота. Другие делали то же тысячу лет назад. Те же противники — похожая борьба. И если ты оглянешься назад, то увидишь, что всегда существовали люди, задача которых заключалась в том, чтобы уберечь мир от худшего. И оказался ли кто-либо из них когда-нибудь несостоятельным?

— Может быть, я-то и стану первой. — Она нервно взъерошила волосы. — Тогда мне сразу будет лучше.

Он покачал головой.

— Выслушай меня, Джолли. Все повторяется! Все! Вот только мы не обязательно осознаем это. Время — круг, оно мчится с сумасшедшей скоростью вокруг тарелки, всякий раз заново.

— Ну и какая мне польза от этого знания?

— Ты говоришь, что ты всего-навсего девочка. Но это не так. Больше не так. — Прародитель поднял руку. — Нет, подожди, послушай! Миры никогда не пересекаются сами собой. Некоторые утверждают обратное, даже твой одноклассник. Истина, однако, заключается в том, что случайных пересечений не бывает. Только существа, живущие в параллельных мирах, могут установить связь.

— И что? — Постепенно она начала терять терпение. — «К чему клонит старик?»

— Большинство людей не понимает связи, не пытается ее понять. Живут себе изо дня в день и в самом буквальном смысле не заглядывают за край тарелки. Есть, однако, и иск-

лючения, — те, кто отваживается взглянуть вдаль. Я имею в виду художников, поэтов и шаманов — они смотрят вдаль и описывают увиденное. Но даже им под силу не все. Они могут увидеть события и образы, могут рассказать об этом, но не могут посетить другие миры. Такая способность предоставлена очень немногим. Людям вроде тебя, Джолли.

Старец снова сделал жест, предупреждая ее возражение.

— И эта способность сделала из тебя нечто необычное — хочешь ты того или нет. Тебе дана сила перескочить с одного края тарелки на другой. Ты и Мунк способны на это, да еще Гибельный водоворот — ведь и он тоже живое существо, и он тоже входит в число избранных.

— Ты хочешь сказать, что мы, кваппы, и Гибельный водоворот... мы похожи?

— Как братья и сестры.

Внезапно память напомнила ей слова Гриффины. Мунк, сказал он, сам превратится в Гибельный водоворот. Джолли содрогнулась от страха.

— И это еще не все, — промолвил прародитель. — Даже если будет трудно, ты должна попытаться понять эти вещи. Любое познание других миров, каждое осознанное проникновение туда таит в себе опасность. Иногда это гибель, как, может быть, для Элениума. Но иногда... Иногда можно достичь чего-то более высокого. Джолли, ты будешь другой, ты уже стала другой, чтобы начать борьбу против Гибельного водоворота.

Она встала.

— Я не знаю, поняла ли хоть что-нибудь из того, что ты рассказал. Но это пугает меня.

— Не надо бояться. Тебя не должно пугать новое, о чем, может быть, надо просто немного поразмышлять. — Он показал на дверь. — Уходи спокойно, когда хочешь. Иди туда, где ты будешь одна. Подумай о моих словах. На сегодня занятия окончены.

Джолли кивнула и вышла из библиотеки. Прародитель провожал ее взглядом, пока она не закрыла дверь.

— Джолли!

Она обернулась и увидела на западной стороне Соледад, которая быстро шагала к ней по коралловой платформе.

Невдалеке, в центре города, крутая конусовидная гора переходила в лабиринт домов и переулков. Сотни чаек кружились вокруг башен, но их пронзительные крики заглушал шум водопадов, низвергавшихся в город по каналам с коралловой горы. Джолли обнаружила, что здесь встречались друг с другом жители Элениума, любившие и умевшие рассказывать истории. Они сидели по-турецки на одеялах или шкурах, а некоторые даже на специальных возвышениях и собирали вокруг себя кучки слушателей, большей частью детей, так как взрослые были заняты приготовлениями к обороне.

Джолли бродила от одного рассказчика к другому, слушая сказки и побасенки, а иногда

и эпизоды из истории города, Карибского моря и ранних времен колонизации.

— Я искала тебя, — Соледад улыбнулась. — Старик сказал, что ты наверняка где-то здесь, наверну.

Джолли давненько не обменивалась с принцессой ни словом, как, впрочем, и с большинством своих друзей с «Карфакса». Впервые она почувствовала, что совесть у нее нечиста.

— Мне надо было подумать, — проговорила она.

— О-о, — Соледад склонила голову и подняла брови.

— Ах, да не смотри на меня так. — Джолли заставила себя робко улыбнуться. — Это из-за Гриффина и Мунка?

— Ты не уступишь, не так ли?

Соледад нерешительно смерила ее взглядом, потом пожала плечами.

— Это твое дело, я не буду вмешиваться. Я хотела поговорить с тобой о другом. — Она подошла ближе. — Я хотела попрощаться.

— Ты уезжаешь?

— Только на пару дней, если все получится.

— Что ты задумала? — Джолли подумала, что попрощаться надо бы ей, когда придет время отправиться в путь. Эта мысль, как призрак, целыми днями преследовала ее.

Соледад отпустила руку Джолли.

— Я закончу то, что начала на Нью-Провиденсе. Отомщу за отца. Кендрик поплатится за то, что коварно овладел пиратским престолом.

Джолли уставилась на принцессу. Она знала, что рано или поздно Соледад отправится на поиски пиратского императора, но в последние дни забыла об этом. Или, может быть, гнала от себя такие мысли? Как, кстати, и многие другие, как и свои собственные чувства в отношении поисков капитана Бэннона.

— А где ты найдешь Кендрика? — спросила она.

— Ходят слухи, что готовится большое собрание всех самых главных пиратских капитанов Малых Антильских островов, — сказала принцесса. — Кендрик встретится с ними. Морские разбойники никогда не признавали пиратского императора. Еще мой отец и даже его предшественники пытались подчинить их — и напрасно. У них собственная община, и решения их совета — единственное, что имеет силу.

— А зачем тогда встреча с Кендриком?

Соледад откинула прядь волос.

— Он якобы хочет сделать им предложение, от которого они не смогут отказаться. Понятия не имею, что он задумал. Мой отец, можно сказать, разбил себе голову об их упрямство, и я сомневаюсь, чтобы у этого ублюдка вышло по-другому.

Джолли наморщила лоб.

— Ты знаешь, где они встречаются?

Соледад ухмыльнулась.

— Честно говоря, проще проникнуть в сокровищницу испанского вице-короля, чем вывести место сходимки. Но у меня есть план. — Она пристально посмотрела на Джолли. — Еще одна та-

кая возможность представится не скоро. — Джолли собралась было возразить, но Соледад продолжала: — В этом собрании будет участвовать еще кое-кто... Тироне.

— Тироне!

— Удивлена? Похоже, что он ради этого оставит свое убежище в дельте Ориноко.

— Но ведь Тироне... Он ведь больше не из этих. Он порвал с ними.

Новость и впрямь была сенсационной. Тироне был легендой, его боялись даже морские волки Карибского моря. Когда много лет назад армада испанцев поставила его в крайне затруднительное положение, он бежал на материк и с остатками команды поднялся по Ориноко. Всех членов его команды якобы съели каннибалы. Эта участь миновала самого Тироне, которому каким-то таинственным способом удалось убедить туземцев, что он — посланник богов. С тех пор ходят слухи о том, что он стал повелителем каннибалов Ориноко, наберновал новые команды и строит планы, как с огромным флотом морских разбойников и людоедов напасть на Карибские острова.

Большинство отмахивалось от этой истории, как от бабьих сказок. Даже Бэннон думал, что Тироне не избежал печальной участи своих спутников.

И что же, теперь Тироне должен объявиться на встрече антильских капитанов? Это было почти так же невероятно, как если бы о своем визите объявил сам дьявол.

Джолли глубоко вздохнула. Соледад собиралась ни много ни мало разворошить осиное гнездо.

— Ты нужна нам здесь, — сказала она и выдержала взгляд темных глаз Соледад.

— Нет, — возразила принцесса. — Важна только ты. Да еще Мунк. Мы не играем вообще никакой роли. По сравнению с вами даже торговец призраками не имеет особого значения.

— Но...

— Он будет меня сопровождать. Вообще-то именно его посетила идея, как можно найти место собрания.

Джолли устала на нее.

— Торговец призраками? Но... не может же он бросить нас на произвол судьбы!

— Никто тебя не бросает, Джолли. Если нам повезет, мы снова будем здесь, еще прежде чем вы отправитесь в поход.

— Мы? Но это значит...

— Уокер тоже идет с нами. И вот еще что, пока ты не спросила: Буэнавентура и «Карфакс» остаются здесь. Уокер, одноглазый и я — мы воспользуемся гиппокампусами.

То обстоятельство, что Буэнавентура и Уокер расставались, пусть даже на несколько дней, было необычным, но в тот момент Джолли не задумалась об этом.

— С чего это с вами отправляется торговец призраками? Уж ему-то должно быть все равно, останется Кендрик пиратским императором или нет.

Соледад согласилась.

— В любой другой ситуации это не играло бы для него никакой роли. Но если капитаны согласятся меня выслушать, я, быть может, смогу им растолковать, в какой опасности мы находимся... В том числе и они со своими командами. Если они мне поверят, я вернусь с целым флотом, который поддержит нас в борьбе против Гибельного водоворота.

Джолли скривила лицо, даже не пытаясь скрыть свое недоумение.

— Ты хочешь рассказать пиратам Карибского моря об Элениуме? И как ты думаешь, что они предпримут первым делом?

— Я понимаю, что это рискованно. Поэтому так важно, чтобы с нами был торговец призраками. Он сумеет оценить, есть ли у нас шанс или весь этот план — бессмыслица.

— Но они появятся здесь со своими кораблями, и тогда Элениуму придется воевать на два фронта. Пираты разграбят город, и Гибельному водовороту достанутся одни развалины.

Соледад погладила Джолли по волосам. Впервые она позволила себе столь доверительный жест.

— Джолли, ты умница, но ты меня недооцениваешь. Я многому научилась у отца. Я знаю, как разговаривать с этими парнями. И знаю, что им пообещать, чтобы сделать их ручными. Речь идет, в конце концов, об их выживании — только они об этом еще не знают.

— И тем не менее это безумие. Что скажет граф Аристотелес? И совет?

— Они поняли, что это шанс. Может быть, последний. Вам двоим нужно время, чтобы добраться до Шорфеншрунда. И даже если тебе и Мунку удастся закупорить Гибельный водоворот, то все же более чем вероятно, что нападение на Элениум произойдет раньше. Так вот на этот случай нужна любая поддержка.

Джолли поняла, что ей не удастся переубедить принцессу. Та давно уже начала осуществлять свою идею, не посвятив в это ее и Мунка.

— Когда вы отправляетесь?

— Немедленно. Поэтому я тебя искала. Я хотела, чтобы ты узнала обо всем от одного из нас, а не от старика или этих вообразал из совета.

— А Мунк?

— Расскажи ему сама.

— А с Гриффином как быть?

Сердце Джолли внезапно забилося быстрее.

Соледад сначала насторожилась, потом ухмыльнулась.

— Гриффин? Гриффин остается. Не волнуйся.

Джолли ощутила, как краска заливает ее лицо. Она почувствовала себя уличенной.

— Береги себя, Джолли. — Соледад притянула девочку к себе и крепко обняла. — Помни о том, что я тебе сказала. Ты и Мунк... там, внизу, вы будете зависеть друг от друга.

— Мунк зол на меня.

— Он успокоится. Может быть, сидит и ухмыляется где-нибудь. Таковы мужчины, поверь.

Они посмотрели друг другу в глаза. Слеза покатилась по щеке Джолли, прежде чем она смахнула ее.

— Мы вернемся, — пообещала Соледад.

— Да, конечно, — только и сумела сказать Джолли. Она глубоко вздохнула, будто тяжесть на ее плечах внезапно удвоилась. — Я боюсь.

— Да и мы все боимся.

Джолли покачала головой.

— Я боюсь не Гибельного водоворота или клабаутеров. Я боюсь остаться один на один с Мунком. Он... он мой друг, но... Ах, я и сама не понимаю, что случилось.

— Ты ему больше не веришь?

— Хотелось бы мне самой знать ответ на этот вопрос!

— И это хуже всего, не правда ли? Вот эта неизвестность.

Джолли и принцесса снова обнялись.

— Ах, Соледад, я охотнее отправилась бы вниз с кем-то другим. С любимым из вас.

Принцесса прижала голову Джолли к своему плечу и не проронила ни слова.

Правда о пауках

План торговца призраками был сколь сумасброден, столь и очевиден. За ним крылась история, которую передавали из уст в уста во всем Карибском бассейне.

Пару месяцев назад одного из самых могущественных капитанов на Антильских островах, некоего Сантьяго, высадили на необитаемом острове. Команда взбунтовалась, сочтя себя обманутой при дележе добычи.. (Тот, кто знал Сантьяго, понимал, что чувства вовсе не обманывали команду.) Пираты подошли к острову, который был едва ли больше уединенной песчаной отмели, и там оставили своего предводителя вместе с большой бочкой рома, что вполне соответствовало характеру Сантьяго.

Никто не проронил ни слезинки, когда история пошла гулять по кабакам портовых городов. У капитана Сантьяго, пьяницы, тирана и обманщика, было очень немного друзей среди предводителей карибских пиратов.

Все это, конечно, скоро забылось бы, если бы команда другого корабля, курс которого лежал мимо острова, не дала новую пищу слухам. Матросы ясно могли различить огромную бочку на берегу и две ноги, торчащие из нее. Несомненно, Сантьяго стал жертвой собственного

пьянства, захлебнувшись в роме, а бочка с трупом — чем-то вроде памятника. Даже бывалых пиратов охватывал ужас, когда в тавернах упоминали о кончине Сантьяго. Конечно, над ним смеялись, но кое у кого представление о бочке, из которой высывались сапоги, вызывало мурашки. Сантьяго, положим, был не первым, кто оказался жертвой собственной ненасытности, но ни на что не похожим оказался избранный им способ расставания с жизнью. И уже вскоре заговорили о проклятии, которое капитан изрыгнул, будучи в изрядном подпитии, за что и подавился последним глотком рома.

Впрочем, сколько бы историй ни рассказывали, никто не сомневался, что Сантьяго, уж конечно, был одним из тех, кто знал о тайном сборище. И поэтому план торговца призраками выглядел следующим образом: он хотел вместе с Соледад и Уокером добраться на морских конях до острова, вызвать дух Сантьяго и побудить его выдать место встречи антильских капитанов и Кендрика. Ведь если живые могли бы испугаться последствий своего предательства, то мертвому море по колено. Торговец призраками не сомневался в успехе своего плана.

От острова, где нашел последнее пристанище Сантьяго, одноглазый, Уокер и Соледад хотели продолжить путь к месту собрания капитанов, так как лазутчики д'Артуа предполагали, что встреча капитанов с Тироне и Кендриком состоится совсем скоро. Надо было спешить, и не только из опасения нападения Гибельного

водоворота, но еще и потому, что собрание могло закончиться, прежде чем трое соратников доберутся до места его проведения.

Соледад рассказала Джолли обо всем, пока они спускались по переулкам Элениума в тени натянутых от дома к дому тентов. Им понадобилось почти полчаса, чтобы добраться до конюшни у самой воды. Там их ждали Уокер и торговец призраками.

Стойла морских коней находились на набережной в обширном строении из кораллов. Конюхи сновали туда-сюда, некоторые вдвоем или втроем тащили большие корзины, до краев наполненные только что пойманными крошечными рыбками. Другие катили клубки сушеных водорослей и каких-то вяжущихся растений, собранных с полей, напоминающих плантации (их разбивали у стен Нижнего города), и на звеньях якорной цепи. И то и другое требовалось на корм гиппокампусам, которые при всей своей выносливости были подвержены авитаминозу и, как узнала Джолли от д'Артуа, простуде. Это была одна из причин, по которой морские кони никогда не покидали границ теплого Карибского моря.

Стойло делилось пополам средним брусом длиной в несколько сотен футов, по обеим сторонам которого в полу были укреплены баки. В них резвились гиппокампусы. Большими круглыми глазами они с любопытством наблюдали за мужчинами и женщинами, которые чистили водоемы, прокладывали новые водо-

подводны или чистили щетками и кормили своих питомцев. Пахло водорослями, соленой водой и мокрой одеждой. Вот только, вопреки ожиданиям, почти отсутствовал рыбный запах. Дело в том, что гиппокампусы издавали землистый запах, напоминавший запах прибрежного ила и влажных камней.

Уокер и торговец призраками ожидали Джолли и принцессу у одного из водоемов. Три оседланных гиппокампуса тихо покачивались рядом с ними на воде. Конюхи придерживали сбрую, поглаживали роговые панцири животных и шептали им успокаивающие слова.

Уокер встретил Джолли дружеской ухмылкой, тогда как одноглазый задумчиво кивнул и недовольно пробормотал: «Гм...» Может быть, он боялся, что Джолли не одобрит их отъезд и откажется сопровождать Соледад к стойлам. Обоих его попугаев нигде не было видно. Они должны были оставаться в Элениуме в качестве наблюдателей, чтобы в случае нападения предупредить своего господина. Уокер взял Джолли за руку. Она вздрогнула — такой жесткой была его хватка.

— Не поддавайся этим дуракам, малышка! Всегда помни: придут лучшие времена, и мы разграбим всю эту лавочку, загоним расфуфыренную публику в море и затопим город.

Джолли скроила самую мрачную мину и кивнула.

— И вот еще что, — продолжал Уокер, прежде чем отпустить руку Джолли. — Если кто-то из этих будет крутить носом в твой ад-

рес, сломай ему нос. Просто врежь, и все дела. Ясно?

— Ясно!

Соледад еще раз прижала ее к себе.

— Мы с тобой проделали долгий путь от логова Кендрика на Нью-Провиденсе до этих мест. — Джолли ухмыльнулась, и принцесса слегка ткнула ее в плечо. — Черт возьми, ну кто бы мог подумать?

Соледад глубоко вздохнула, казалось, будто она добавит что-то еще, но она лишь покачала головой и отступила назад, чтобы пропустить торговца призраками.

— Будь осторожна, — сказал он, опускаясь перед Джолли на корточки, чтобы его единственный глаз оказался на уровне ее лица. — Ты храбрая девочка. И все равно, чего бы Мунк ни мог достичь с помощью раковин, ему нужен кто-то вроде тебя, кто пойдет с ним по этому пути.

— А мне понадобится он — там внизу, у Шорфеншрунда.

— Если все получится, мы вернемся еще до того, как вы уйдете в поход. Если нет... ну что ж, вы единственные, кто сможет это сделать.

Он хлопнул Джолли по плечу и отошел назад, к своим спутникам, не обняв ее. Они оседлали морских коней, помахали руками и направили животных к отверстию в коралловой стене. Никто не пришел с ними попрощаться. Джолли подумала, что официальное прощание уже состоялось: может быть, в зале совета у графа или в каком-нибудь другом зале большо-

го кораллового дворца. Но почему не пришел Буэнавентура? И Гриффин?

Девочка собралась с духом и побежала по поперечному брусу к выходу. Под аркой ворот она остановилась, рукой прикрыла глаза от солнца и посмотрела на воду. Вдали она разглядела трех всадников. И люди, и кони уменьшались с каждой минутой, пока не исчезли за колышущейся стеной тумана. Мелкое волнение водной поверхности еще указывало то место, где они вошли в дымку, но только миг, а потом все снова выровнялось, приняв однообразный серый цвет.

Джолли постояла еще немного, не обращая внимания на ворчание конюхов, которым она загораживала дорогу. Ее переполняла печаль, будто девочка видела друзей в последний раз. Шепот волн звучал как приглашение побежать за ними в море, прочь от Элениума и людей, которые жили здесь, прочь от Моря Тьмы, прочь от ответственности, которую ей не хотелось нести.

Что подумал бы о ней Гриффин, если бы она украдкой улизнула? Счел бы он ее трусихой? Может быть.

А что, если у Джолли была серьезная причина, гораздо более веская, чем страх? Если она, как и Соледад, вспомнила о своей собственной цели? Понял бы он ее?

«Да, — думала она, — Гриффин меня поймет. Нет никаких сомнений».

Внезапно Джолли осенила одна идея, и она удивилась, что эта мысль не посетила ее много

раньше. Она бросила последний взгляд на стену тумана, а потом по лестницам и переулкам поспешила во дворец. Девочка влетела в свою комнату и перерыла вещи в поисках коробки с мертвым пауком — единственным доказательством того, что нападение ядовитых насекомых на «Тошую Мэдди» ей не привиделось. И дело было не в том, что она не доверяла собственным воспоминаниям. Ее успокаивало, что она держала в руке свидетельство катастрофы, пусть даже у него было восемь ног и отвратительная щетина.

С коробкой и пауком Джолли поспешила в Большую библиотеку — не в книжный зал прародителя, а в главное здание, и начала там свои поиски.

У паука было латинское название, которое Джолли пришлось разделить на слоги, чтобы прочитать. Когда она его произнесла, слово звучало так, будто его читали по складам, вместо того чтобы прочитать целиком.

Было далеко за полдень, когда девочка попала в эту часть библиотеки. Вооружившись лестницей и подзорной трубой, она обследовала один зал за другим, от низких книжных штабелей до самых высоких. Она уже готова была сдать, когда случайно прошла через узкую дверцу, за которой обнаружилось «Отделение джунглей. Кишечные заболевания в тропическом климате». Очевидно, эта тема не пользовалась большим спросом среди мудрецов Элениума.

После долгих поисков перст судьбы указал ей на книгу с искомой информацией. Она лежала на самом верху штабеля, возвышавшегося рядом с покрывшимся пылью пюпитром. Книгу эту около трех десятилетий тому назад написал монах, который, как Джолли прочитала в приложении, вскоре погиб, испытывая сильные головокружения.

На четыреста двадцать шестой странице она обнаружила первый след, который, пожалуй, мог пролить свет на судьбу капитана Бэннона. Снова и снова Джолли сравнивала паука с его изображением на картинке.

Если верить этой иллюстрации, вид пауков, к которому относилось и мертвое животное в ее коробочке, был распространен в одном-единственном регионе на побережье Карибского моря. Да притом не на каком-то побережье, не в каком-то регионе, а как раз там, куда Джолли сегодня уже попадала — в разговоре с Соледад.

Дельта Ориноко. Та часть джунглей, куда бежал легендарный капитан и жестокий деспот Тироне. Случайность? Возможно, но в высшей степени невероятная.

Пауки, от которых едва спаслась сама Джолли и жертвами которых стали все остальные члены экипажа «Тощей Мэдди» — так вот, эти пауки происходили из царства людоедов капитана Тироне.

От испуга Джолли сделала чересчур глубокий вдох, заглотив при этом изрядную порцию пыли, и кашляла полминуты, пока не успокоилась. Потом она еще раз сравнила светло-

коричневый узор на тельца паука с иллюстрацией. Она снова внимательно просмотрела текст, но ничто не указывало на существование этого вида пауков в других местах.

Все сошлось — засада, пауки и внезапная готовность Тироне по прошествии столь долгого времени снова делать общее дело с пиратами. Но как все это случилось? Почему такой человек, как Тироне, устроил Бэннону западню? Что за дело было ему до команды, корабля или Джолли? Допустим, целью Тироне и впрямь была она, головастик на борту корабля Бэннона, — но означало ли это, что между ним и Гибельным водоворотом существовала связь? Или она что-то упустила из виду?

Во всяком случае, в одном не приходилось сомневаться — теперь Джолли напала на след. Впервые после страшной атаки пауков она почувствовала, как в ней зарождается настоящая надежда. Если Тироне устроил им ловушку, то существовала возможность, что он вовремя дал Бэннону и его людям противоядие — если, конечно, предположить, что он был заинтересован заполнить Бэннона живым.

Джолли захлопнула книгу, взметнув облако пыли. Когда пыль осела, библиотека показалась тихой, точно вымершей, какой и была многие годы.

Ночью море вокруг Элениума было черно, как бездонная пропасть. Туманное кольцо поглотило большую часть солнечного света. Капитан д'Артуа приказал развести на плотках ко-

стры. Их сияние должно было предупредить защитников города о нападении клабаутеров. Плавающие платформы, осененные ярким пламенем, мерно качались на воде, но создаваемых ими световых пятен было недостаточно, чтобы озарить всю поверхность. Казалось, кто-то пытался справиться с темнотой, набрав полную горсть светлячков.

Джолли шла под прикрытием сложенных штабелем бревен. Ремонтные работы на «Карфаксе» были закончены, но остатки материала и инструменты все еще валялись на причале. Шлюп покачивался у набережной — луча морской звезды рядом с дюжиной рыбацких лодок, возвышаясь над их низкими мачтами.

Пока Джолли из своего укрытия напряженно всматривалась в причал, ей впервые показалось, что в корабле и вправду есть нечто величественное, и мысль о плане отозвалась болезненным уколом — ведь Уокер-то унаследовал шлюп от матери, пиратки, наводившей на всех страх. Урну с ее прахом он, как реликвию, хранил в своей каюте. Похищение корабля — это было совсем не то, что надо, но, черт возьми, Джолли тоже была пираткой. Уокер бы ее понял — хотя бы на секунду, прежде чем раскроить череп.

Джолли понимала, что повсюду патрулируют солдаты. В сумерках люди д'Артуа натолкнулись на отряд клабаутеров, которые вели наблюдение за городом. Стало ясно, что воины Гибельного водоворота неудержимо приближались. Караулы на городских набережных и наблюдательных вышках были усилены.

Намерение Джолли было абсолютно безумным, и она понимала это. Сбежать из Элениума незамеченной было невозможно. Девочка могла уповать только на то, что никто не заподозрит, что она на борту «Карфакса». У нее было даже, пожалуй, преимущество — день-два, прежде чем кто-то сделает правильные выводы. Правда, и в этом случае морские кони были достаточно быстры, чтобы настичь ее. Но тогда, может быть, станет очевидна непригодность Джолли для того, к чему ее готовили. В конце концов, есть Мунк. Он мужественный и обладает большими магическими способностями в отношении раковин — ни дать ни взять создан для борьбы против Гибельного водоворота.

При этой мысли она почувствовала острую боль и была вынуждена подумать о прощальных словах торговца призраками. Как бы Джолли ни играла ими, все сводилось к тому, что она оставляла Мунка на произвол судьбы. Ему бы пришлось в одиночку погружаться в глубину и добираться до Шорфеншрунда.

«Ну, хватит! Не делай себе еще хуже, чем есть!»

Джолли попыталась дышать спокойно и ровно. Взяв себя в руки, она последний раз оглянулась, потом, согнувшись, перебежала по открытым участкам портовой территории к причалу. Трап вибрировал, когда она поднималась на борт. Ее шаги по деревянной палубе звучали глухо.

Снова спрятавшись, на этот раз за поручни, она посмотрела назад. Нигде ни души. Если бы

солдаты находились поблизости, они бы видели только воду, а не причал. Может быть, никто не считался с возможностью похищения корабля. Казалось, только конус горы с сотнями шпилей, башен и мостов нагибается книзу — если слишком долго смотреть на него. Было похоже, что он начал бесконечно медленно наклоняться вперед, и Джолли пришлось бороться с искушением повернуться и убежать. Даже в темноте она не смогла полностью освободиться от этого ощущения. Возможно, ее всего-навсего беспокоило, не наблюдает ли за ней кто-нибудь оттуда, сверху.

Джолли снова согнулась и пересекла палубу, пахнувшую свежими опилками, дегтем и столярным клеем. Рабочие Элениума и призраки «Карфакса» потрудились на славу, насколько можно было разглядеть в темноте. Хотя Джолли нигде в городе не сталкивалась с призраками, общение с духами не казалось горожанам чем-то сверхъестественным.

Джолли и раньше пыталась повелевать бестелесными существами, но безуспешно. После обучения у прародителя она, однако, знала, на что следовало обращать внимание, чтобы контролировать их, и всего два дня назад на спор с Мунком доказала это умение.

Теперь она взбежала на мостик, ослабила страховочные тросы на штурвале, схватилась за рукоятки и сконцентрировалась. Ее губы шептали безмолвные слова, которые только она и знала и которые имели значение исключительно для нее. К тому времени Джолли убедилась,

что магия — нечто в высшей степени личное. Не существовало раз и навсегда определенного колдовства, которым мог бы воспользоваться всякий, четких формул-заклинаний. Волшебные книги и магические свитки? Чепуха! Каждый создавал свои формулы, находя их в глубине своей души. На сходных началах основывалась и магия раковин, с той лишь разницей, что она была намного сильнее, а ее воздействие куда опаснее.

Призыв Джолли, обращенный к призракам, пролетел как порыв ветра понизу, мягко обвился вокруг мачт и поднялся по тросам и вантам. Подобно невидимой силе, он затанцевал над реями и заставил подчиниться командам девочки потерянные души всех, кто встретил смерть на борту «Карфакса».

Прошло лишь несколько мгновений, и из темноты появились туманные очертания и расплывчатые силуэты, похожие один на другой. Вскоре они собрались по всей главной палубе и на мостике, вокруг Джолли и штурвала. Даже на марсе новой топ-мачты колыбался призрак, беспокойный, как клочок тумана.

Джолли еще раз обвела взглядом причал Элеинума, потом принялась командовать. Она никогда еще не вела корабль в одиночку, не говоря уже о том, чтобы управлять целым экипажем. Но теперь она не могла позволить себе сомнения. Бэннон обучил ее всему, что сам знал о мореходстве. У нее не было только опыта.

Призраки заняли все важные позиции. Слышно было только шуршание разворачиваемых парусов, скрип натягиваемых тросов и скрежет якорной лебедки. Еще минута-другая, и «Карфакс» был бы готов выйти в море.

— А ты никого не забыла?

Джолли обернулась. Позади, в тени поручней, кто-то сидел, скрестив ноги по-турецки. На темном полу мерцал круг из маленьких светлых точек.

— Мунк!

Он тихо вздохнул.

— Да, всего лишь я. Жалко, разве нет?

— Что ты хочешь этим сказать?

Он взглянул на нее.

— Ты бы предпочла кого-то другого.

Джолли бросила на Мунка яростный взгляд.

— Прекрати нести чушь! Для этого сейчас не...

— Почему ты не взяла с собой Гриффина? Теперь, когда вы так хорошо понимаете друг друга.

— То, что я здесь, — только мое дело. Не Гриффина и не твое.

— Гм, — промычал он и склонил голову набок, будто задумавшись над ее словами. — А ты ничего не упустила из виду?

Джолли подумала, не приказать ли призракам без лишних слов сбросить Мунка за борт. Сейчас у нее не было ни времени, ни терпения на такого рода дискуссии — и уж тем более с тем, кто вел себя как оскорбленный маленький мальчик.

— Шорфеншрунд, — сказал он, метко попав в ее больное место. — Ты, значит, хочешь, чтобы я справился со всем в одиночку.

— Мне надо найти Бэннона. Я планировала сделать это с самого начала, и ты это знаешь.

— А как же Элениум? Люди? Я и, да ладно, черт возьми, Гриффин? Мы все тебе до лампочки?

— Я должна сделать то, что должна.

— Боже милостивый, Джолли! А пооригинальней тебе ничего не пришло в голову? — Он встал, осторожно обошел круг из раковин и остановился прямо перед ней. — Ну, признайся, ты просто трусишь, да еще как! Бэннон — это отговорка, предлог, чтобы сбежать.

— Я не трусиха.

— Ах вот как? А как же, интересно знать, выглядит все то, что ты затеяла?

Она приставила палец, будто это был ствол пистолета, к его груди.

— Ты ревнуешь — в этом все дело! Верно, я боюсь, но ведь и ты тоже. Элениум я покидаю не из-за страха.

— Ты хочешь разыскать этого Бэннона, этого пирата, — презрительно сказал Мунк. — Ах, как благородно!

Джолли уставилась на него, но не нашла доступа к его мыслям.

— А ведь не так давно ты и сам хотел стать пиратом.

— Это было раньше. И я был другим.

Да, Мунк был прав — он стал другим.

— Ну, и нравишься ты себе таким? — тихо спросила она.

Его глаза превратились в узкие щелки, и внезапно она обрадовалась, что в темноте не могла видеть все оттенки выражения его лица. Голос Мунка звучал холодно, и в нем слышался закипавший гнев.

— Не об этом речь, Джолли. Это предназначение. Наше предназначение.

Джолли покрылась гусиной кожей. Еще несколько дней назад она думала, что все изменения, происходившие с Мунком, объясняются смертью его родителей, но она ошиблась. Изменили его этот город и ожидания людей. «Спаситель. — Ее пронзил холод. — Предназначение».

— Делай что хочешь, — сказала она. — Спасай мир, если думаешь, что можешь это сделать. Желаю тебе большой удачи в этом.

Он схватил ее за руку:

— Мы должны сделать это вместе. Только мы двое.

— Я не героиня, которую все эти люди видят во мне. — Она попыталась высвободить руку, но Мунк держал слишком крепко. Джолли понизила голос до шепота: — Отпусти меня!

Она боялась, что Мунк не уступит, что он и впрямь хочет силой принудить ее остаться в Элениуме, и приготовилась ударить его в лицо — так сильно, как только могла.

Но его пальцы ослабли, и она смогла снова пошевелить рукой.

— Никогда больше этого не делай, — прошипела она.

— Я не хочу спорить с тобой, Джолли.

— Да уже споришь.

— Вернись. Пожалуйста. — Но тон, которым Мунк произнес эти слова, был приказным.

— Нет. Ты уйдешь с этого корабля. И немедленно.

Рука Мунка потянулась назад, будто он хотел что-то достать из-за спины. На деле же его пальцы протянулись в направлении круга, образованного раковинами. Внезапно появился свет.

«Ему не надо было и смотреть, чтобы создать жемчужину! — мелькнуло в мыслях Джолли. — Он куда сильнее меня».

Мунк и бровью не повел.

Пылающая жемчужина медленно поднималась все выше и выше.

Что же, все эти дни он только играл с ней? Заставил ее поверить, что у нее есть шанс победить его в их смехотворном споре? Чтобы она по меньшей мере попыталась произвести на него впечатление?

— Оставь это, — сказала она.

Теперь жемчужина находилась почти на уровне глаз.

— Мунк, прекрати это!

Сияние стало сильнее, оно медленно пульсировало. Теперь жемчужина осветила всю палубу «Карфакса» так, что все вокруг могли видеть то, что происходило на борту корабля. Вероятно, стражники и обратили на это внимание.

Джолли закрыла глаза. Мысленно она протянула руки к жемчужине, хотела взять ее и...

— Ах, проклятье!

Она открыла глаза, когда ее настоящие руки ощутили, что оказались слишком близко к открытому огню.

— Мне больно, Мунк! — Джолли едва сдерживалась. — Ты этого хочешь, что ли? Хочешь сделать мне больно?

— Я хочу, чтобы ты образумилась.

— Образумилась так, как ты это понимаешь.

Он, не говоря ни слова, покачал головой. Жемчужина поднималась выше и выше, и теперь висела над ними как полная луна.

Джолли сделала знак одному из призраков. Он двинулся вперед — не к Мунку, а к кругу из раковин за его спиной. Его ноги становились все тяжелее, и вот раковины начали лопаться под его ступнями.

— Ты напал на меня.

— Только потому, что он такой же, как и ты... поэтому он нравится тебе больше, чем я.

— Это глупо, Мунк.

— Я об этом думал с самого начала. Еще когда мы первый раз увидели его на Нью-Провиденсе.

— Хватит, Мунк. Прекрати наконец!

Она глазами отдала приказ. Половина из призраков пришла в движение. Мунка схватило несколько рук. Хотя он и наносил удары во все стороны и ругался, духи спустили его по трапу на причал.

— Джолли! Не уходи!

Она только покачала головой, наблюдая, как его бросили наземь. Удар оказался для нее почти таким же болезненным, как и для него,

но ведь он не оставил ей выбора. Ну почему он так изменился?

— Не уходи! — завопил он снова.

Якорь, который вытягивали из воды, ударился о корпус. Тросы крепились по-походному, и корабль вздрагивал, как просыпавшееся животное. Призраки удерживали Мунка на земле, пока все было подготовлено. Затем они прошмыгнули на борт и убрали трап.

Мунк подпрыгнул, но не сделал попытки последовать за туманными существами. Его взгляд был неподвижно устремлен на Джолли. Она нагнулась, собрала раковины в кожаную сумку, лежавшую на полу, и бросила ее через поручни. Несомненно, Мунк поймал сумку, почти не глядя.

Высоко на мачте что-то колыхнулось. Два темных призрака опустились на рей по обе стороны стеньги. Красные и желтые глаза уставились вниз на палубу.

Джолли скорее почувствовала, нежели увидела попугаев. Ее руки легли на штурвал, и «Карфакс» оторвался от луча морской звезды и заскользил в море.

— Пусть ее идет!

Голос старика прозвучал над ящиками, которые Мунк взгромоздил на причале, чтобы опереться на них.

— Прародитель? — Он обернулся, но никого не увидел.

— Она приняла свое решение.

— Неверное решение.

— Это она должна понять сама.

— Но она нужна нам здесь! — Мунк больше не пытался разглядеть в темноте согбенную фигуру старца. Он снова смотрел на «Карфакс», который оставил позади рыбацьи лодки и теперь без всякого освещения скользил по открытой воде к черной туманной стене.

— Посты не задержат ее, — сказал прародитель. — Я позаботился об этом.

— Но она... она не осознает, что делает, — в отчаянии пробормотал Мунк.

— Ну что ты, она знает, и очень точно. Вот только последствия она не может предвидеть.

Мунку пришлось заставить себя оторвать взгляд от корабля. Он сделал шаг в сторону тени, не без надежды на то, что никого там не найдет. Но прародитель действительно стоял между ящиками. В темноте он казался еще меньше ростом и еще более хилым, чем всегда.

— Я не могу один отправиться в Шорфенш-рунд, — сказал Мунк.

Лицо прародителя оставалось непроницаемым.

— Ты обратил против нее магию. Но гораздо хуже, что ты заставил ее действовать против тебя. Она этого не хотела, а ты не оставил ей выхода.

— Но только для того, чтобы... чтобы... — Мунк потупил взгляд.

— И в этом тоже есть своя хорошая сторона, — проговорил прародитель.

— Ах вот как? — презрительно фыркнул Мунк.

— В отличие от тебя, Мунк, она еще не готова. Есть урок, преподать который ей не могу ни я, ни кто-либо еще. Урок, который ты уже усвоил и который дает тебе силу. — Прародитель поднял посох и тихо ударил им по земле у ног Мунка. — Пусть уходит и накапливает собственный опыт.

Мунк едва мог дышать — так сильно перехватило горло.

— О каком уроке ты говоришь?

— О потере, — задумчиво ответил прародитель. — Об опыте утраты чего-то, что она любит больше самой себя.

Сожран

— Она сбежала.

Гриффин в испуге обернулся, услышав сзади голос д'Артуа. Опершись на парапет караульной башни, он полировал саблю, которую ему вручили вместе с солдатским обмундированием. Он не особенно хорошо чувствовал себя в новой одежде, но если ему хотелось быть полезным и к тому же научиться обращению с морскими конями и летающими скатами, то без формы обойтись было нельзя. Кожа была мягкой, и тем не менее под мышками давило. И вдобавок никто не мог ему объяснить, зачем мундир обшит кораллами.

— Она... что? — Он звякнул саблей о парапет. В добрых трехстах футах мерцала поверхность моря.

— Джолли сбежала. — Д'Артуа внимательно посмотрел на него.

У Гриффина закружилась голова.

— Этого не может быть.

— Боюсь, что так.

Гриффин крутанулся на месте, а потом уставился в глубину — на склоны города на морской звезде и на воду. Отсюда вода казалась плоской поверхностью, черной как смоль, кото-

рую изредка освещали огненные плоты. Д'Артуа уже распорядился утроить их численность.

— Она угнала «Карфакс», — промолвил капитан.

Гриффин все еще ничего не понимал.

— Что вдруг так рано? Она же говорила, что ее обучение...

— Она ушла не в Шорфеншрунд.

— А куда же?

— Не знаю. Я хотел ее задержать, но прародитель велел не мешать ей. — Д'Артуа встал у парапета рядом с Гриффином. — Я надеюсь, он знает, что делает.

Гриффин боролся с охватившим его нетерпением. Все в нем кричало, требуя оставить капитана и кинуться вниз, в комнату Джолли, чтобы убедиться, что все происшедшее было только недоразумением. Но он овладел собой.

— Ну должен же кто-то, знать, что она собиралась сделать.

— Я думал, что ты мог бы что-то сказать об этом.

Гриффин покачал головой.

— Она мне ничего не сказала.

Капитан положил руку ему на плечо и развернул вполоборота к себе.

— Это правда?

— Клянусь.

Гриффин беспокойно переступил с ноги на ногу. Джолли покинула город, а он — он стоял без дела и разглагольствовал.

Д'Артуа вздохнул и тоже устремил взгляд во тьму. Отсюда огненные плоты казались едва ли больше отдельных звезд на небе.

— Ты хоть представляешь себе, как тяжело мне было повиноваться прародителю во всей этой истории? — Д'Артуа задал вопрос, не ожидая ответа. — Тем более что у него нет командной власти. Но я уважаю его и его решения. Он...

— Мудр? — предположил Гриффин.

— Более, чем только это. Он — душа Элеиума. Здесь нет никого, кто был бы важнее для города.

Гриффин насторожился.

— Во время заседания совета он казался не особенно... значительным. Никто не уделял ему слишком уж большого внимания.

Д'Артуа улыбнулся, но не стал ничего объяснять. Вместо этого он склонился над парпетом.

— Видишь ли, годами нам внушали, что кваппы спасут Элеиум, если нападет Гибельный водоворот. Когда положение стало серьезным, мы ждали, что они, наконец, появятся. Были даже такие люди, которые молились им. Можешь представить себе такое? И вот из ниоткуда появляются двое детей, не в обиду будь сказано, Гриффин, и мы должны верить, что они — наши спасители. А поверить довольно трудно. И когда мы наконец согласились и сказали, хорошо, мол, они спасут нас — девчонка вдруг бежит. Ни с того ни с сего. — Брови д'Артуа сошлись на переносице, взгляд омрачился. — А ведь я мог бы ее задержать, но должен был позволить ей уйти... и тем самым, возможно, решить судьбу города.

— Все дело в Мунке, — проговорил Гриффин, когда ледяная рука коснулась его сердца. — Или он ушел с ней?

— Нет, — сказал д'Артуа, и за это Гриффин готов был заключить его в объятия. — Мунк в городе. Прародитель заботится о нем.

— Может быть, достаточно будет, если Мунк в одиночку доберется до Шорфеншрунда? Он сильный. Джолли говорила об этом не раз.

— Может быть. — Руки капитана впились в края парапета, будто он желал выломать кусок ограждения. — Но чувства говорят мне, что там, внизу, нам нужны они оба. Мунк, пожалуй, и сильнее, что бы это ни означало — я-то слишком мало понимаю в магии и подобных вещах. Но в его глазах я вижу вещи, которые... ну не знаю... которым я не могу дать название. Желание нравиться и высокомерие и... ну да, конечно, сила — в какой-то степени. Но в глазах твоих друзей читается нечто куда большее: человечность, и тепло, и достаточное мужество, которое позволяет выиграть эту проклятую войну. Раньше я называл их детьми, но это было неверно. Они, может быть, и выглядят по-детски, но что касается внутренних сил... нет, в них кроется гораздо больше. Что-то такое, чего я не вижу у Мунка. — Он глубоко вздохнул. — И вот поэтому, Гриффин, мне все равно, что другие думают о его способностях. Все это сомнительное волшебство, скажу я тебе. Все дело в том, что кроется здесь, внутри. — С этими словами д'Артуа указал на свое сердце. — Вот сила, которая нам нужна. А ее-то у Джолли в сотню раз больше, чем у него.

— Я знаю. — С каждым словом капитана Гриффину все сильнее недоставало Джолли.

Мысль о том, что она куда-то отправилась без него, едва ли не сдавливала ему горло. Ну почему она не взяла его с собой? Почему даже не простилась с ним?

— Я не могу ее вернуть, — сказал капитан, и на этот раз в его словах слышалось какое-то странное значение. — Я обещал повиноваться прародителю, и так и поступлю. Может быть, кто-нибудь другой, кто захотел бы, чего доброго, воспротивиться моему приказу... но не я...

И снова встретились их взгляды.

— Ну а что было бы, если бы здесь наверху я взял на себя твои обязанности караульного? — спросил капитан.

— Вы хотите... вы имеете в виду...

Последовал еще один взгляд, и потом д'Артуа снова повернулся к панораме ночи.

— Мне нужен покой, чтобы поразмышлять. Здесь хорошее место для этого. Я часто поднимаюсь сюда, особенно по ночам. Если хочешь, можешь отправляться спать.

Гриффин вложил саблю в ножны, засунул их за пояс и ринулся к лестнице. Тысячи мыслей одновременно проносились через его сознание. «Отправляться спать...» Слишком уж хорошо он понимал, что имел в виду д'Артуа. На верхней ступеньке он задержался еще на какое-то время, пролепетал «Слушаюсь», почти проглотив эти слова, а потом помчался вниз. Парню почудилось, что д'Артуа наблюдал за ним уголками глаз — и при этом ухмылялся.

Казалось, количество ступенек увеличивалось само собой, никогда в прежние дни их не было

так много. Одним прыжком Гриффин преодолел три ступеньки, а под конец даже четыре. По опустевшим переулкам он кинулся вверх по горе. В окнах уже не горели свечи, до полуночи оставалось совсем немного, и люди спали. Следующий день должен был принести с собой тысячу задач, связанных с предстоящей осадой, — наполнять песком и укладывать штабелями мешки на важнейших оборонительных позициях; воздвигать защитные валы; собирать экстренные запасы пищи как в домах, так и в туннелях глубоко под городом; затачивать клинки; чистить ружейные и пистолетные стволы.

Гриффин не смотрел ни вправо, ни влево. Его мысли блуждали вокруг Джолли, ее улыбки, вокруг того, как он ощущал ее кожу, нанося татуировку, вокруг ее голоса и искорок, блескших в ее глазах, когда она дразнила его. И еще вокруг того, что ей предстояло, — путь в темноте рядом с Мунком.

Вот эта последняя мысль и вызвала у Гриффина колебания, когда он собрался было зайти в конюшни. Он остановился, попытавшись справиться с духом и ухватившись рукой за стойку ворот. Да и хотел ли он вообще вернуть Джолли в Элениум? И вправду ли он хотел, чтобы она спустилась к Шорферншрунду, взяв на себя миссию, которая могла стоить ей жизни? Как знать, не сделала ли она единственно правильный шаг. Так ведь Джолли вскоре оказалась бы вне опасности. А в этом-то и было дело. Для него в этом и было все дело.

Но затем в мысли Гриффина вползла уверенность, молниеносно испугавшая его. Джолли не была трусихой, не боялась она даже Гибельного водоворота или Шорфеншрунда. И если уж Джолли покинула Элениум, это имело какую-то другую причину, не страх. Речь шла о чем-то другом, чем боязнь, и, уж конечно, не менее опасном.

Он вошел в конюшни и побежал по центральному коридору. Несмотря на ночной час, все конюхи были заняты. Некоторым из них приходилось быть в полной готовности из-за необходимости патрулирования. Они удивленно смотрели вслед Гриффину, когда он, ни дать ни взять преследуемый чертями, бежал к бассейну, в котором с открытыми глазами спал его собственный морской конь.

Гриффин неловко попытался оседлать животное, прежде чем ему на помощь пришел один из самых опытных конюхов. Он не задавал вопросов — не в том заключалась его задача, но, взглянув на наморщенный лоб служителя, можно было понять, что поздний отъезд молодого человека вызвал у него недоумение.

Несколькими минутами позже Гриффин пустился в путь. Он направил морского коня под одной из арок к морю, а затем пронесся с ним по темной воде, мимо ярко горевших огненных потоков, которые качались на волнах.

Ночь была теплая, как чаще всего и случается в это время года в Карибском море, но дневная жара спала. Гриффин не мог не заметить, что стало легче дышать. Несмотря на за-

дачу, которую он себе поставил, и вопреки тревоге за Джолли, его охватило неукротимое чувство свободы. Впервые он выехал в одиночку, и, казалось, ему передавалась сила удивительного существа, которое плыло под ним. Он чувствовал себя словно новорожденный.

Прежде чем он достиг тумана и все вокруг него погрузилось во тьму, Гриффин через плечо взглянул назад, на город, и поискал взглядом башню, на которой еще несколько мгновений назад стоял с д'Артуа. Но нашел он ее не быстро. Первые полосы уже скрыли ее, а потом вдруг наступила такая тьма, что юношу на мгновение охватила паника.

Дело в том, что туман объял его не чадом и серой печалью, а абсолютной чернотой. Со стороны города свет не пробивался, да что там, даже свет недалеких огненных плотов догорал за его спиной наподобие угасавших свечных фитилей. Эта-то чернота и позволила Гриффину почувствовать, что предстоит Джолли, верни он ее назад, в Элениум. С чернотой через одежду юноши просочился страх, объявший его наподобие ледяного панциря. Не прошло и дня с тех пор, как солдаты отправились стеречь стаи клабаутеров. Теперь же, в темноте, могли передвигаться десятки, даже сотни этих созданий — да так, что никто не смог бы их обнаружить.

— Быстрее, Матадор, быстрее! — Гриффин погонял животное, имя которому дал один из конюхов. Юноша думал, что у него были предки-испанцы в Старом Свете — как и вообще у

большинства горожан. Кстати, и в этом состоял один из многочисленных парадоксов здешних мест, если уж Элениум и вправду существовал многие века, а то и тысячелетия, то почему его хранители происходили из Европы, а не с окружающих островов?

Туману не было конца. Гриффин вслепую управлял Матадором. Бедро юноши так крепко держали седло, будто от этого зависела его жизнь. Его страховали ремни, совершенно необходимые при езде на гиппокапмусах. Юноше, однако, трудно давалось доверие к чему бы то ни было. Он не доверял даже собственному восприятию. Уж не проникало ли сквозь туман тихое кряканье, высокий свистящий звук? Не стали ли громче и быстрее плеск и журчание волн вокруг него? И не возникло ли перед ним во тьме нечто гигантское и бесформенное? По меньшей мере, последнее должно оказаться мифом: он не мог видеть даже свою руку, что уж говорить об исполинском теле вдали. Конечно же, темнота сыграла с ним злую шутку.

Только теперь Гриффину стало ясно, как доверял ему д'Артуа, послав в такую миссию в одиночку. В то же время юношу посещали сомнения. Вправду ли капитан послал его? Во всяком случае, приказа он не отдал, и все вполне еще могло оказаться ужасным, смертельным недоразумением. Может быть, начальник в действительности хотел только сменить его с поста, чтобы поразмыслить, а то и думал, что парень давно в постели — то есть последовал его совету.

Морской конь издал свистящий звук, означавший сигнал тревоги, — мол, он учуял что-то незнакомое.

Гриффин похлопал дрожащими пальцами шею животного.

— Ну что там?

Ответа не последовало. Снизу что-то ударило, с чудовищной силой вытолкнуло коня из воды. Писк животного стал громче, а потом на миг оборвался. Ремни впились в тело Гриффина. Ужасный толчок прошел по его затылку и позвоночнику. Соленая вода хлынула в открытый рот юноши, и его крик замер над волнами, так и оставшись неслышанным.

Морской конь выпрямился снова, да так быстро, что Гриффин едва заметил его движение. Панически ударяя ластами, он прямо-таки полетел над волнами, в то время как Гриффин отчаянно пытался сориентироваться в темноте. Его голова не находилась хотя бы под водой, он мог свободно дышать. Конь взял контроль на себя и нес всадника вперед со всей скоростью, на которую только был способен. Гриффин же и понятия не имел, рванулись ли они в открытое море или возвращаются в Элениум, в безопасный мир конюшен. Ему было почти все равно, главное — прочь отсюда. Вон из тумана, ну хоть куда-то, где свет и где можно увидеть, кто напал на них.

Что-то протаранило коня снизу — что-то довольно большое для того, чтобы подбросить в воздух, ни дать ни взять как игрушку, коня длиной в двенадцать футов.

Гриффин закрыл глаза. Это, впрочем, было не столь важно в темноте, но хотя бы таким способом он почувствовал, что снова сумеет привести в нормальное русло свои взбудораженные мысли. Морской конь и без того искал путь в полном одиночестве.

Когда юноша снова поднял веки, туман почти целиком остался позади всадника. Правда, его еще держали последние туманные руки, да и звезды, как и прежде, оставались невидимыми. Но потом Гриффин увидел перед собой открытое море, сеть поблескивающих гребней волн и неясных отражений. Матадор не повернул назад, а приплыл на другую сторону туманной стены.

Морской конь и его седок оставили позади последние клочья тумана и погрузились в блистающую пышность карибского небосвода. Они скакали по волнам, на которых мерцали звезды и лунный серп, под прохладным бризом, унесшим прочь страхи Гриффина.

И дело было не в том, что юноша предположил на мгновение — мол, с опасностью покончено. Тот, кто нападал, мог по-прежнему следовать за ними. Он мог затаиться, скрыться под волнами. Но привычный вид ночного неба и даль моря настолько успокоили Гриффина, что он снова обрел ясность мысли. Ему едва ли не казалось, что он находился на борту корабля, во время одной из тех спокойных ночных вахт, которые он так любил раньше.

Его взгляд скользил по морской глади и вдоль темного горизонта. Джолли и «Карфаксу»

волей-неволей оставалось одно направление — юго-запад, курс, который привел бы их назад на острова или на материк.

Матадор знал дорогу. Морские кони были натренированы на распознавание суши, даже на отдалении в сотни миль. Это было одно из бесчисленных чудес Элениума, его обитателей, да что там — даже его животных. Волшебство, сконцентрированное в кваппах, касалось каждого существа, причем так, будто магические жилы, о которых говорил граф Аристотелес, проходили по самой середине плавучего города.

Глазам Гриффина пришлось заново привыкать к свету. Потом он увидел вдалеке, на расстоянии многих миль, паруса, серые прямоугольники, которые под сильным бризом несли «Карфакс» к берегу. Громким криком он поторопил морского коня и направил его в соответствии с курсом корабля. Матадор был гораздо быстрее шлюпа и при некотором везении догнал бы его менее чем за полчаса.

Гриффин почувствовал на своем лице морскую пену. Его сердце отчаянно билось. Время от времени он смотрел через плечо. Туман был едва различим. Сзади осталась темная полоса, которая гасила блеск водной поверхности и звездного неба, будто кто-то тканью стер часть горизонта. Черная стена была шириной в несколько миль, и в центре ее скрывались башни Элениума, Гриффин продвинулся не особенно далеко.

Море перед ним поднялось куполом наподобие горы — поначалу почти незаметно, как по-

логий склон, потом все круче. По сторонам холма с шумом скатывались водные потоки, похожие на водопады. Гриффин хотел было резко повернуть, но морской конь снова среагировал быстрее. Матадор сделал крюк, чтобы уклониться от гиганта, появившегося из-под воды. Но было слишком поздно. Волны подхватили морского коня и всадника, и на этот раз седельные ремни не выдержали. Массы воды обрушились на Гриффина — настоящая стена из соленой пены. А затем его сжали невидимые руки, и он оказался один, без верного друга, который мог принести его в безопасность.

«Джолли!» — пронзило Гриффина, и он понял, что умрет, или уже утонул, или его поглотила эта странная живая гора.

Казалось, те же силы, придавившие его и заставившие оказаться под водой, вытаскивали юношу на поверхность. Он глотнул воздуха, но при этом опять хлебнул воды, так что теперь, несмотря на чистый ночной воздух, ему грозило удушье. Мокрая форма тянула вглубь, но Гриффин так сильно дрыгал ногами, что удержался на поверхности. Кашляя, он открыл глаза — и не увидел ни горизонта, ни неба, а снова одну лишь черноту, но на этот раз своей огромностью походившую на остров, который неожиданно возник перед ним.

Это, однако, был не остров. И уж конечно, огромный контур на фоне звезд не предвещал спасения. Гриффина подхватило новое течение — мощная струя, понесшая его вперед с массами воды, будто открылось отверстие, которое гро-

зило поглотить юношу, а с ним и все Карибское море.

«Гибельный водоворот!» — подумалось ему.

Но нет, это был не Гибельный водоворот.

Глотка оказалась величиной с церковный портал — зловонный, блестящий ад из мяса, и жара, и зубов. Гриффин почувствовал, как острые края разрывали его одежду, когда поток проносил его над ними. Затем мягкий, теплый ветер бросил его в новую тьму, и юноша продолжал скользить, да что там — нестись по туннелю вниз, в сторону, вперед.

«Меня сожрали!» — успел подумать Гриффин, прежде чем определенность этой судьбы покончила со всеми остальными мыслями.

Гигантские челюсти сомкнулись, течение улеглось. Чудовище, поглотившее Гриффина, погрузилось в глубины океана.

Дух в бочке

В некоторых легендах рассказываются истории хоть и невероятные, но правдивые. Другие лгут, если те, кто слушает их, закрывают уши от правды. Третьи, какими бы неправдоподобными, сумасшедшими и ложными ни казались, рисуют образ действительности, многократно увеличивающий ее остроту и истинность.

История жизни Сантьяго и его смерти не была выдумкой от начала до конца. Но за несколько месяцев она, сотни раз пересказанная, преувеличенная и приукрашенная, перестала быть только слухом.

И все-таки в этот раз действительность превзошла все рассказы. Это была самая безумная, мрачная, самая кошмарная картина из всех, с которыми сталкивалась дочь пиратского императора. При беглом взгляде обнаруживались только длинный песчаный берег, большая бочка и пара сапог, торчавших из нее. Это был, однако, вид, глубоко запечатлевшийся в памяти Соледад.

Было и кое-что еще. В заброшенности небольшого острова, между песчаными горбами, лишенными растительности, дух Сантьяго ощущался наподобие морского бриза, который то усиливается, то затихает снова.

— И вы его тоже чувствуете, не правда ли? — Голос торговца призраками первым нарушил молчание, в которое она погрузилась, ступив на остров.

Соледад и Уокер одновременно кивнули.

— Еще никто не умирал на этом острове, — сказал торговец, наморщив лоб. — Вынести одиночество духу в тысячу раз труднее, чем живому человеку.

Соледад снова кивнула, будто точно знала, о чем говорил одноглазый. Она могла едва ли не губами ощутить чувство уединения и замешательства, охватывавшее весь остров.

Морские кони медленно двигались по мелководью, чтобы не зацепиться за дно чувствительными хвостовыми плавниками. Наконец они остановились, и трем всадникам пришлось преодолеть остаток пути пешком.

Казалось, воздух над песком расплывался, когда Соледад добралась до берега и повернулась к бочке. Всего лишь десять шагов отделяли ее от цели. Торговец призраками предпочел держаться на некотором отдалении. Он ощущал, что остров полностью во власти мертвого.

Перед глазами Соледад появлялись расплывчатые формы, образы кораблей, битв и веселых попок. Но были и искаженные образы детей в лохмотьях на берегу, мужчин в форменной одежде, тюремных камер, смеющихся и кричащих женщин, огня и золота, а также крови, просачивавшейся в песок. Ничто из увиденного не было реальным, и, когда торговец призраками крикнул ей, что речь должна идти о

событиях из жизни капитана Сантьяго, Соледад давно уже сама пришла к этой мысли.

Образы появлялись в последовательности, которую нельзя было воспроизвести, они накладывались друг на друга и перемешивались. Взрослые люди внезапно приобретали детские лица и наоборот. Одежды менялись вмиг. Корабли превращались то в крепости, то в леса, то в болота или гавани. Все казалось сумасбродными грезами, в которых виденное и воображаемое превращалось в единое целое, давно уже ушедшее с пути разума.

И еще чувствовалась смерть. Вновь и вновь смерть.

Мерцающие существа безжизненно оседали, умирали под ударами сабель, гибли повешенными на реях или оставшись на горевших обломках кораблей и под градом пуль. Соледад повидала смерть, будь то смерть в бою, от старости и под ножами трусливых врагов. Но нынешние образы многократно превосходили ее опыт. Оставалось неопределенным, шла ли речь о мертвых, которых видел и сам Сантьяго, или такую судьбу он приготовил мятежникам. Вероятно, это было неаппетитное смешение и того, и другого.

Уокер подошел ближе к Соледад и взял ее правую руку. Она вздрогнула, но не отняла пальцы.

— Я знаю кое-кого из них, — сказал Уокер, пока образы вокруг Соледад становились с каждым мгновением все ужаснее и кровожаднее.

— Все они выглядят как призраки, — произнесла Соледад через силу.

Теперь подошел поближе и торговец призраками.

— Это обман, — объявил он и, единственный, не утратил спокойствия. — Это всего лишь мечты, желания и воспоминания, вышедшие из помутившегося рассудка Сантьяго. Нечего их бояться — по крайней мере, пока они не последуют за вами.

Лицо Уокера нервно дернулось, и он несколько крепче взял Соледад за руку.

— Последуют? Объясни толком, что ты хочешь сказать!

— Если слишком долго смотреть на образы, может случиться, что они в ком-то и угнездятся. Тогда они преследуют человека всю его жизнь.

Соледад и Уокер обменялись многозначительными взглядами.

— А сколько это «вся жизнь»? — спросила принцесса.

— Это можно узнать только тогда, когда будет слишком поздно.

Уокер наклонился к уху Соледад.

— Я так и знал, что он скажет что-то вроде этого.

Она озабоченно кивнула.

Торговец запустил руку под одежду и вынул серебряный обруч, позволявший ему властвовать над призраками, диаметром с тарелку. При помощи подобных обручей фокусники демонстрировали публике дешевые трюки.

Торговец держал обруч горизонтально и водил по нему пальцами правой руки. При этом он закрыл свой единственный глаз и то что-то бормотал под нос, то замолкал.

— Что он делает? — прошептал Уокер.

Соледад пожала плечами.

— Что-то невероятно мощное.

— И вовсе нет, — отозвался торговец. — Я концентрируюсь на укусе москита в левую пятку, чтобы она прекратила чесаться.

— Ага, — проговорил Уокер и серьезно кивнул.

— На укусе москита? — повторила Соледад.

— Ну не могу я ловить духов, если нога чешется. Я прошу о несколько большем понимании.

— Да уж конечно, — язвительно ответил Уокер.

Соледад растерянно встряхнула головой.

— Ну, так вот, — провозгласил торговец и глубоко вздохнул. — Я начинаю.

— Хорошая идея, — буркнул капитан.

Торговец снова провел пальцами по серебряному обручу. Картины, порожденные раскуском обезумевшего Сантьяго, придвинулись ближе и свились вокруг нее в кокон из прошлого и возможного будущего. Соледад боролась со стремлением избежать ударов мерцающих существ, но ей не удавалось сделать это. Она закрыла глаза, надеясь таким образом избавиться от отвратительного зрелища. При этом принцесса всецело сконцентрировалась на прикосновении Уокера, хотя как раз тогда ее и посещали чуждые чувства. Злость на саму себя, но и успокоение. Стыд на свою непоследовательность, но также и... Расположение?

Чуть позже она почувствовала, что образы, несмотря ни на что, пробились к ней. Они вли-

вались в ее мысли, как вода в корпус судна, давший течь.

Соледад открыла глаза и с отчаянием поняла, что ее руку уже не держит Уокер — вместо него появился какой-то толстяк. Полосатая рубашка едва прикрывала брюхо, открывала пупок. Одну сторону его мощного черепа покрывали волосы, другая же была испещрена сетью рубцов от ожога.

Поверх рубашки был надет истрепанный сюртук, правый рукав которого висел клочьями. Резаная рана на лбу уже давно перестала кровоточить, но все еще не затянулась.

— Сантьяго! — в оцепенении прошептала Соледад.

Тучный пират повернулся к ней и открыл рот. В лицо Соледад ударило неопишемое злобное рома и дохлой рыбы, когда он оскалил зубы, как дикий зверь. Она хотела освободить руку и вытянуть один из своих метательных ножей. Но ее движения стали замедленными и странно нерешительными, будто Соледад делила власть над своим телом с кем-то, кто хотел как раз обратного.

— Соледад... маленькая Соледад, — проговорил Сантьяго и склонил голову набок. Только теперь ей в глаза бросилось, что он растолстел даже сильнее, чем несколько лет назад, во время их последней встречи. Тогда, правда, он был жив, а не скрывался месяцами в бочке с ромом с погруженной в нее головой.

Девушка очень надеялась, что желто-коричневая жидкость, стекавшая по его вздутым гу-

бам, действительно представляла собой не что иное, как ром.

— Ты пришла ко мне, — сказал предводитель пиратов. — Как это мило с твоей стороны. — При каждом третьем или четвертом слове на его губах возникали пузырьки, которые немного погодя лопались. — Знаешь ли ты, как парни поступили со мной?

— Они тебя высадили на берег?

— Они подняли мятеж. За это их следует повесить. Содрать кожу и четвертовать.

— Говорят, ты пытался утаить от них часть добычи?

— Скажешь тоже! Небольшая ошибка в расчетах — не более того.

— Ну конечно.

— Содрать кожу и... — Он замолчал, будто забыв, о чем только что собирался сказать.

— Четвертовать? — предположила она.

— Четвертовать, — подтвердил он и отвратительно ухмыльнулся. — А ты чего от меня хочешь?

Соледад оглянулась, но не увидела ни Уокера, ни торговца призраками. Образы тоже растворились в воздухе. Только бочка с ромом стояла, не меняя места, теперь, однако, из нее не было видно никаких сапог. Вместо этого влажные следы вели к живому трупу рядом с Соледад, который, как и прежде, держал ее за руку. Его пальцы казались мыльными.

Она собрала все свое мужество.

— Ты помнишь моего отца?

— Старого Скараба? Ну конечно. Хоть он и был мерзким типом, но слово держал.

— А ты знаешь, что с ним случилось? — При воспоминании об отце голос Соледад зазвучал хрипло — даже здесь, в этом странном промежуточном мире.

— Кендрик перерезал ему горло.

— Да... он это сделал.

— Теперь ты хочешь на него напасть, не правда ли? Ты ведь уже ребенком была чертякой что надо. Пыталась выкупиться у своего старика, да он-то не хотел отдавать тебя и за десять бочек рома.

Втайне она послала благодарственную молитву пиратскому небу.

— Ты знаешь кое-что, что поможет мне выйти из тяжелого положения.

— Что ты замыслила?

— Я ищу Кендрика. И хочу привлечь на свою сторону антильских капитанов.

Сантьяго затрясся от смеха.

— Ты что, думаешь, они соберутся вокруг тебя? Поддержат твои намерения? — Тряхнув головой, он освободился от руки Соледад и тяжело двинулся к бочке.

Соледад последовала за ним.

— Подожди!

Он даже не обернулся.

— Да с чего бы это?

— Потому... потому что мы тебя вызвали и ты должен мне повиноваться.

— Тебе-то? — Он снова засмеялся. — Может быть, твоему одноглазому другу... да, ему. Но тебе? Продолжай мечтать о пиратском троне, маленькая Соледад, но меня оставь в покое.

Он был быстрее ее, несмотря на свой изрядный вес и размякшие конечности. Ее приводила в ярость необходимость смотреть на его широкую спину — и оказаться не в состоянии его догнать.

— В покое? — переспросила она. — И это ты называешь покоем? Быть осажденным своими собственными воспоминаниями и кошмарами?

— Ну, а ты-то что об этом знаешь? — сказал он, пожав плечами, и затопал дальше.

— Сантьяго!

— Ну что?

— Я не хочу тебя обманывать. Я не могу помочь тебе. Но мне нужна твоя помощь!

— Звучит так, что не похоже на хорошую сделку. — Он добрался до бочки. Край, обитый металлом, доходил ему до живота. Вместо того чтобы влезть внутрь, он со стоном прислонился к ней и резко опрокинулся.

Соледад почувствовала, как ситуация ускользает из ее рук. Она не могла сдаться. Она положила руки на край бочки и заглянула внутрь. Но широкая задняя часть Сантьяго заслоняла ей весь вид.

— Подлец! — выбранилась она.

— Оставь меня в покое, — проворчал он. Его голос звучал глухо и низко. Значит, там не было больше рома. Старый жадюга вылакал все.

Соледад беспомощно подняла взгляд и осмотрела берег. Весь остров состоял из растянутой в длину песчаной отмели, на которой влачили жалкое существование несколько пальм и

кустов. Может быть, все объяснялось какой-то ненастоящей атмосферой этого места, но она не удивилась тому, что Уокер и торговец призраками не сопровождали ее в промежуточный мир. Все-таки все это было ее идеей и только ее миссией.

— Ну, убралась ты наконец? — донеслось из бочки.

— И не думала.

— Ты просто чума, малышка Соледад. Слышишь, ты, чума!

— Черт тебя возьми, Сантьяго, ты выдул до дна целую бочку.

— Принеси мне еще одну, и, может быть, я тебе помогу. — Теперь его голос звучал упрямо — ни дать ни взять маленький мальчик, требующий второй торт в день рождения.

В ярости она подошла к бочке.

— Ни за что!

— А-у-у-а! — завопил он. — Это было громко!

— Ах вот как? — Она ударила по бочке. А потом еще раз.

— А-у-а-у-а-у, — захныкал дух.

— А ну, сейчас же выходи оттуда!

— А-у-а-у-а-у.

Последовал очередной удар ногой. И еще один — на сей раз особенно сильный.

Причитания капитана изнутри бочки звучали призрачно. Соледад постепенно поняла, что существовало куда больше причин сочувствовать духам, нежели бояться их.

— Ну, хорошо-о-о-о, — взвыл он, — я сейчас выйду.

Каким-то образом ему удалось, непрерывно двигая руками и ногами и то и дело ругаясь, выползти наружу. Он выглядел не лучшим образом. Рубашка сползла, то же произошло и с брюками. Соледад тактично отвела взгляд, пока Сантьяго не встал, задыхаясь, рядом с ней и не поправил одежду.

— Это унижительно, — сердито сказал он. — Да еще рядом с дамой.

— Мило, что ты меня так называл, — сказала она, подарив ему чарующую и вместе с тем обманчивую улыбку.

— Ах, нет, — запальчиво крикнул он и поднялся, защищаясь, обе руки. — Нет, нет, нет... Так не пойдет. Это больше не для меня. Я хочу сказать, посмотри на меня.

Соледад прекратила пользоваться приемами соблазнения и решительно подбоченилась.

— Мне не нужно ничего, кроме информации, Сантьяго.

Он поскреб подбородок. На песок упали щетинки и крошечные клочки кожи.

— Ну да, — проворчал он, — при условии, что ты потом исчезнешь.

— Слово! — радостно крикнула она.

Он начал чистить себе ногти. Один из них обломился.

— Итак?

— Тайная встреча антильских капитанов. Где они соберутся?

— И это все? — Сантьяго с сомнением поднял бровь. У него на лбу еще оставались тестообразные морщины, хотя лицо снова расслабилось.

— Это действительно все, — подтвердила она.

— А потом ты наконец уберешься?

— Конечно же.

— И пообещаешь больше не приближаться к моей бочке?

— Согласна, — сказала она, поднимая руку в знак клятвы.

— Ну, хорошо, хорошо. — Предводитель пиратов откашлялся и влил в себя еще одну порцию рома. — Сент-Селестин — произнес он. — Вот где они встретятся.

Напряжение, владевшее Соледад, внезапно спало.

— Сент-Селестин! Это недалеко отсюда!

— Тебе ведь ясно, что там появится Тироне? Король каннибалов?

— А ты его знаешь?

Он кивнул.

— Отнесись к нему со вниманием.

— Да, так и сделаю.

Он вздохнул со взхлипом.

— Да всем им надо просто оставить меня в покое.

— Не волнуйся. Никто из них не осмелится прийти на твой остров. Знаешь ли, ходят слухи... О каком-то проклятии.

Он наострил уши.

— О проклятии?

— Да, об особенно отвратительном, жестоким.

— Скажем, о моем?

— Да уж конечно.

Он булькнул снова и впервые обрел вид счастливого человека.

— И что же это они рассказывают обо мне? Что я, мол, проклял всю эту банду пьяниц?

— Ну говорю же я тебе!

— Клянусь рыжей бородой Генри, будь я проклят!

— Ты прославлен, Сантьяго. И тебя боятся.

— Гром и молния!

— Прекрасно, что это тебя радует.

Он мгновение самодовольно улыбался в усы, а потом повернулся к своей бочке.

— Счастливо тебе, маленькая Соледад.

— И тебе, Сантьяго.

Он снова шлепнулся в бочку и на прощание помахал ей левой рукой.

Она закрыла глаза, подумала об Уокере и в то же мгновение почувствовала его руку в своей.

«Я знаю это», — с гордостью подумала она и еще раз повторила вслух:

— Я знаю это.

— Да, — сказал торговец призраками, когда она снова открыла глаза. — Ты отвратительно пахнешь ромом.

Одна в море

Джолли вытерла пот с глаз. Она устала как собака. Ее не держало бы дольше на ногах даже возбуждение, вызванное бегством из Элениума. Она едва ощущала свои руки на штурвале, а ее колени дрожали, как щупальца спрута.

Она уже день и две ночи стояла за штурвалом «Карфакса». Иногда, страхуясь тросом, она спала около часа, время от времени что-то ела и пила. Но это ничего не меняло в том, что она смертельно устала и ее желудок урчал так громко, что заглушал даже шум дробилок на носу.

Когда море было спокойно, она оставляла штурвал без наблюдения. Но не при таком, как сейчас, волнении. Резкий ветер мчался с востока через Атлантику, волны образовывали долины и холмы высотой в человеческий рост. Пена ударяла в корпус и разбрызгивалась над палубой. Настоящего шторма, однако, не было, не было ничего такого, что взволновало бы опытного штурмана. Джолли разбиралась в навигации и картографии, она знала, как управляют кораблем и какие опасности приносят с собой ветры силой вроде этого. Чего у нее, однако, не было — так это физической силы. Штурвал находился на высоте ее роста, и ей

приходилось широко расставлять руки, чтобы ухватиться за него. Каждый раз, когда «Карфакс» падал вниз или перед его носом рассыпался особенно яростный бурун, ей казалось, что она вывихнет руки. Для взрослого человека такая нагрузка могла бы оказаться и не особенно тяжелой, да ведь Джолли была слишком маленькой и, как ей пришлось признать со скрежетом зубов, не особенно сильной, чтобы выполнить эту задачу.

Она попыталась передать строптивый штурвал одному из духов. Но туманные существа не годились для этого дела. Хотя на борту «Карфакса» и погибло бесчисленное количество матросов, штурмана среди них не оказалось. Духам не хватало чуткости, необходимой для вождения шлюпа. Штурману надлежало оценивать и задерживать каждую вибрацию корпуса, каждый удар о нос. С духами же дело обстояло так, будто от деревянной куклы требовали объезжать строптивного жеребца. При этом куклу хотелось накрепко привязать к седлу, чтобы лошадь нигде не сбросила ее или не разбила, ударив о столб.

Если погода не изменилась бы уже вскоре, то положение Джолли стало бы безнадежным. Волну она еще выдержала бы — часа три или даже четыре. А вот потом ей пришлось бы признать окончательное поражение. Деревянный колосс был сильнее ее, и она безмерно переоценила себя, предположив, что будет в состоянии в одиночку, только с помощью духов, довести его до устья Ориноко.

Солнце уже взошло, но это не облегчило положение Джолли.

В ночные часы девочка вновь и вновь задавала себе одни и те же мучительные вопросы. Ну почему, черт возьми, она отправилась в это путешествие? Почему не взяла с собой Гриффина? Она не видела его с того самого вечера два дня назад. И тем болезненнее стала осознавать, как много он для нее значил. А она-то оставила его в Элениуме. Не простившись, ничего не объяснив. И правда ли она верила в необходимость искать Бэннона? Или просто была слишком гордой?

Гриффина ей не хватало больше, чем казалось возможным. Не хватало его колкостей, в которых большей частью было что-то правдивое, его смеха и заботы о ней. Она думала о татуировке на своей коже и о том, что он сказал, пока Мунк стоял в дверях. Джолли закрывала глаза и чувствовала, как кончики пальцев юноши скользили по ее спине, будто его прикосновение осталось внутри узора и мягко двигалось вдоль краев коралла.

Джолли с трудом овладела собой и сосредоточилась на «Карфаксе» и море, простиравшемся перед глазами. Серые облака застилали небо, только в отдельных местах через туман пробивались лучи солнца и стояли над водой наподобие светящихся колонн. Атлантический океан был взбудоражен до горизонта и состоял из оттенков таинственной красоты: серых, серебристых и зеленовато-голубых.

Казалось, Джолли и штурвал срослись воедино, будто они взаимно удерживали друг друга.

Все чаще девочка чувствовала, как мутился ее взгляд, а мысли расплывались так, как — и она это знала! — бывает только перед самым наступлением сна: мгновения, когда действительность и фантазия смешивались и становились в равной мере убедительными. Она думала, что видит, как чернеет море вокруг, покрываясь пенными коронами из крошечных живых существ. Но ее чувства были недостаточно обострены, чтобы понять, что она однажды уже видела эту картину — на мосту, в бездне между мирами.

Солнцу следовало бы подняться выше, но по необъяснимым причинам становилось все темнее. Ярко блестевшие световые колонны, прежде обрывавшиеся под облачным небом, сделались тоньше и в конце концов исчезли совсем. Темнота стремительно опустилась на «Карфакс», и среди бела дня снова наступила ночь.

Ветер не усилился, но корпус теперь скрипел, будто в этой черной как смоль воде с запахом рыбьего жира оказалось нечто, сдавливавшее его со всех сторон. Голова Джолли наклонилась вперед, но пальцы ее так крепко сжимали штурвал, что она сохраняла вертикальное положение. Темные волосы упали ей на лоб и пощекотали кончик носа. Она вздрогнула от неожиданности, внезапно снова стала бодрой и деятельной, но тьма сохранилась, и волны больше были не водой, а чем-то таким, что обладало собственной жизнью. Пена, брызгавшая по обоим бортам через поручни, не растворялась на досках палубы, а превращалась в вереницы переливчатых раков — величиной

они были с водяных блох, зато числом во многие тысячи. Они строились все время по-новому — образовывали звездочки, пятна, похожие на медуз, и пульсирующие узоры наподобие сетей.

«Ко мне пришло Море Тьмы, — подумала Джолли с потрясающей разумностью, а потом безмолвно повторяла предложение, пока оно не зазвучало как нечто само собой разумеющееся: — Ко мне пришло Море Тьмы».

То же самое случалось и раньше. И всякий раз Море Тьмы поглощало корабли, встречавшиеся ему. Но Джолли не ведала страха. От нее чего-то хотят. Других, незнакомых с видом Моря, эта чужеродная нереальность, трудно поддававшаяся пониманию, могла повергнуть в панику, а их корабль привести к гибели. Джолли, однако, не впервые видела ночное море, и, хотя страх пронизывал ее до костей, он все же не вывел ее целиком из равновесия.

И снова началось то же, что было на мосту Агостино. Казалось, что поверхность воды продолжалась до бесконечности, не теряя при этом четкости. Границу образовывал не горизонт — ее формировало только зрение Джолли. Поначалу ей пришлось отвести взор, чтобы не полностью потеряться в этой бесконечности.

— Чего ты хочешь от меня? — крикнула она в грохочущее Море.

Ответа не последовало. Да и чего она ожидала? Голоса, который говорил бы с ней? Морского чудовища, которое подняло бы свою отвратительную голову и обратилось к ней?

Только чернота. Одна бесконечная бездна.

— Скажи, чего ты хочешь от меня, или оставь меня в покое! — воскликнула Джолли и при этом так крепко обхватила штурвал, будто он был ее последней опорой в реальности.

Вдалеке по левому борту что-то происходило. Она не могла сказать, как далеко было это место, ведь все оценки оказывались несостоятельными в сверхчеткости окружающего мира. Можно было насчитать как десять миль, так и все сто.

Маслянистые волны Моря Тьмы пришли в лихорадочное движение, будто на их гребнях миллионы черных пенных раков обрели определенную форму. Толкотня и суeta превратились в нечто, приблизительно похожее на человеческие черты, набрали многие мили в высоту и стали сколь широки, столь и далеко распростерлись над водой.

Это было ее собственное лицо.

Джолли не была уверена в том, каким способом она узнала его, так как глядела в странный угол над подбородком и губами, на очень высокий кончик носа, на скулы, брови и лоб. Это могли быть черты лица любого человека, но Джолли не сомневалась: Море Тьмы вышло ей навстречу в виде точной копии ее самой. Холмы губ шевелились, будто желая что-то сказать, но слышны были только шум Моря и шорох парусов. Отдельные молнии сверкали в темноте, а по такелажу пробегали сине-белые языки огня.

— Ну, так чего же ты хочешь? — снова крикнула Джолли.

Огромный рот распахивался и закрывался все быстрее и быстрее, прежде чем взорвался

в извержении черной воды. Волна высотой с дом покатилась к «Карфаксу», но улеглась, прежде чем достигла корабля. Расстояние должно было оказаться куда больше, чем предполагала Джолли. Там, где только что находилось лицо, теперь сформировался водоворот, сначала медленный, почти инертный, но его скорость все нарастала, пока он не создал вращающуюся бездну, быстро распространявшуюся по всем направлениям.

Очень скоро гигантская воронка набрала диаметр во многие мили. Казалось, что теперь она впитывала даже молнии с неба, ибо все более разветвлявшиеся световые «руки» падали, сверкая, в свирепую пасть.

«Карфакс», однако, оставался неприкосновенным — качающийся, скрипящий, даже стонущий, но не втянутый в дьявольское течение. Это было последнее доказательство. Теперь Джолли прониклась уверенностью в том, что единственная опасность здесь угрожала ее рассудку, а не ее телу и что она в состоянии покончить со всем своими силами. Надо было только захотеть — и поверить в это.

— Ну, хватит, — прошептала она, а потом решительно крикнула во тьму: — Хватит!

Видение исчезло, сжавшись на миг в черное ядро внутри пасти и затем разорвавшись на тысячу клочков, которые расплылись, как клочья тумана при свете солнца. Со всех четырех сторон света к Джолли потек свет и толкнул ее чем-то вроде огневого вала. Она закричала — от страха, но и с облегчением, а потом медленно скользнула вниз.

Последнее, что она заметила, была собачья морда, наклонившаяся над ней. Лицо питбуля. Потом раздался голос.

— Ах ты, милая моя, — заголосил древоточец, но, даже если он и нашел отвратительную рифму, то Джолли ее не услышала.

— Если бы Уокер был здесь, он свернул бы тебе шею, — сказал Буэнавентура и оглянулся, ища глазами Джолли.

Она сидела на корточках у поручней на мостике, всего в трех шагах от штурвала. Человек-питбуль без труда удерживал курс своими волосатыми лапами. Древесный червь своим головным щитком выглядывал из рюкзака Буэнавентуры. Дреготочец был на удивление молчалив. С того момента, как оба открыли глаза, он сказал едва пару предложений, и они не были ни рифмованными, ни слишком уж язвительными.

— Вы все время были на борту? — растерянно спросила Джолли.

— Нет, — поддразнил ее Буэнавентура и скривил губы в гримасу. — Я ведь хорошо плаваю на спине, разве ты не знала?

— И подумать не могла. — Она покачала головой. — Вы все время были под палубой, а я здесь, наверху. — И снова Джолли покачала головой.

— Ну, и у нас внизу тоже не обошлось без проблем. Дреготочец скушал, видишь ли, один из испанских тронов. Да еще и трехглазую мадонну. Уокер уж никак не будет в восторге, но

я же не мог позволить маленькому существу изголодаться.

— А со мной-то что было?

— Надеюсь, ты разобралась, что к чему.

— Да я бы почти умерла.

— Сомнительно что-то. Мы не спускали с тебя глаз. В принципе ты не так уж плохо делала свое дело. Во всяком случае, до вчерашнего дня.

Джолли ничего не рассказывала об испытании, которому ее подвергло Море Тьмы, — не столько из страха вызвать снова однажды случившееся, сколько из-за невозможности описать виденное.

— До вчерашнего дня? Так сколько же я спала?

— День и целую ночь.

Она недоверчиво посмотрела на солнце.

— А ты не нашла еду рядом со своей койкой?

— Да если бы не нашла, я бы, по всей вероятности, уже съела бы червя. — Она подарила ведьмину существу косую улыбку, на которую оно, однако, ответило всего лишь холодным фырканьем. Еще день-другой назад такое замечание побудило бы его к долгой ругательной тираде. Теперь же он молчал. — Что с тобой? — спросила она его.

— Гм-пф, — произнес червь.

Она подняла бровь.

— «Гм-пф»?

— Он восхвалял молчаливость, — сказал Буэнавентура. — Поклялся, когда я освободил его

из... ну, скажем, неприятной ситуации. Что скажешь, червь? — Он тихо засмеялся.

— Гм-пф.

— А что за неприятное положение? — спросила Джолли.

Буэнавентура только громче засмеялся и покачал головой.

— Вот вам благодарность за мое поэтическое искусство, — ворчливо проговорил червь, отказываясь от каких бы то ни было дальнейших объяснений.

— Но ты же знаешь, — сказал Буэнавентура, — что добрые граждане Элениума во имя нашего друга...

Джолли кивнула. «Ланцелот улаждающего пения», — ухмыльнувшись, вспомнила она.

— Чудо-червь, — буркнул древоточец. — Подумаешь!

— Ну, — спросила Джолли, — что же произошло?

— Они подарили ему дом в квартале поэтов. А потом они...

— Сдался мне этот дом, — прервал Буэнавентуру древоточец. — Был бы он по крайней мере из дерева... Так нет же — кораллы. Ну просто все из кораллов!

— Они принесли ему дерева. В пищу.

— Опилки, — поправил его червь. — Жалкие мокрые опилки!

— А за это он должен был бы каждый день на восходе и заходе солнца предоставлять им дегустационную пробу... гм, своего лирического таланта.

— И что? — поинтересовалась Джолли. — На Тортуге ты ежедневно читал по стихотворению. Одним больше, одним меньше... Это ведь не будет проблемой для мастера поэзии. Разве не так?

Древоточец заполз поглубже в рюкзак.

— Ну ты посмейся только!

— Проблема, — сказал Буэнавентура, — заключалась не в недостаточной изобретательности нашего высокочтимого барда, а в его волчьем аппетите.

— Опилки! — еще раз презрительно воскликнул червь. — Мокрые опилки!

— Он использовал время между поэтическими выступлениями на то, чтобы сожрать полдюжины баррикад, которые жители Элениума воздвигли в переулках для защиты от врага. Заметь, работа длилась две недели. Можешь представить себе, что он не хочет больше и показываться в Элениуме!

— Так это значит, что мы не поплывем назад? — с надеждой спросила Джолли.

— Да, — ответил Буэнавентура. — Я могу понять, почему ты больше не выдержала в городе, хотя меня не посылали вниз, к Шорфеншунду.

— И вовсе я не сбежала из-за страха, — сказала она. — Думается мне, я боюсь, конечно же... Но я ведь поклялась найти Бэннона.

Буэнавентура кивнул, не оборачиваясь:

— Ну, это твое решение.

— Ты мне pomoжешь?

— А что мне остается? К тому же я обещал Уокеру присматривать за тобой. — Он улыб-

нул своей странной собачьей улыбкой. — Ну, да я бы и так все сделал. Я имею в виду, и без обещания.

Джолли вскочила, хотя при этом у нее началось такое головокружение, что она едва не упала, и сзади обняла человека-собаку. Ей показалось, будто она обхватила руками ствол дерева в джунглях — таким огромным он был.

— Спасибо, — прошептала она.

Во второй половине дня Джолли чувствовала себя уже так хорошо, что смогла заползти на марс. Она послала призрака, стоявшего там на вахте, на палубу. Как расплывчатый клочок тумана, он, зашипев, слетел вниз и только на палубе снова принял смутный человеческий облик.

Джолли подставила лицо ветру. Ее черные волосы развевались под сильным бризом, как пиратский флаг, которому она была обязана своим именем. Волны выглядели отсюда маленькими и безобидными, и, хотя корабль качало еще весьма сильно, море все же стало спокойнее. Подобно исцарапанному зеркалу, вода бесконечно простиралась во всех направлениях, сверкая под солнцем. Нигде не было видно земли. «Карфаксу» предстояло наверняка еще три или четыре дня пути, пока появились бы берега дельты Ориноко, покрытые первобытным лесом.

Джолли держалась одной рукой за острие мачты. Над ней на ветру развевался английский флаг. Это был обычный отвлекающий ма-

невр. Флаг с черепом и костями, символ каперства, поднимался только при нападении или встрече пиратов.

Она не напрягала колени, чтобы выровнять колебание корабля. Они и так все еще были неустойчивы. Встреча с Морем Тьмы забрала у нее больше сил, чем она хотела признаться себе. Девочку сердило, что она оказалась столь неустойчивой и восприимчивой к искушениям, которые распространяли враги. С другой стороны, даже это не могло испортить ей настроение. Она на пути к Бэннону. Она никогда не размышляла о том, действительно ли он был для нее кем-то вроде отца — она просто не знала, как себя чувствуешь, когда есть отец. Он был Бэнноном, капитаном ее команды и одним из самых прожженных морских разбойников Карибского моря. Он научил ее всему, что она знала, — о море, о людях и искусстве каперского плавания. И любила его Джолли так, как другие дети любили своих родителей — уж в этом-то сомневаться не приходилось.

И ей его не доставало.

Джолли осторожно извлекла из сумки коробочку с мертвым пауком, бросила внутрь последний взгляд и захлопнула крышку. Отвратительный труп сопровождал ее на долгом пути — начиная от гибели «Тощей Мэдди» через огненный ад в гавани Нью-Провиденса, через Тортугу в Элениум и даже теперь, когда она покинула этот город.

Теперь она достигла цели — волосатое тело привело ее к Ориноко. И Джолли дотяну-

лась до «вороньего гнезда», чтобы отсюда швырнуть коробочку в море. Это были бы своего рода похороны и в то же время отметка нового этапа ее жизни. Всего лишь несколько дней назад ее судьба развивалась по плану, составленному торговцем призраками. Теперь же она сама была в руки. Пришло время избавиться от этого остатка прошлого.

Подняв руку для броска, Джолли ощутила, как кто-то уселся ей на плечо. В кожу вцепились когти. Резкое порхание вмиг оказалось у самого ее уха. Она испуганно повернулась и выронила коробочку, которая упала у ее ног. Джолли замахнулась. Она успела сдержать удар, когда вдруг поняла, кто это.

— Мо! — закричала ошеломленная девочка.

Черный попугай торговца призраками, точно на ходулях, пробежал вдоль ее руки. Его кроваво-красные глаза искали ее взгляд, будто он пытался передать Джолли некое сообщение.

— Хью тоже здесь? — Она бросила вокруг ищущий взгляд и обнаружила вторую птицу на фок-мачте. И этот попугай тоже неподвижно смотрел на нее.

Она вспомнила, что видела обоих в Элениуме на пирсе. Во время ее спора с Мунком обе птицы пролетели над кораблем и уселись на одну из рей. После, однако, она полностью забыла об обоих попугаях. Что же, они были на борту на протяжении всего рейса? Если так, то Джолли должна была бы их заметить. С другой стороны, она была настолько занята управлением кораблем, что вполне могла и не увидеть их.

Взмахнув крыльями, Мо переместился по ее плечу. Ее смутило, что теперь она не могла видеть птицу. Она даже ожидала, что он что-нибудь прошепчет ей на ухо. Но попугай молчал. Затем он вспорхнул, пролетел несколько метров в сторону и принялся описывать круги.

Джолли следила за его полетом, наморщив лоб, прежде чем поняла, что же такое хотел он ей сообщить. Она посмотрела на поверхность воды.

На волнах что-то виднелось, какой-то неясный темный контур. По спине Джолли прошла ледяная дрожь. Все знали, что вокруг кораллового города было полно клабаутеров и других порождений Гибельного водоворота. Показываться-то они не хотели, да вот были тут как тут — разведчики и наблюдатели, авангард войска, которое Гибельный водоворот давно бы уже послал в поход против Элениума. Ничего удивительного, что одно из этих созданий следовало за «Карфаксом». Почему оно до сих пор не напало? Впрочем, это могла быть и целая стая водяных. Но вот что удивляло Джолли: кто бы ни был там, за бортом, он не приближался, а шел курсом, параллельным курсу «Карфакса», будто собираясь наблюдать, а не нападать. Или это существо ждало подходящего момента? Вряд ли, уж их-то было более чем достаточно.

Мо сделал последний круг, а затем вернулся на корабль и сел рядом с Хью на фок-мачту. Своими желтыми и красными глазами загадочные птицы поглядывали на Джолли.

Она подняла коробочку с пола, снова спрятала ее в своей одежде и быстро двинулась по

вантам вниз на палубу. Несколькими мгновениями позже она стояла рядом с Буэнавентурой и рассказывала ему об открытии, которое совершили попугаи.

Человек-собака попросил ее встать за штурвал, поспешил к поручням и уставился в направлении, указанном Джолли. Но отсюда, снизу, нельзя было распознать контур. Блики света на волнах и плоские углы зрения делали его невидимым.

— Там что-то есть, — твердила Джолли.

Буэнавентура кивнул. Правда, по его собачьему лицу нельзя было прочесть, насколько он озабочен, но морщины на его лбу не предвещали ничего хорошего.

— Мы могли бы это обстрелять, — высказался древесный червь. — Пара попаданий... Бабах — и мы избавились бы от проблемы. Проще простого!

— Проще простого? — повторил Буэнавентура. — Может быть, в глазах полуслепого червя.

— Что, скажите на милость, это должно означать?

Джолли опередила человека-собаку:

— Да только то, что мы не можем позволить себе обстрелять нечто, что до сих пор вовсе не враждебно относилось к нам.

Буэнавентура кивнул, соглашаясь.

— Даже если бы это была толпа клабаутеров, во что я, честно говоря, не верю, нам и тогда следовало бы остерегаться нападать на них. Пока они к нам не приблизятся, нам до них и дела нет.

— До толпы клабаутеров тебе и дела нет? — Голос червя стал пронзительным. — Клянусь резцом моей матери и шестьюстами ножками ее жалкой шайки, ты шутишь!

Человек-собака еще раз взглянул на море, а потом, не сказав и слова, взял штурвал.

Джолли быстро взобралась на марс, радуясь, что вопли червя остались внизу. Буэнавентура прав: сейчас бессмысленно ввязываться в бой.

Странные очертания все еще располагались рядом с «Карфаксом», на расстоянии не более ста шагов. Девочка сощурилась, надеясь, что сможет рассмотреть непонятный предмет, но и это не помогло.

Хью и Мо уселись на реях стеньги справа и слева от марса. Почти незаметно они проследили за ее взглядом. Только теперь ей стало ясно, что Буэнавентура не единственный, кого послали ей на помощь.

Здесь были и попугаи, чтобы заботиться о ней. Или ее контролировать.

Человек во чреве кита

Гриффин высокой дугой выплевывал морскую воду, вкусом напоминавшую рыбий жир с привкусом гнилой рыбы, щедро сдобренной щепоткой соли. Он давился и плевался, пока не заболели горло и желудок, и даже тогда он все еще желал, чтобы можно было сменить язык на новый — таким противным был вкус, обосновавшийся на нем.

Он сидел на корточках, подавшись вперед, посреди хаоса из расколотых и треснувших досок, черных сетей из фукуса и множества других неопишуемых вещей, которые могли быть как обломками кораблей, так и останками живых существ. Совсем близко в ложбине было светло. Свет проникал то ли сквозь скелет крупной рыбы, то ли сквозь доски разбитого корабельного корпуса. Гриффин не чувствовал слишком уж большой необходимости разобраться, какая из двух этих возможностей соответствовала действительности.

А вот что его интересовало как нельзя больше, так это ответ на вопрос о том, почему он еще жив. И откуда исходил свет в желудке морского чудовища.

К сожалению, он не прожил бы достаточно долго для того, чтобы разгадать эту загадку. Зловонная каша, булькавшая под ногами, представляла собой, вероятно, смесь из его рвотных масс и желудочного сока этого чудовища. Мысль об этом снова сдавила Гриффину горло, но он ничего больше не мог извергнуть из себя.

Он встал на ноги и попытался очистить форму от слизи и грязи, но бросил это занятие, заметив, что его руки всего лишь беспомощно хлопали по одежде.

Только теперь его охватило отчаяние — поздно, но тем сильнее, и заставило его встать на колени. Он закрыл лицо руками и надолго смежил глаза, надеясь хоть таким способом совладать с кошмаром.

Потрясение заставило задрожать все вокруг, вызвав волнообразное колебание, которое началось с одной стороны пространства, похожего на пещеру, подкатило к Гриффину, почти сбив его с ног, и продолжилось в другом направлении, бросая при этом вверх кости и обломки дерева, пока, наконец, не убыло снова. Когда все успокоилось, Гриффин напряженно вслушался в тишину. Был слышен однообразный шум, похожий на раскатистый гул водопада, скрытого стенами многометровой толщины. И еще нечто другое, ритмичное биение, глухое и отдаленное, — удары огромного сердца.

Гриффин оперся на одну из высоких дуг и глубоко перевел дыхание. Зловоние было таким ужасным, будто в рыболовной гавани разложили для просушки внутренности рыб, вы-

ловленных за неделю. Воздух был влажным, теплым и таким удушливым, что, казалось, гор-тань Гриффина покрылась пленкой нефти. Он откашливался, отплевывался, но ничего не помогало.

В отдалении продолжало биться огромное сердце.

Рука Гриффина коснулась круглой доски — слишком круглой, чтобы быть частью корабля. Это в действительности была кость, ребро какого-то большого зверя, которого, кто его знает когда, здесь, внизу, выбросило на берег.

Он медленно двинулся вперед. В смутном сумеречном свете, наполнявшем пещеру, он видел черные силуэты разломанных рыб и горы скелетов. Время от времени Гриффин натывался на скелеты людей. Ничего в них не помогало понять, как эти бедняги лишились жизни. Утонули? Или их убили здесь, внизу?

Он взял металлический прут, высовывавшийся из клубка полусгнившего дерева, взвесил его в руке и решил, что в крайнем случае у него будет подходящее оружие. Его сабля исчезла, может быть, он потерял ее при падении. Он не нашел и следа своего морского коня Матадора и настойчиво надеялся, что тот избежал огромной глотки. Конь и без всадника нашел бы путь назад, в Элениум.

Сколько времени он был без сознания? Несколько часов? Дней? Так как в желудке у Гриффина бурчало, его пребывание здесь могло, пожалуй, насчитывать уже неделю. Кроме того, его кожа, соприкасавшаяся с водой и же-

лудочным соком, совсем размокла и покрылась морщинами. «Довольно противно», — подумал Гриффин, надеясь, что скоро это пройдет.

И вряд ли хоть какую-то роль играло то обстоятельство, что уже вскоре ему предстояло быть переваренным. При этом он никак не мог представить себе, что за гигантское существо его проглотило.

Образ Гибельного водоворота возник перед его глазами, движение в маслянистой воде, шум огромных тел под поверхностью. Было ли здесь одно из тех созданий? О господи, находился ли он сам-то еще в своем собственном мире?

Отчаяние снова охватило Гриффина, но на сей раз он вооружился против него. Он стиснул зубы и так крепко вдавил пальцы левой руки в основание большого пальца, что ему стало больно. Это ненадолго отвлекло его, и, когда боль поубавилась, исчезли паника и покорность судьбе. Такому трюку он научился у старого морского волка на Гаити.

Вес железного стержня в руке придал Гриффину некоторую уверенность. Если здесь появится что-то, опасное для него, он сумеет защититься.

Но вот что было делать с пищеварительными соками? Если сначала прольется кислотный дождь, а потом волна ядов промоет его до самых внутренностей?

— Добрый день, — сказал вдруг кто-то рядом с ним.

Гриффин отскочил назад, на широко расставленных ногах остановился между мусором

и рыбьими трупами и сделал железным стержнем, как саблей, полукруговое движение перед собой.

— У-у-у, — произнес голос, и раздался грохот, будто его обладатель, споткнувшись, плюхнулся на пол.

Затем погас свет, и тьма со всех сторон обрушилась на Гриффина.

— Это было... не очень-то мило, — сказал голос, и послышался стон.

Гриффин услышал, как незнакомец плескался в воде.

— Да кто вы?

— Эбenezер Аркрайт. К вашим услугам.

— К моим... услугам?

— Так, молодой человек, говорят люди моей профессии. И кстати, немного вежливости тебе бы тоже никак не повредило.

Судя по звукам, человек выпрямился и выколачивал пальто.

— А какова ваша... профессия? — спросил Гриффин.

Мужчина откашлялся.

— Гостеприимство, — заявил он официальным тоном и нетвердо шагнул вперед.

— Не приближайтесь ко мне!

— Что, разве я выгляжу так угрожающе?

— Да тут темно, и я вообще ничего не вижу.

— Ах да, темнота... Как это невежливо с моей стороны. Побудешь здесь подольше, и глаза привыкнут. — Раздался шорох, будто он что-то вынимал из-под пальто. — Погоди... вот... сейчас. — Послышалось шипение, потом вспыхнуло пламя. — Ну вот. Теперь лучше?

Огонек перебежал со спички на фитиль свечи. Желтоватый мерцающий свет прогнал большую часть теней с лица мужчины, углубив зато некоторые другие. У него были полные и округлые черты лица и очень толстые щеки. Глаза его оказались очень светлыми, то ли синими, то ли по-кошачьи зелеными, и странно противоречили неуклюжести своего владельца. Губы были тонкими и едва ли отличались от складок двойного подбородка. Чем бы здесь, внизу, ни занимался Эбenezер Аркрайт, от голода он явно не страдал.

А вот желудок Гриффина заурчал снова, но юноша попытался не обращать на это внимания.

— Обед был бы тебе очень кстати, молодой человек, — промолвил мужчина, от ушей которого эти звуки не ускользнули. — Могу предложить пару новых блюд на выбор.

Гриффин отшатнулся. Он уже представил себя в чугунке какого-то сумасшедшего — пока до него дошло со всей ясностью, что Эбenezер говорил серьезно. Он действительно приглашал его поест.

— Все эти рыбные рецепты... как-то мне не по себе от них. — Эбenezер, извиняясь, улыбнулся. — Но думаю, ты не против морской живности? Или как? Рекомендую нежный акулий плавник в пикантном маринаде. Или, скажем, каракатицу, приготовленную на гриле, а не обжаренную в жиру, с выдающимся...

— Погодите, пожалуйста. — Движением руки Гриффин заставил собеседника замолчать. — Мне жаль, что я вас ударил, но...

— Да ты меня даже не задел. Я споткнулся — вот и все. Здесь так редко встречаешь живую душу, понимаешь? Это одна из причин, по которой я нечасто прихожу сюда. Не говоря уж об этом малоприятном запахе. — Он довольно засмеялся. — Ты меня порядком напугал.

Гриффин покачал головой. С его бесчисленных косичек во все стороны летели капли воды.

— Я... я не понимаю. Где мы?

— В ките, ясное дело.

— Ясное дело.

— Скажи, ты этого не знал?

— Я проглочен... ну, чем-то. Но чтобы китом? — Это слово, произнесенное громко, звучало еще более невероятно. — Я думал, я... Ах, да не знаю я. Может быть, я все это просто напридумывал.

— Ну нет. И, если позволишь, мой маринад по бретонскому монастырскому рецепту тебя, уж конечно, убедит.

— Так мы и вправду внутри кита?

— Разумеется.

— Но ни у одного обычного кита нет...

— Я не сказал, что это обычный кит. Напротив.

— Ну так и что? Кто-то из Гибельного водоворота, что ли?

Одна из бровей Эбенезера дернулась вверх.

— Уж это точно нет. Но я мог бы подумать, что ты об этом знаешь. Похоже, ты необычный юноша, иначе бы ты сюда не попал.

— Вы знаете про Гибельный водоворот?

— Не по собственному опыту. Но я слышал истории. Я очень много знаю об островах и материке. Я работал даже над книгой об этом.

— О Гибельном водовороте?

Эбенецер отрицательно покачал головой.

— О Карибском побережье. Молодым монахом я был здесь с небольшой религиозной миссией. Я первым собрал данные о животном и растительном мире. Я почти завершил работу, когда транспорт снабжения, с которым я посетил один из островов, попал в шторм и погиб. — Он глубоко вздохнул. — Богу только и ведомо, что случилось с моими рукописями. Но это уже давно, лет тридцать назад, а то и больше.

Гриффин недоверчиво раскрыл глаза.

— Вы здесь так давно?

Эбенецер кивнул.

— Тогда он меня проглотил. Я выжил и... ну и кое-что открыл.

— Случайно не путь, по которому можно выбраться отсюда?

— Ах, это! Конечно, я знаю путь, но не его имел в виду.

— Так вы знаете, как из этой штуки... я хочу сказать, как он выплевывает?

Толстяк улыбнулся.

— Да, пожалуй. Но все же сначала попробуй мой маринад.

Гриффин огляделся в неаппетитной обстановке. Он был голоден как волк, но сомневался, что сможет здесь хоть как-то перекусить. И уж конечно ничем таким, что пахло бы рыбой. Или тем более имело ее вкус.

— Пошли. — Эбenezер сгреб куртку, в которой Гриффин узнал теперь нечто вроде монашеской рясы, только пестрой, а потом осторожно двинулся через развалины и скелеты. — Хочу тебе кое-что показать.

Гриффин собрался было возразить, но потом передумал. Свеча освещала только окружность в несколько шагов, большей же частью стенки желудка, — если и вправду речь шла о нем, — оставались в темноте.

— Что вы делаете здесь, внизу? — спросил Гриффин. — Я имею в виду, кроме стряпни. — Но, прежде чем Эбenezер ответил, парень остановился как вкопанный. Что-то пришло ему на ум. — Погодите... это вы или?..

— Да ты о ком?

— О человеке внутри кита.

— Ну да, я человек, а это конечно же кит.

— Вы известны по всему Карибскому морю. С тех пор как я могу думать, я знаю вашу историю. Все вас боятся. Говорят, что вы заставляете кита таранить корабли, а потом он сжигает моряков, и... и... — Голос Гриффина прервался, и теперь он снова поднял над собой железяку, приготовленную к удару.

Но голос Эбenezера звучал вовсе не свирепо. Совсем напротив.

— И такое тоже рассказывают? — спросил он печально. — Обо мне?

— Да, на каждом корабле.

Человек остался стоять и в свете свечи повернулся к Гриффину.

— Это ужасно.

— А это правда?

— Конечно же нет! Я еще никогда... то есть правда никогда... — Он замолчал, недолго подумал, а потом медленно кивнул. — Был один китобой, примерно — о господи, да как давно-то — примерно лет двадцать назад. Здесь он хотел убить острой нашего друга, и... ну да, я не мог допустить этого. Но он бы и без того протаранил корабль, пусть и без меня. Надобно тебе знать, что киты очень умны, а этот умнее всех остальных. Даже если изнутри он, может быть, и не так выглядит.

— Китобой погиб?

— Да, никого не осталось.

— И это был единственный раз?

— Конечно.

— Тогда должны быть и те, кто выжил, — сказал Гриффин. — Один из них видел вас.

Эбенезер снова кивнул.

— Я стоял снаружи, в пасти, так как думал, что смогу убедить людей оставить нас в покое.

— Кто-то выжил и рассказал о случившемся остальным. Так и родилась история. И каждый придумывал что-то свое. Так вы и превратились в кровожадного человека во чреве кита.

— Кровожадного! О праведное небо! — Эбенезер в отчаянии приложил руки к вискам. — Я же не хочу ничего другого, кроме... Впрочем, подожди, ты сейчас все увидишь.

Гриффин не был полностью убежден в том, что ему стоило доверять странному незнакомцу. С другой стороны, Эбенезер знал путь наружу. Да к тому же надо было и что-то поесть.

Монах взобрался на холм из разного рода мусора и отбросов. Из досок он соорудил временные ступени, чтобы ноги не утонули в грунте.

На вершине холма была дверь.

Она была сделана из мощных дубовых брусьев и окована металлом, мерцавшим при свете свечи. Вообще-то металлическое покрытие должно было заржаветь во влажном, просоленном воздухе, но Эбенезер, похоже, регулярно полировал его, так силен был блеск покрытия. Дверь стояла в раме и с помощью наклонных опорных балок крепилась к вершине холма. Гриффин предполагал, что другие крепления вели глубоко в кучу мусора — чтобы дверь оставалась стоять и в том случае, если кит, погружаясь или поднимаясь, косо лежал на воде.

Они приблизились сбоку, и потому Гриффин увидел, что дверь эта не вела никуда. Правда, пройдя через нее, можно было выйти с другой стороны, оставаясь все еще на холме. Постепенно юноша все больше сомневался в душевном здоровье своего удивительного хозяина.

Эбенезер повернул тяжелую дверную ручку и распахнул дверь. Их встретило мерцающее пламя свечи. Внезапно в воздухе почувствовался запах жареной рыбы.

За дверью находилась комната. Это оказалась не другая сторона отвратительного холма из развалин и костей, а самая настоящая комната — со стенами, облицованными деревом,

открытым камином и уютно мерцающим дощатым полом. А на противоположной стороне находилось нечто, что могло бы быть прилавком.

— Добро пожаловать в плавучий шанк Эбенезера, — гордо провозгласил монах.

Гриффин подмигнул, а затем обошел дверь снаружи. Она была открыта и с другой стороны, и когда он взглянул через раму, то увидел, что там стоит улыбающийся Эбенезер.

— Работает только с одной стороны, — сказал монах.

Гриффин вернулся к точке начала своего путешествия и снова посмотрел в комнату за дверь.

— Заходи, — сказал монах и с этими словами вошел сам.

Гриффин выскребал вилкой и ложкой последние остатки с тарелки. Он только что расправился со второй порцией.

— Было очень вкусно, — сказал он, облизнув губы.

— Хорошо выученное не забывается.

— Я думал, вы были монахом.

— Один всемогущий Бог не дает насытиться. И монахам тоже надо что-то есть. И кому-то приходится готовить.

Гриффин бросил на тарелку сожалеющий взгляд, но она была пуста.

— Так что же, вы были в миссии поваром?

— Поваром, занимался наукой, был еще и иллюстратором. Можно научиться много чему, если ни с того ни с сего попасть в дикие места.

— И вы никогда не хотели вернуться?

— Поначалу разве что. А потом я сказал себе, что Господь дал знак, позволив мне выжить на этом месте. В конце концов, я не первый из братьев по вере, встретивший это чудовище.

— Не первый?

— Об этом рассказывает Ветхий Завет. Жил некогда человек по имени Иона, получивший от Бога в высшей степени неприятную задачу. Иона, однако, решился уклониться от порученного и с кораблем сбежал в море. Бог преследовал его штормами и грозами. Когда морякам стало ясно, что Иона — виновник непогоды, они, недолго думая, выбросили его за борт. Но, прежде чем он утонул, его проглотила огромная рыба, которая через три дня и три ночи, конечно же, выплюнула его на берегу.

— И вы думаете, что это именно этот кит?

— Вполне возможно. О нем существует еще больше историй. Ты слышал об ирландских монахах, которые в старое время обходили море? Самым знаменитым среди них был монах Брендан, которого забросило в дальнюю даль после семилетних поисков страны святых. Его историю записали уже тогда — под названием «*Navigatio Sancti Brandani Abbatis*»¹. Во всяком случае, этот Брендан встретил в шестом веке от Рождества Христова мощную рыбу, больше острова, и дал ей имя Яскониус. Рассказывают, что Брендан и другие монахи даже служили на

---

¹ «Плавание святого аббата Брендана» (лат.). (Прим. перев.)

ее спине святую мессу. — Эбenezер почесал голову и улыбнулся несколько смущенно. — Нет сомнений, что были и другие вроде нас. А я в какой-то степени привык к своему положению. Можно сказать даже, что этот кит — сказочная страна в чистейшем виде. Ты и представить себе не сможешь, сколько всякой всячины он проглотил, и случалось это прежде всего, пока мы останавливались поблизости от торговых путей. Изю дня в день целые партии грузов переваливались через борт, тонули корабли и так далее. Огромное количество утраченного товара когда-то находит себе место здесь, подле меня. А Яскониус со временем развил в себе хощее чутье для подобных штук.

Гриффин покачал головой. Он так и не мог осознать ничего из услышанного.

— Ну а дверь? Эта комната здесь? — Он сделал жест, указывавший через комнату. — Что же, мы теперь в желудке этого кита или... или где-нибудь в другом месте?

Взгляд Эбenezера последовал за жестом руки Гриффина, обошедшим все пространство. Деревянная обшивка, огонь в камине, даже несколько картин казались скопированными из сельского дома какого-то знатного европейца. Во всяком случае, они не походили на часть китового желудка.

— Честно говоря, я не могу дать тебе вразумительный ответ, — сказал Эбenezер, пожав плечами.

— А вы пытались заглянуть за обшивку?
Эбenezер кивнул.

— Камень.

— Стена, что ли?

— Вот именно.

— Да просто свихнуться впору!

— Можно привыкнуть. — Эбenezер махнул рукой. — Вначале было несколько странно, но со временем... Ну ты же знаешь: дареному коню в зубы не смотрят. И такое положение имеет свои преимущества. Я не уверен, долго ли выдержал бы снаружи, в сырой дыре. Но вот здесь, внутри... Почему бы и нет?

Гриффин встал, подошел к стене и постучал по ограждению. Затем вернулся к двери, открыл ее и выглянул наружу. Там, как и прежде, была темная жижа из обломков и костей. Содрогнувшись от ужаса, он закрыл дверь и повернулся ко второй двери, находившейся за стойкой.

— Можно? — осведомился Гриффин.

— Конечно.

Юноша оказался в помещении, таком же большом, как и первое. Здесь Эбenezер оборудовал кухню. В ней стояло несколько столов и деревянных колод для разделки мяса, а кроме них полки и шкафы с пестрой, наскоро собранной посудой, которая, по-видимому, была склеена из черепков. Кроме того, Гриффин увидел электронагревательную плитку и огромный очаг с вытяжкой для дыма — такой, в котором можно было бы изжарить и быка. Непонятным оставалось, правда, куда выходил дым. Яскониуса наверняка настигал приступ свирепого кашля.

Покачивая головой, Гриффин пересек комнату в направлении второй двери. Он очень не-

решительно делал каждый шаг, будто неосторожное соприкосновение могло разорвать все вокруг, как мыльный пузырь.

За этой дверью находилась еще одна комната, также большая, а в ней стояла железная кровать. В головах был установлен герб, такой, которого Гриффин не знал. Может быть, раньше он принадлежал капитану или стоял в каюте какого-нибудь дворянина. Открытый шкаф не утаивал ничего, кроме дюжины разноцветных монашеских ряс, сшитых из разных тканей. По меньшей мере в том, что касалось выкроек, Эбenezер мало чему научился за прошедшие тридцать лет. Повсюду на полу были разбросаны книги — штабелями и бесформенными кучами, некоторые наполовину разорванные, другие с волнистыми страницами после многих дней, проведенных в воде. На иных больше не было обложек, а попадались и такие, что состояли только из связок разрозненных страниц. Эбenezер, судя по всему, сортировал их и потом связывал бечевкой. Был там и деревянный глобус с углублением — примерно на том месте, где должна была находиться Европа, и шахматы, расставленные для партии, которая осталась незаконченной, на стенах — многочисленные картины, которым встреча с соленой водой уж никак не пошла на пользу, напольные часы, которые даже еще продолжали тикать, пожелтевшие абажуры, потрепанный ковер с восточными узорами, чучело крокодила со стеклянным глазом и, кроме того, пульт со знаками, а также множество треснувших витрин с бабочками и другими насекомыми.

В этой комнате не было других дверей, почему Гриффин и отправился назад. Эбenezер все еще сидел у стола и выжидающе глядел на него.

— Ну и что ты думаешь?

— Это и правда производит впечатление, — сказал Гриффин.

— Не правда ли? Для звериного желудка вполне удобно.

— Но как... я хочу сказать, как вы...

— Счастье. Вера в Бога. Покорность. Ожидания между всем остальным хламом оказалась эта дверь. Яскониус проглотил ее с остатками какого-то корабля. У меня нет ни малейшего представления о том, откуда она появилась или кто и с какой целью ее изготовил. Я сомневаюсь также, что сумею когда-то разгадать эту тайну. Но, может быть, это даже и хорошо. Тайны — они ведь как жар в печи. Гаснут, если их слишком долго ворошить. — Он ухмыльнулся, будто изрек глубокую философскую мудрость. — Во всяком случае, при низвержении в желудок дверь открылась — я падал почти кувырком. А потом поднял голову и — вуаля! — Он сделал движение рукой, охватившее всю каминную комнату. — И вот мы где.

Слушая Эбenezера, Гриффин нервно ходил взад-вперед. Теперь, однако, он, обессилев, рухнул на стул, потер веки и глубоко вздохнул.

— И вот мы где, — повторил он и посмотрел на ухмылявшегося Эбenezера. — Есть у меня еще один вопрос.

— Ну что ж, задай его. Времени у нас хоть отбавляй.

— Когда вы меня обнаружили, вы сказали, что занимались... гостеприимством. А потом вы говорили о плавучем шанке. — Он кивком указал в сторону прилавка. — Да и, кроме того, здесь стоит эта стойка, и я все спрашиваю себя... ну да...

— Не спятил ли я, не так ли?

Гриффин смутился:

— Примерно так.

— Ни в коем случае, мой молодой друг. Ни в коем случае. — Эбенезер отодвинул стул назад. На толстых коротких ногах он прошел к прилавку и почти нежно провел по нему кончиками пальцев. В его глазах появился мечтательный блеск. — Все это для меня в высшей степени серьезно. Скажи, кстати, юноша, как тебя зовут?

— Гриффин.

— Хорошо, Гриффин, ты будешь первым, кому я расскажу о своем намерении. — Он прислонился спиной к прилавку и оперся локтями о край. Понизив голос и напустив на себя вид заговорщика, Эбенезер продолжал: — Все, что находится здесь, — подлинная легенда гостеприимства и хлебосольства. Нечто такое, о чем будут говорить моряки от Северного моря до южной части Тихого океана. Ах, да что там, об этом будет говорить мир — на суше и на море! — Он хитро улыбнулся. — Но вот в чем особенность: только очень немногие наслаждаются посещением. И это-то и превратит дело в нечто

великолепное! — Эбenezер воздел руки, будто открыв Гриффину план порабощения мира. — Все будут об этом говорить! Каждый пожелает хотя бы раз выпить свой ром за этим прилавком. Первый плавающий шанк! Первая и единственная таверна в желудке огромного кита! — Его глаза теперь округлились, как шары, и выжидающе уставились на Гриффина. — Ну и каково это все?

Гриффин сглотнул:

— У меня нет слов.

— И с полным основанием, мой милый, с полным основанием! Люди будут зариться на возможность побывать здесь. Их заест тоска по второму посещению, но плавающий шанк Эбenezера уже уйдет и пристанет на другом месте. То здесь, то там. Возникнет миф! Можешь ли ты представить себе лучшую коммерческую идею?

— Да понимаете, не больно-то я смыслю в делах гостеприимства, но...

— Но что?

— Но почему кому-то должно так уж хотеться пообедать в желудке кита? Это ведь... ну, как сказать... отвратительно!

— Отвратительно! Ну и бессмыслица! — Эбenezер громко захохотал. — Да это чудесно. Люди будут есть рыбу во внутренностях кита. Кто может предложить им такое? Только...

— Плавающий шанк Эбenezера.

— Именно так!

«Все дело в одиночестве, — сочувственно подумал Гриффин. — Бедняга десятилетиями

не видел ни души, а теперь придумывает шанк, полный посетителей».

— Во всяком случае, я желаю вам много счастья в этом. Правда. — Гриффин встал. — Теперь покажите мне, пожалуйста, как выйти отсюда.

— Но ведь мне нужна твоя помощь!

— Моя помощь?

— Конечно! Который месяц я жду кого-нибудь, кто смог бы взять на себя часть моей работы. Конечно, тебе надо было бы начинать с совсем малого, так сказать, с нижней ступеньки, поваренком. Но подумай только о возможностях продвижения! При хорошей работе обещаю тебе быстрое повышение. Я научу тебя готовить простые блюда, а потом и сложные. Ты будешь обслуживать гостей, продавать в розлив ром и пиво. — Он счастливо захлопал в ладоши. — Это будет просто чудесно!

Внезапно Гриффину показалось, что комната стала теснее. Стены придвинулись к нему, будто желая сжать его в форме — как если бы он был из теста. За спиной он сжал руку в кулак.

— Это интересное предложение. Честно. Но у меня есть еще два-три дела, с которыми надо разобраться. Да и, кроме того, я уже поработал на камбузе. Моя стряпня несъедобна. И... ну да ладно, и поэтому я охотно ушел бы.

— Куда? Там, снаружи, нет ничего, кроме бесконечного моря. Может быть, ты хочешь доплыть до ближайшего острова?

— А далеко ли до ближайшего острова?

— Очень далеко, насколько мне известно.

Казалось, окружающий мир вылущивался перед глазами Гриффина, как банан. Под тем, что представлялось ему фантастическим, странным и немного безумным, теперь стала видимой действительность — наподобие подгнившего плода. Декорации оставались теми же самыми, не менялся и веселый смех Эбenezера, да что там, и уютная комната в пламени камина — и все-таки все стало теперь совершенно другим.

Эбenezер явно не в своем уме. Не осталось никаких сомнений в его намерении вовлечь Гриффина в свое безумие — все равно, хотел ли того юноша или нет.

— Вы будете держать меня здесь под замком? — спросил Гриффин.

— Ты видишь здесь замки? Или решетки? Нет ничего подобного, мой мальчик. Я прошу тебя о помощи. Я даже заплачу тебе. Уж поверь, у меня есть золото. И мы, конечно, заработаем еще больше, если о нашем предприятии пойдут толки. Двадцатая часть всей добычи — твоя. Ну, чем не предложение?

«Сохраняй полное спокойствие, — сказал себе Гриффин. — Не давай ему повода не доверять тебе. Тогда возможность бежать представится сама собой».

— Ну а когда вы хотите открыть шанк?

Гриффину было трудно со всей серьезностью говорить о деле, которое казалось самым сумасбродным из всех, о каких он когда-либо слышал. По сравнению с таверной, в желудке кита даже чудеса Элениума бледнели, превращаясь в скудную кучку кораллов.

— Да нам надо еще порядком поработать. Ты хороший плотник?

— На борту я нередко помогал.

— Великолепно! Ты можешь сколачивать стулья. Да и столы. Там, снаружи, достаточно дерева да и гвоздей — в обломках. Ну, что скажешь? Пятьдесят мест? Хватит этого на первый раз?

— Так я что, должен сколотить пятьдесят стульев?

— Слишком мало? — Эбenezер, возбужденно приплясывая, уже наслаждался картинами переполненного зала. — Может, лучше восемьдесят? Или сто?

— Да и пятидесяти хватит.

— Будем знать меру, не так ли? Тогда уж точно пятидесяти хватит.

Эбenezер поспешил за прилавок и извлек оттуда молоток и ржавые щипцы. Он подвинул инструменты по прилавку.

— Ах да, и еще тебе надо снять эту ужасную форму. Осмотрись в желудке Яскониуса. — Он весело подмигнул Гриффину. — Думается мне, ты найдешь все, что тебе нужно.

На совете капитанов

Пиратский флот стоял на якоре широким кольцом вокруг острова Сент-Селестин. Ночью едва ли можно было отличить свет ламп на борту от созвездий и их отражений в воде.

— Здесь перед подъемом так все и кишит, — ворчливо сказал Уокер, пока они, согнувшись, двигались по берегу к пальмовой роще.

Их морские кони ушли под надежную защиту открытого моря.

— Да уж конечно, — откликнулась Соледад. — Но они высматривают испанцев или англичан в форме. Если кто-нибудь станет нам поперек дороги, то мы просто скажем, что мы из экипажа другого корабля. И кто захотел бы это проверить?

Сент-Селестин был крошечным островком в пятнадцати морских милях к западу от Мартиники — одного из Антильских островов. Много лет назад французские колонисты пытались заселить остров, но переменчивая погода и болотистая почва в конце концов справились с ними. Природа вернула то, что поселенцы отвоевывали у нее многолетним трудом.

Развалины старых рубленых домов были покрыты кустарником и ползучими растениями. В других местах из чащи торчали остатки зубчатых стен — ни дать ни взять челюсти великана. Перед самой скальной стеной под плащом из мясистых листьев и усиков растений располагалась на удивление хорошо сохранившаяся колокольня. Ее шпиль, почти невредимый, возвышался над джунглями.

Повсюду порхание, стрекот и пронзительный визг — ночные охотники девственного леса просыпались и отправлялись на добычу. Пахло влажными листьями и экзотическими цветами.

Они прошли совсем немного, когда Уокер, шедший первым, беззвучно указал вперед. Перед ними возвышалась кромка вулкана. На боковой поверхности горы, как раз на уровне шпиля колокольни, зияло огромное углубление, образуя естественную платформу. Раздавались голоса, но на слишком большом отдалении, чтобы их можно было понять. Связка факелов освещала заднюю стену и скальную крышу плато. Сомневаться не приходилось — это было место тайной встречи.

Они осторожно шли по тропе, а несколько позже натолкнулись на лестницу, вырубленную в толще камня. Похоже, ее совсем недавно освободили от кустарника и усиков растений. Вокруг валялись срубленные ветви. Кто-то спрятал факел в скальную нишу. Свет его пламени простирался над стеной из камня и растений, очень высоко вздымавшейся перед ними.

— Нет смысла дальше играть в прятки, — решительно сказала Соледад. — Так или иначе,

мне придется открыться. Так почему бы не сделать это прямо сейчас?

Уокер крепче сжал эфес своей сабли. Соледад посмотрела на него так, что ситуация ему не понравилась. Но недовольство Уокера вызвал не страх обнаружиться, а то обстоятельство, что не он командовал отрядом. Даже торговец призраками молчал, он передал командование Соледад. Здесь была ее земля.

— Эй, — закричала она, до половины взобравшись по ступеням, — мы пришли с миром!

Из темноты над ними появились две фигуры. На одной были треуголка и полосатая рубашка. В руках караульный держал два пистолета со взведенными курками. У другого была сабля с зубчатым лезвием. Он спрятал свои длинные волосы под пурпурную пиратскую косынку и носил наискось по голому туловищу перевязь для оружия. Его мышцы блестели в свете двух факелов, стоявших около верхней лестничной площадки.

— Кто здесь? — крикнул пират с пистолетами. — Ты из людей Тироне? Время пришло.

— Нет. Я Соледад. — Принцесса говорила ясным и громким голосом. — Дочь Скараба. Передайте капитанам мое требование: по праву рождения и в соответствии со своим именем я вызываю Кендрика на дуэль в присутствии антильских капитанов.

Уокер и торговец призраками обменялись встревоженными взглядами. Капитан положил руку на плечо Соледад.

— О дуэли не было и речи, — сердито прошептал он ей. — Уж сделай милость, откажись от этой бессмыслицы!

Соледад повернулась и одарила его мимолетной улыбкой.

— Я ничего от тебя никогда не утаивала, Уокер, — проговорила она. — Речь идет о троне Кендрика. Поэтому я здесь.

Сверху раздался грубый голос.

— А я здесь из-за тебя, Соледад! — издевательским тоном крикнул мужчина, вступивший теперь в круг света факелов.

Принцесса повернулась.

Кендрик, пиратский император, вынул свою саблю, острием направленную к земле. Его улыбка была ледяной, лицо исказилось от ненависти. Золотое кольцо в левом ухе горело в блеске огня. Правого он лишился много лет назад в битве, но тщеславно скрывал шрам под вьющимися волосами.

— Соледад, — сказал он, плюнув перед ней на землю, — еще прежде чем взойдет солнце, твоя голова будет насажена на бушприт моего корабля.

— Послушайте меня! — крикнула Соледад, пока ее взгляд перебегал с одного лица на другое. В этот момент ей было обеспечено внимание двенадцати антильских капитанов. Оставалось спросить только, надолго ли. — Пираты Малых Антильских островов десятилетиями отстаивали свою независимость, и я знаю, что спор между Кендриком и мною вас не касается.

Кендрик — не ваш предводитель, как не был им и мой отец. Но прежде, чем вы обдумаете, стоит ли заключать с ним союз, надо бы вам знать, что власть Кендрика над пиратами Тортуги и Нью-Провиденса основана на лжи, предательстве и обмане. И на трусливом вероломном убийстве.

Ее голос громко отражался от скал. Столы, за которыми собралась в круг дюжина антильских главарей, стояли в центре естественной платформы, созданной причудами природы. Отсюда можно было поверх крыши девственного леса смотреть на ночное море. В лунном свете виднелись корабли, стоявшие на якоре. На расстоянии только трех или четырех шагов от края скалы возвышались стропила колокольни. Остальные развалины поселения лежали, скрытые в зарослях джунглей, примерно на пятьдесят футов ниже. Старый очаг, в котором теперь снова полыхало пламя, происходил, вероятно, из времен поселенцев. В ржавых обоях на скальных стенах были укреплены факелы. Тени, которые отбрасывал свет, падали, угрожающе увеличиваясь, на грубые камни.

— Мы слушаем тебя, — сказал капитан, сидевший по правую руку от Кендрика. — Говори.

Это был грубый морской волк с голосом, который ром и виски уже много десятилетий назад превратили в сиплое хрипение. На нем был темно-красный сюртук с широким воротом, а грудь опоясывала черная лента. Треуголка с перьями лежала перед ним на столе около

серебряного кубка для вина. Соледад знала его по имени, как, впрочем, могла назвать и всех собравшихся здесь людей. Рукетт был самым старым в кругу и, как велела традиция, председательствовал.

Кендрик уселся рядом с ним после того, как он привел Соледад к столу. Уокер и торговец призраками стояли за чертой круга. Они не были разоружены, но люди Кендрика не спускали с них глаз, обнажив сабли. Метательные ножи Соледад тоже остались при ней.

— Мы ценили твоего отца, — сказал другой пират, прежде чем принцесса смогла продолжить. Он был моложе Рукетта, черноволос и носил глазную повязку, в середине которой блестел рубин — достаточно большой для покупки маленького острова. Звали его Галлиано. — Если мы и не признали его нашим предводителем, то мы ведь никогда с ним не ссорились и всегда причисляли его к своим союзникам.

— Все вы знаете, что моего отца убил Кендрик. А потом он приказал протащить его тело по улицам порта Нассау, точно мертвую собаку.

Никто и бровью не повел.

— Все вы знаете это, — сказала Соледад еще раз, — и всем вам ясно, что я имею право на возмездие. — Она указала на Кендрика. — И на его место в этом кругу.

— Никогда еще не было императрицы пиратов, — сказал Рукетт. — Но нам все равно. Мы уважаем тебя за мужество, принцесса. Неужели ты всерьез думаешь, что пираты Тортуги и

Нью-Провиденса согласятся, чтобы во главе их оказалась баба?

— Если эта баба бросит к вашим ногам голову Кендрика, вам придется это сделать.

— Возмездие, Соледад, не имеет никакого отношения к твоему притязанию на трон. Нас это не касается. Мы не в Нассау.

Раздалось одобрительное бормотание. Один из капитанов в знак согласия застучал трубкой по столу. Этот звук отскакивал от скал и исчезал в джунглях.

— Может быть, вы измените мнение, если я скажу, что всему Карибскому бассейну, включая и Малые Антильские острова, грозит опасность, противостоять которой мы можем только вместе? Все вместе, и неважно, выставляете ли вы свою добычу на продажу на Мартинике или на Нью-Провиденсе.

В знак несогласия Кендрик покачал головой, да еще с отвратительным смешком.

— Что за дешевая уловка! Она ниже твоего достоинства.

— Я здесь не только ради того, чтобы отстаивать свои права, — продолжала Соледад, не обращая внимания на его выпад. — Мое предостережение серьезно. Нам угрожает смертельная опасность.

— О чем ты говоришь? — спросил капитан с раздвоенной черной бородой. Обрубок его правой руки заканчивался клешней, которой он то и дело царапал доску стола. — Кто нам уг-

рожает? Испанская армада, как когда-то у Нью-Провиденса? Испанцы с англичанами?

Это было абсурдно, и он произнес свои слова таким тоном, который не оставлял сомнений в том, что он считал предостережение Соледад ловким трюком.

Теперь она очень тщательно подбирала слова. В такой момент никто здесь не воспринял бы всерьез Гибельный водоворот шириной во многие мили, ужасное существо из другого мира и военный поход клабаутеров.

Ей надо было по-другому подойти к делу.

— Это опасность, которая пронесется над нами, как шторм, и против которой ни у кого из нас в одиночку нет шансов.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Кендрик и рассмеялся.

Некоторые пираты захохотали вместе с ним, но кое-кто выжидающе смотрел на Соледад.

— Я не могу требовать, чтобы вы уделили мне больше внимания, чем мне причитается в этом кругу. Вы узнаете все, но только после того, как я докажу своей победой над Кендриком, что достойна говорить перед вами.

Торговец призраками нагнулся к Уокеру.

— Умный план, — одобрительно прошептал он.

— Может стоить ей головы, — возразил Уокер.

— Она дурачит вас, раздражая аппетит, — выкрикнул Кендрик.

— Нет, — сказал Рукетт, не спуская глаз с Соледад. — Она права.

Некоторые капитаны что-то пробурчали, другие кивнули.

Кендрик в раздражении подался вперед.

— Но она...

— Дочь Скараба, — прервал его старейшина совета, — и ты сам это подтвердил. С другой стороны, ты, Кендрик, сделал нам хорошее предложение, которое тоже заслуживает признательности. Правду сказать, никто из нас не ожидал от тебя такого плана. И если верно, что Тироне при этом будет на нашей стороне, мы не поколеблемся присоединиться к делу.

— О чем это он? — прошептал Уокер и уставился на Рукетта, будто мог прочитать ответ по его лицу.

Торговец призраками молчал, но на его лице была написана озабоченность, которая теперь адресовалась не одной лишь Соледад.

Тироне, по-видимому, еще не прибыл на Сент-Селестин. Но если бы Кендрику и впрямь удалось заключить с ним союз, то у пиратского императора здесь, в совете антильских капитанов, карты были бы куда лучше.

— Но, — продолжал Рукетт, — даже если бы мы и заключили союз с тобой, это не означает, что мы остались бы глухими к справедливым требованиям принцессы.

Галлиано кивнул, соглашаясь, а потом Рукетта поддержали и остальные.

Неизвестным осталось, содержался ли в словах Рукетта намек на самолюбие Соледад или ее предвкушение единоборства.

— Да это же смешно! — Кендрик стукнул кулаком по столу. — Я прибыл сюда, обещаю вам сказочное богатство и победу над испанцами, а вы требуете от меня дуэли с... с полурбенком! — Он плюнул через стол в направлении Соледад.

— Если ты против, — проговорил Галлиано, хитро улыбнувшись, — это значит, что в ее упреках есть доля правды. Подумай об этом, Кендрик.

Соледад воспользовалась ситуацией и ударила по той же зарубке.

— Да говорю я вам, он трус! Убивать из-за угла — это он может. Но вы же сами слышите: у него не хватает мужества для единоборства с женщиной.

Кендрик вскочил. Очевидно, теперь он увидел, что его позиция под угрозой.

— Сейчас не время и не место, чтобы...

— Да не тебе об этом судить, — сказал один из капитанов, человек с огненно-рыжими волосами и уродливыми шрамами на обеих щеках. — Ты гость здесь, на совете. В нашей, а не в твоей власти оценивать честность и порядочность принцессы.

Одобрительный ропот стал громче.

— Решено, — закричал Рукетт так, что его слышали все. — Кендрик должен принять вызов принцессы. Поединок состоится здесь и сейчас. Кто против?

Кендрик выглядел так, будто у него была тьма возражений, но лишь озлобленно закусил губы и покачал головой.

Соледад и виду не подала, что победила. Она кивнула Рукетту, заметила уголком глаза, что Галлиано язвительно подмигнул ей и, исполненная собственного достоинства, встала перед Кендриком.

— Здесь и сейчас, — мрачно повторила она.

Рукетт поднял руку и заставил собравшихся замолчать.

— Так как Кендрик вызван на бой, ему надлежит выбрать оружие.

Кендрик уперся в стол кулаками. Его взгляды пронизывали Соледад — ни дать ни взять стальные клинки.

— Абордажные крючья, — усмехнулся он.

Король каннибалов

— Ничтожество! — выругался Уокер и взял себя в руки, чтобы не кинуться на Кендрика. Один из часовых все еще направлял на него пистолет. — Он точно знает, что с абордажным крюком у нее никаких шансов.

Озабоченным выглядел и торговец призраками, хотя и не сказал ни слова. Он оставался безмолвным наблюдателем, может быть, потому, что это была роль, которую он уже целую вечность играл в другом месте.

Столы капитанов превратились в большой полукруг, образовав одну границу поля битвы, другой стал край скалы и зияющая за ним пропасть. Там не было перил, лишь стропила колокольни.

Рукетт отдал приказ принести два абордажных крюка. Противники, занявшие позиции на противоположных сторонах полукруга, получили оружие, которое формой напоминало ланцет.

Абордажные крючья состоят из деревянной рукояти в рост человека со стальным наконечником, от которого отходит крюк, напоминающий коготь. Первоначально они служили для того, чтобы во время морской битвы подтяги-

вать поручни корабля противника — так пиратам было легче взбираться на вражескую палубу. Правда, флибустьеры уже много лет назад перешли к использованию абордажных крючьев и для нападения — и нередко с губительными последствиями. Стальное острие длиной в добрых двадцать футов без труда таранило любой корпус, в то время как острый крюк оставлял тяжелые раны. А тот, кто обладал достаточной силой, мог даже вращать длинную рукоятку по широкому кругу, одновременно скашивая таким образом несколько врагов.

Для женщины, пусть даже такой искусной, как Соледад, абордажный крюк представлял собой тяжелое и несподручное оружие. Острие и крюк превосходили ее длиной едва ли не на голову, и поэтому принцессе было трудно уверенно держать рукоятку и сохранять равновесие, не говоря уже о нападении или обороне. Эффект применения абордажного крюка основывался только на силе мускулов, и обращение с ним было грубым и неэлегантным. Вооружившись саблей или шпагой, Соледад могла бы без труда начать противоборство с Кендриком, а с таким орудием пиратский император имел несомненное преимущество.

Соледад взяла рукоятку обеими руками и попыталась найти баланс как раз в тот момент, когда Рукетт подал сигнал. Сигналом послужил выстрел в ночную бездну.

С диким криком Кендрик ринулся вперед. В несколько быстрых шагов он проскочил по-

лукруг столов с явным намерением первым же ударом пронзить соперницу. Соледад уклонилась от удара и проскользнула под рукой Кендрика. Несколькими секундами позже она сама попыталась сбить его с ног. И ее атака оказалась неудачной, но показала Кендрику, что он имеет дело с серьезным противником.

Торговец призраками успокаивающим жестом положил руку на плечо Уокера, увидев, что капитан вот-вот готов вмешаться.

— Не делай этого! — резко сказал он. — Они убьют нас на месте.

— Да не могу я видеть, как он...

— Она сама этого хотела.

Уокер замолчал и, полный тревоги, воззрился на арену боя. Лоб его взмок от пота. При каждой атаке, при каждом парировании он то размыкал, то смыкал руки.

Сапоги обоих противников взметали пыль. Вновь и вновь через группу антильских капитанов проносилось «О-о-о!» или «А-а-ах!», если один из сражавшихся, чаще всего Соледад, оказывался в сложном положении. Но большей частью они молчали. Их собственная жизнь была полна кровопролития, и каждому из них довелось видеть сотни таких дуэлей. Тем не менее эти зрители не могли оторваться от спектакля.

Соледад держалась лучше, чем, по-видимому, предполагал пиратский император. Поначала Кендрик бранился и фыркал, чтобы вселить в соперницу неуверенность, но, когда он заме-

тил, что его угрожающие манеры не больно-то на нее действуют, он стал бороться молча, как и Соледад, с замкнутым лицом и стиснутыми зубами.

Может быть, Кендрик и был трусом, но уж никак не плохим бойцом. Он выдвинулся среди себе подобных не только хитростью и предательством. Он двигался быстро и решительно, зачастую его атаки оказывались неожиданными и нацеленными на такие позиции, которые Соледад могла защитить с большим трудом.

Принцесса обладала одним-единственным преимуществом. Она была проворнее, а недостаточную силу рук компенсировала быстротой. Это давало ей мало возможности атаковать, но предоставляло шанс уклониться от грубых ударов. Часто она заставляла Кендрика споткнуться, собственным телом едва не сбивая его с ног. И всякий раз она пыталась атаковать, но ему удавалось избежать ее ударов и уколов.

Небольшие раны у обоих кровоточили. Бархатные штаны Кендрика разорвались на коленях, камзол Соледад клочьями висел на спине; один из ударов его ланцета чуть не распорол ей спину.

В конец концов, победа одного из них была только вопросом времени — до тех пор, пока усталость не возьмет свое. Уже было видно, что не искусство боя, а истощение возвестят об исходе противоборства. И никто, включая Уокера и торговца призраками, не сомневался в том, кто будет изнурен первым.

Вес оружия выматывал Соледад. Постепенно она все меньше ощущала свои руки. Ее пальцы так впились в рукоятку, что она была не уверена, разомкнутся ли они когда-нибудь по своей воле.

Кендрик орудовал крюком с неизменной силой. Всякий раз, когда ей удавалось парировать его удар, сотрясение проходило по всему ее телу и грозило сбить с ног.

Ей надо что-то предпринять, пока не поздно, как-то противостоять силе ударов и уколов, которые обрушивались на нее.

Ей представилась только одна возможность.

Сделав несколько размашистых шагов, Соледад вышла из радиуса действия противника и бросилась к краю скалы. Впервые за долгие минуты Кендрик испустил торжествующий крик, ибо решил, что обратил соперницу в бегство.

Но Соледад задумала другое. Она остановилась над бездной. Между ней и балками зияли девять футов пустоты. Еще на бегу принцесса размахнулась и метнула абордажный крюк, как копье.

По толпе прокатился ропот.

Стальное острие пробило дерево и, резко вибрируя, застряло в балке. Стая птиц, до тех пор невидимая, с резким криком взмыла вверх, на мгновение зависнув, как гудящее облако, над бездной, и улетела в направлении первобытного леса.

Соледад попятилась от края платформы и широким прыжком перепрыгнула через про-

пасть. С душераздирающими проклятиями принцесса в мгновение ока ухватилась за балки и развернулась. Она оказалась совсем рядом с абордажным крюком, торчавшим горизонтально. Трухлявые стропила отчаянно раскачивались. Соледад инстинктивно бросила взгляд вниз: с одной стороны она увидела кроны деревьев, которые были плохо различимы в темноте, с другой — внутри колокольни — ничего, кроме шахты, черной как смоль.

Кендрик замер. Он злобно уставился на Соледад, не решаясь последовать за ней. Она обхватила балку ногой, надеясь получить таким образом дополнительную опору, потом обеими руками потянула на себя абордажный крюк, повернула его, размахнулась и метнула в Кендрика.

Пиратский император закричал от боли, когда острое коснулось его бедра, раздробило колено и вышло с другой стороны. Сила удара отбросила его назад, стальной крюк оцарапал скальную породу, высекая искры. Кендрик с воплями рухнул наземь, схватился обеими руками за ногу и перекатился на бок. Рукоятка абордажного крюка бессмысленно резала над ним воздух.

Пираты затаили дыхание.

Рукетт поднялся со своего кресла.

Соледад, задыхаясь от изнеможения и усталости, висела на стропилах и смотрела на платформу. Длинные волосы упали ей на лицо, пот разъедал глаза. Боль, которую испытывал Кенд-

рик, наполняя ее глубоким удовлетворением, а вместе с тем и неуверенностью. Собственными силами ей отсюда не спуститься. Что решат антильские капитаны? Признают ли они поражение Кендрика, хотя его рана несмертельна? Или ни один из соперников не станет победителем до тех пор, пока Соледад здесь, наверху, и так же беспомощна, как пиратский император?

— Решение, — закричал Рукетт, чтобы заглушить стоны раненого, полные мучительной боли, — тем самым...

— Стой! — перебил его чей-то голос, резкий, словно сабельный клинок.

Головы пиратов повернулись. Несколько человек вскочили. Глаза Рукетта сузились от гнева из-за того, что его прервали. Торговец призраками тоже повернулся к человеку, появившемуся на верхней площадке лестницы. Уокер отчаянно искал возможность помочь Соледад. Пистолет того, кто его караулил, недвусмысленно смотрел в грудь капитана.

— Помогите ему! — приказал новоприбывший, и в тот же миг из темноты выступили две фигуры и поспешили к раненому.

Кендрик корчился на земле. Тень абордажного крюка качалась над ним, как маятник. Каннибалы встали на колени. Один из них взял Кендрика за плечи, другой начал перебинтовывать изувеченную ногу.

— Тироне? — Рукетт вышел из-за стола. — Мы ждали вас раньше.

Человек, стоявший на лестнице, вступил в полосу света, которую отбрасывал огонь. Он носил свободные черные штаны, сапоги с широкими отворотами, доходившими до колен, и черный сюртук, расшитый тончайшим серебром. Полной противоположностью элегантной одежде было его лицо. Оно, как и весь череп Тироне, было покрыто ритуальной татуировкой, даже вокруг глаз и губ, уходившей корнями в культуру каннибальских племен, вождем которых он стал. На затылке Тироне рос длинный черный конский хвост, на остальной части головы волос не было. Не было даже бровей.

Заговорив, Тироне обнажил зубы, отшлифованные до игольной остроты. Уокер, которого от короля каннибалов отделяло несколько шагов, разглядел кончик окрашенного в черный цвет раздвоенного языка.

— Меня задержали, — сказал Тироне, обращаясь к присутствующим. Раздвоенный язык придавал его речи эффект шипения. — Вижу, я пропустил самое интересное.

Он подошел к Кендрику, из ноги которого уже выдернули абордажный крюк. Рану перевязали чистым бинтом, остановив кровотечение. Тем не менее пиратский император потерял сознание.

Один из двух каннибалов, по приказанию Тироне хлопотавших вокруг раненого, поднял глаза.

— Он потеряет ногу. Кость расщеплена.

— Перенесите раненого на корабль, — сказал Тироне, сопроводив свои слова повелительным жестом. — Пусть о нем позаботятся его люди.

Соледад была заморожена кошмарной фигурой короля каннибалов и в то же время испытывала отвращение к нему. Ее впечатляла надменность, с которой он выступал перед могущественными капитанами. Его появление и тон с ходу делали явным одно обстоятельство: когда говорил Тироне, никто его не перебивал — ни Рукетт, ни Галлиано, ни кто-либо еще. Он притягивал к себе всеобщее внимание — до тех пор, пока все не начинало вращаться вокруг него.

Принцесса по-прежнему цеплялась за стропила. Ее руки онемели. Тем не менее она не шевелилась. Спустится ли она отсюда живой — это больше не зависело от капитанов. Теперь это мог решить только один человек — Тироне.

— Доску! — закричал он, не устаивая ее хотя бы взглядом. — Это недостойно принцессы, сидеть на корточках там, наверху, на манер обезьяны.

Никто не засмеялся. Никто не возразил. Два пирата сразу же исчезли и вернулись с прочной доской, которую перекинули над бездной. Соледад не была уверена, выдержит ли ее перекладина, но приходилось рисковать. Стиснув зубы, она балансировала по доске. Бездна манила ее к себе, темные тени хватали за ноги.

Достигнув твердой почвы, Соледад упала на колени. Теперь ни один пистолет не мог удержать Уокера. Он пронесся через площадку и подхватил Соледад на руки.

— Тебе больно? — с беспокойством в голосе прошептал он. — Ты ранена?

— Все в порядке, — негромко ответила она и еще тише добавила: — Пока.

Тироне ухмыльнулся. Два ряда острых зубов блеснули, как грубые полотна пилы. Но он ничего не сказал. Вместо этого он посматривал то на одного антильского капитана, то на другого. Наконец его взгляд остановился на торговце призраками. Двое мужчин молча воззрились друг на друга. Лицо торговца не изменилось, он не выказал ни малейшей неуверенности.

Усмешка Тироне стала шире.

Соледад боролась с головокружением. Фигуры перед ней расплывались. Может быть, они что-то знали друг о друге?

Миг немоты прошел, и Тироне повернулся к собравшимся. За ним двое его людей подняли бесчувственного Кендрика и понесли его к лестнице.

— Жаль, — сказал Тироне без тени сочувствия, — что придется отказаться от его присутствия.

— Кендрик давно уже не предводитель пиратов Тортуги и Нью-Провиденса, — возразил Рукетт. Очевидно, он не хотел соглашаться с повелительной манерой короля каннибалов. —

Принцесса Соледад отстояла право на трон. Она должна продолжить переговоры и выступить от имени своих людей.

Соледад, вздрогнув, поняла, что Рукетт имел в виду не Уокера и торговца призраками, а всех пиратов Багамских и Виргинских островов. Она победила Кендрика в бою, но он всего лишь ранен, и Соледад не была уверена, достаточно ли этого. Согласятся ли в порту Нассау или на Ямайке с результатом боя?

Тироне, очевидно, терзался такими же сомнениями и не побоялся их высказать.

— Кендрик созвал это собрание, а не девушка. Его план привел меня сюда. Так как я посвящен во все детали, позвольте выступить в защиту Кендрика.

О позволении не могло быть и речи, и интонация Тироне не оставляла в том ни малейшего сомнения.

— Принцесса Соледад хотела нас предостеречь еще до вашего прибытия, — вставил Галиано.

— Ах вот как? Мне-то показалось, что она хотела сломать себе шею.

С акульей усмешкой Тироне повернулся к Соледад и Уокеру и нахмурился, увидев, что принцесса стоит прямо, широко расставив ноги и полагаясь на собственные силы.

— Тироне, — холодно бросила она ему в лицо, — вы здесь такой же гость, как и я, и я спрашиваю себя: что заставляет вас выступать за Кендрика или за кого-либо из других капи-

танов? Впрочем, это не мое дело. Но вы не будете выступать за меня.

Атака была необдуманна и, может быть, неразумна, но Соледад претили господские манеры Тироне. На материке пусть себе повелевает несколькими тысячами каннибалов, но здесь, на Сент-Селестине, он один из многих.

Тироне изобразил циничный поклон, но резкого возражения, которого ждала Соледад, не последовало.

— Тогда объясните ваш план. Как обстоит дело с нападением на Каракас, из-за которого мы все здесь и собрались?

Каракас? Неужели Кендрик всерьез планировал нападение на одну из самых богатых и сильных испанских береговых крепостей? И этим он всех сюда заманил? Ради всех святых, он оказался безумнее, чем она предполагала.

— Я здесь не из-за Каракаса, — сказала она, — а для того, чтобы предостеречь вас от опасности, которая может обрушиться на нас уже через несколько дней или недель.

Тироне сохранял спокойствие. Он слушал.

Соледад обменялась молниеносным взглядом с торговцем призраками и увидела, как он почти незаметно кивнул.

— Клабаутеры объединились для мощного похода. Они собрались на севере от Малых Антильских островов, в Атлантическом океане. Я видела собственными глазами — их многие тысячи. Ими командует нечто, называемое Гибельным водоворотом.

Она намеренно говорила не очень определенно, чтобы не потребовать от капитанов слишком много зараз. Соледад шла по тонкому льду, ощущая, что Тироне одним лишь взглядом раздувает огонь под ее ногами.

— Клабаутеры? — Галлиано уставился на нее, и, к своему ужасу, она заметила разочарование в его взгляде. Очевидно, он ожидал чего-то более убедительного. — Да каждый знает, что обитатели глубин рассорились между собой. Они никогда не объединятся, все равно ради какой цели.

Некоторые из капитанов кивали. Темнокожий мужчина презрительно фыркнул.

— Так это, принцесса, и есть твоя большая опасность? Эти-то бабьи рассказы?

— Это не рассказы, — решительно ответила Соледад. — Я видела своими глазами, как племена глубин двинулись на восток. Клабаутеры собираются. И они нападут. Мне сообщили, что они уже однажды вышли на сушу. И они сделают это снова.

— Клабаутеры никогда не вылезают из воды, — выкрикнул Тироне. В его словах был вызов. — Даже их главари. Это исключено.

— И все же это именно так.

— А какие у нас гарантии? Твое честное слово? — Рукетт подозрительно разглядывал Соледад.

— Слово законной пиратской императрицы! — твердо произнесла она, а потом ей пришлось на ум еще кое-что. — Не считалось ли всегда, что и племена каннибалов враждуют

друг с другом? Тем не менее Тироне удалось объединить их. Почему же это не получится с клабаутерами?

Мышцы на лице Тироне дернулись.

— Каннибалы — всего лишь люди, — произнес он ледяным тоном. — Люди боятся, и страх делает их слабыми. Но клабаутеры? Им-то чего бояться?

— А чего боятся каннибалы? — возразила Соледад.

Воцарилась напряженная тишина. Обозначалась новая борьба, с возможностью которой никто не считался. Борьба без abordажных крючьев и кровопролития. Борьба слов и воли.

Взгляды Тироне пронзали принцессу. Было трудно устоять перед взорами, сулившими жестокость и вселявшими ужас. И тем не менее она овладела собой.

Король каннибалов отвернулся от нее.

— Капитаны! — крикнул он. — Эта девчонка обещает вам войну с клабаутерами. Я предлагаю вам сокровища Каракаса.

Соледад хотела вмешаться, но ее прервал Рукетт:

— Помолчи! Сейчас очередь Тироне.

Король каннибалов подарил ей сладкую улыбку хищного зверя и начал ходить взад и вперед перед капитанами.

— В течение двух недель должно свершиться нападение карибских пиратов на Каракас. Вы скажете: «Это пытались сделать и раньше и потерпели крах». Да, так и есть. Но сегодня все по-другому. Тогда было нападение только

с моря, но сообщая мы возьмем город с моря и с суши.

Шепот превратился в невнятный говор, а потом в громкую дискуссию. Соледад бросила отчаянный взгляд на торговца призраками, но его лицо оставалась по-прежнему загадочным. Уокер стоял где-то сзади, на краю платформы, на почтительном расстоянии, чтобы ни один из капитанов не подумал, что принцессе в такой ситуации, чего доброго, понадобится помощь мужчины.

Тироне подождал, пока разговоры поутихли, и продолжил.

— Она рассказывает вам про клабаутеров, — сказал он, наслаждаясь каждым словом, а я обещаю вам золото! Если все пираты Карибского моря объединятся для нападения и возьмут под обстрел десятки кораблей в гавани Каракаса — это будет настоящая армада! Я же со своими людьми ударю с суши.

— О каком количестве вы говорите? — спросил Галлиано.

— Да, — вмешался и темнокожий капитан, — сколько человек у вас под командой?

Тироне бросил ответ в тишину, будто забил кол:

— Пять тысяч!

Сердце Соледад забилося. Было ясно одно: она могла, выступая перед капитанами, накликав мировую катастрофу, но оказалась не в силах предпринять что-либо против их сребролюбия.

— Пять тысяч! — эхом отразилось от толпы.

— Мне повинуются восемнадцать самых больших туземных племен, — подтвердил Тироне, — и еще несколько групп, действующих особняком. И каждый день их становится все больше и больше. — Он сделал паузу, чтобы придать вес своим словам.

Соледад вклинилась в разговор.

— Он говорит о туземных племенах, в действительности же имеет в виду каннибалов! — Она остановила взгляд на Рукетте и Галлиано. Этого ли вы хотите? Союза с пятью тысячами людоедов?

Оба капитана обменялись взглядами, а потом снова обратили внимание на Тироне.

— Лучшее впереди, — провозгласил король каннибалов.

— Продолжай! — алчно закричал капитан с раздвоенной бородой.

— Я даю вам пять тысяч человек, и никто из них не будет стоять вам ни единого дублона!

И снова молчание. Открытые рты, вытаращенные глаза. Потом раздался смех, кто-то хлопал в ладоши. Восторг капитанов выплеснулся, как приливная волна.

Соледад стояла как окаменевшая. Внезапно Уокер оказался рядом с ней и наклонился к ее уху.

— Иди со мной! Быстро!

— Но ведь...

— Нет. С этим кончено. Они больше не станут тебя слушать.

Она понимала, что Уокер прав. Против таких аргументов она бессильна. Гибельный водоворот? Война против клабаутеров? Все это не шло ни в какое сравнение с пятью тысячами бойцов, которые могли каждого из этих капитанов сделать во много раз богаче. Да к тому же им не надо было платить.

Соледад простилаась с мечтой о возвращении в Элениум с большим флотом. Даже победа над Кендриком перестала для нее что-то значить. Если повезет, они живыми вернутся с этого острова. Антильские капитаны будут есть с ладони Тироне и выполнять любое его желание. Голову Соледад на золотом подносе? Это, конечно, только вопрос остроты лезвия.

В то время как капитаны поднимались со своих мест и возбужденно перекрикивали друг друга, Соледад с Уокером двинулись к лестнице. Стражники, наблюдавшие за ними и торговцем призраками, теперь не выказали к ним никакого интереса.

— Уходим, — проговорил торговец, когда они поравнялись с ним.

И они поспешно спустились вниз по лестнице. Лишь один раз Соледад обернулась и увидела Тироне. Он открыл рот и смеялся над ней. Свет факелов падал на его губы. Нёбо Тироне было черным, как у собаки.

Уокер и торговец призраками спорили друг с другом. Вернее, спорил один Уокер — тор-

говец призраками был заметно сдержаннее. Капитан требовал ответа, почему торговец не призвал попросту всех призраков острова и не положил конец фарсу. Торговец возразил, и не в первый раз, что все, происшедшее во время собрания, должно было случиться именно так, а не иначе. Это, однако, не было аргументом, который нашел бы понимание у человека вроде Уокера. Но торговец оставался непреклонным, будто бы знал нечто, касавшееся всех.

— Было важно, — сказал он, — что мы встретили Тироне. И столь же важно, что Соледад получила возможность унижить Кендрика на глазах у всех. Рано или поздно ты поймешь это, Уокер.

Соледад насторожилась только тогда, когда прозвучало ее имя. Затем, однако, она снова погрузилась в свои мрачные мысли и предоставила мужчин самим себе.

Они проделали почти половину пути, когда из-за деревьев вышли два пирата и преградили им путь.

— Что там случилось? — спросил один из них.

Он держал длинноствольное ружье. Второй вынул из-за пояса саблю. Тем не менее оба они не стремились нападать на Соледад и ее спутников. Их внимание было направлено прежде всего на платформу на скале, которая отсюда, снизу, светила в темноте, как второй полумесяц.

— Чествуем капитана Тироне, — быстро проговорил Уокер, прежде чем колебания Со-

ледад вызвали недоверие караульных. — Он принес хорошие новости.

— Он? Хорошие новости? — Человек, не-
сший ружье, наморщил лоб. — На мой взгляд,
он обманщик. Но никому больше об этом не
говорите.

Уокер покачал головой.

— Капитаны хотят устроить в его честь
праздник. Они уже открыли бочку рома.

— Рома? — переспросил пират с саблей.

— Рома. Для всех.

— Значит, и для нас?

— Нет, пока вы караулите внизу.

— Ты хочешь сказать?..

Соледад кивнула.

— Мы отправились в путь, чтобы дать знать
людям с нашего корабля. Когда они придут,
здесь мало что останется.

Пираты обменялись взглядами, а потом по-
спешили прочь.

— Спасибо вам, — крикнул один, ухмыль-
нувшись через плечо. — Вы настоящие друзья.

Соледад и оба ее спутника скользнули в ча-
щу. Они слышали, как один пират сказал дру-
гому:

— Похоже, я знаю одного из парней. Он по-
хож на Уокера.

— Того самого Уокера? — спросил другой,
но ответ потонул в шорохе листьев.

Они обнаружили еще две группы карауль-
ных, от которых, однако, сумели вовремя укло-

ниться. Вскоре после этого Соледад и ее спутники добрались до пальм, окружавших остров. Деревья стояли здесь на большом расстоянии друг от друга без защищающего подлеска. На белоснежном песке силуэты беглецов смотрелись вырезанными из черной бумаги фигурками. Маленькая группа ускорила шаг. Уокер несколько отстал, потому что наступил в гнездо раков-отшельников, и, направляясь к воде и ругаясь, снимал со своей штанины упрямых существ.

Дул резкий ветер. У ног пенился прибой, и даже при лунном свете было видно, что в открытом море громоздились высокие волны. Можно было подумать, что Тироне взял с собой на Сент-Селестин предвестников шторма, которые по-разному проявляли свое присутствие.

Торговец призраками поднес к губам трубу из раковины, и они стали молча ждать появления морских коней.

Соледад не давала покоя мысль о том, что антильские капитаны со всей серьезностью собирались заключить союз с королем каннибалов. Одно дело — взять штурмом испанскую крепость, даже если бы это стоило десятков, а то и сотен погибших, и совсем другое — выпустить на жителей Каракаса пять тысяч людоедов.

Мысленно она видела перед собой острые зубы Тироне и окрашенный черным раздвоен-

ный кончик его языка. Она знала, что ждет обитателей Каракаса, если эта бестия вступит туда. И хотя Соледад участвовала в нападениях и видела собственными глазами, как пираты накидывались на девушек и женщин в испанских поселениях, представление о войске голодных канибалов вызывало в ней первобытный ужас.

Внезапно все показалось ей безнадежным. Вся ее миссия состояла из промахов: на суше неистовствовали людоеды, на море клабаутеры. И где-то вдали вращался Гибельный водоворот.

Она спрашивала себя, не управлял ли он уже давно и ею, приняв образ людей вроде Тироне и Кендрика. Нет ли связи между ними и Гибельным водоворотом? Не было ли нападение на Каракас чем-то вроде уловки для того, чтобы занять чем-либо пиратов и испанцев, тогда как Гибельный водоворот продолжит расширять свою сферу власти?

Она хотела поделиться своими сомнениями с другими, когда Уокер вдруг указал на один из кораблей.

— Корабль Тироне. «Квадрига»!

На фоне звездного неба стоял четырехмачтовый корабль, бывший испанский фрегат с мощной носовой частью. На поручнях и мостике горели редкие лампы, чтобы чей-нибудь любопытный глаз не смог следить за тем, что происходит на палубе.

Соледад пробрала дрожь, когда она подумала о людях, служивших Тироне. Его спутники

там, наверху, на плато, не были туземцами, и она предполагала, что и остаток его команды состоял из людей старого мира. Но кто заявлял добровольно о своей готовности следовать за таким чудовищем, как Тироне? Чем заманил он людей? Богатством? Грабежом? Или их сделал послушными страх перед ним?

Неподалеку от «Квадриги» стояла на якоре «Маска» — бригантина Кендрика. В то время как «Квадрига» предназначалась прежде всего для морских боев, элегантная «Маска» была пригодна в лучшем случае для быстрых переходов.

— Ялик! — Уокер показал на узкий контур на темной воде. — Они доставили Кендрика на борт. Он не забудет своего поражения, все равно, последуют ли карибские пираты за ним или за тобой. — Он собрался положить руку на плечо Соледад, но она отодвинулась в сторону.

— Я не боюсь, — сказала она.

— Человек, делавший перевязку, прав, — заметил торговец призраками. — Кендрик потеряет ногу. Рана слишком опасна, а на корабле ему вряд ли окажут серьезную помощь. Он больше не предводитель.

Соледад равнодушно пожала плечами, хотя ее била дрожь. Она убила немало людей, но не покалечила ни одного.

— Что бы ни случилось, я с тобой, — сказал Уокер.

Принцесса приготовилась к язвительному ответу, но внезапно ей стало ясно, насколько

серьезен Уокер. Она еще никогда не видела его таким, как сегодня. Он был головорезом и плутом, ему нелегко давалось принимать другого равным себе, — до того момента на платформе, когда он взял ее на руки. С ним произошло превращение, которое ее тронуло, но в то же время и испугало. На сей раз это был страх перед ее собственной смелостью.

— Вот они! — сказал торговец призраками, указывая на трех морских коней, скользящих по воде.

Соледад первой кинулась в прибой навстречу гиппокампусам. Морские кони остановились, не доплыв до берега. Здесь было достаточно глубоко, чтобы предоставить животным место для их длинных рыбьих хвостов. Теперь они наклонились, будто почуяв, что с кораблей им угрожает опасность.

Немного погодя Соледад, Уокер и торговец призраками сидели в седлах. Они позволили морским коням развернуться и двинулись в открытый океан. Торговец держал свое животное рядом с двумя остальными.

— Думается мне, было бы неправильно возвращаться теперь в Элениум.

Соледад удивленно взглянула на него. Втайне она думала о том же, но не осмеливалась высказать свои мысли вслух. Она защищала престол своего отца и была законной предводительницей пиратов, независимо от того, соглашался ли с этим Кендрик. Ее место было

рядом с флибустьерами. Нападение на Каракас представляло собой плохой план в неудачный момент, и ее задача заключалась в том, чтобы помешать этому предпрятию. Но в то же время она чувствовала приводившее ее в смущение обязательство перед Джолли и остальными. Она была теперь частью этой группы, хотела она того или нет.

В тусклом свете луны Уокер переводил взгляд с одного своего спутника на другого.

— Я знаю, что вы планируете, но спрашиваю себя зачем.

— Давайте тайно последуем за Тироне, когда он будет возвращаться на базу, — сказал торговец призраками. — Мы послужим делу Элениума лучше, если сорвем его планы.

— Ты это тоже чувствовал, не так ли? — настороженно спросила Соледад. — За этим скрывается больше, чем можно увидеть невооруженным глазом.

Торговец призраками кивнул.

— Я это чувствовал, когда он стоял там, наверху, и говорил с капитанами. Слова-то были его, а вот план... не уверен я в этом.

— Думаешь, Тироне служит Гибельному повороту? — спросил Уокер.

— Мы это выясним.

— Хорошо, — сказала Соледад. — Согласна.

Уокер кивнул. Вероятно, он последовал бы за ней прямо в Море Тьмы. Это пробудило в ней чувство вины, но также и совершенно но-

вый, неожиданный порыв — нечто большее, чем только благодарность за то, что он остался с ней.

— Если «Квадрига» снимется с якоря, — сказал торговец, — мы пойдем за ней.

Уокер перевел свирепый взгляд с него на Соледад.

— Вы знаете, куда это нас приведет?

Соледад погладила затылок своего морского коня, будто таким способом могла и сама обрести мужество.

— Да, — промолвила она, — в самое сердце царства каннибалов.

Старые друзья

— Я не понимаю, — сказала Джолли и посмотрела на воды Карибского моря, которые сверкали в утреннем тумане, как матовое серебро. Ее преследователь уже несколько дней как бесследно исчез. — На мосту Агостини что-то произошло, чего я не понимаю.

Древесный червь сидел в рюкзаке, как улитка в своем домике. Может быть, даже он чувствовал глубокое беспокойство, охватившее Джолли.

— Никто в Элениуме не смог объяснить мне. Ни Мунк, ни торговец призраками, ни даже прародитель. — Она наморщила лоб. — Может быть, никто и не желал ничего объяснять?

Девочка стояла на носу «Карфакса», положив руку на поручень, будто прохладное дерево под пальцами помогало ей воспринимать мир вокруг как действительность, а не как очередную иллюзию. Теперь каждую ночь ей снился черный океан, точно она все ближе подходила к Морю Тьмы, хотя с каждой морской милей все больше удалялась от него.

— Гибельный водоворот — это ворота в Море Тьмы. Их надо закрыть. Но как быть с мостом, который Агостини?.. Мы с Гриффином

были на той стороне. Мост был похож на ворота. Если их так просто открыть, почему Гибельный водоворот столь важен?

— Ну, — проговорил червь своим ворчливым тоном, — не так уж много я и знаю о Море Тьмы.

— Неправда! Ты рассказывал об этом больше, чем торговец призраками, во всяком случае, пока мы не прибыли в Элениум. Ты знал даже о Шорфеншрунде!

Она бросила взгляд через плечо на штурвал, где стоял Буэнавентура. Постепенно Джолли начинала сомневаться в том, что человеку-собаке хоть когда-нибудь нужен сон. Немногие паузы, которые он себе позволял, Буэнавентура проводил в дреме, всегда настороже, бдительно прислушиваясь к каждому порыву ветра, к каждому необычному скрипу досок. Уже не один день казалось, словно он и корабль срослись друг с другом. Буэнавентура был здесь, чтобы защищать Джолли, но его заботил и «Карфакс», как старый, полюбившийся друг.

— Ну, давай, — вызывающим тоном обратилась Джолли к червю, — поговори со мной!

— Итак, мост, — пробормотал он, вздыхая и то поднимая, то опуская свою голову, будто его выманил из мешка факир с помощью флейты. — Ты сказала, что на мост напали клабаутеры. Но они отступили, когда появились солдаты Элениума и подожгли сооружение Агостини. Верно?

Джолли кивнула.

— Не кажется ли это странным? Клабаутеры повинуются приказу Гибельного водоворота. А он, в свою очередь, служит Морю Тьмы. Так почему же нужно нападать на собственное строение или даже приказывать разрушить его?

Джолли наморщила лоб:

— Понятия не имею.

— Ну, — протяжно проговорил червь, — потому, что мы, чего доброго, обманывались. Может быть, Гибельный водоворот преследует теперь совсем другие цели? Свои собственные.

— Но ведь мост — это ворота.

— А почему они не открываются так просто? До сих пор мы предполагали, что Гибельный водоворот, возможно, слишком слаб для этого. Но почему же он командует тысячей клабаутеров и творит зло везде, где только может? Я предполагаю нечто другое: мост по какой-то причине стал опасен. И поэтому он приказал напасть на него.

— Ты и вправду думаешь, что это он напал на мастеров?

— Вправду. Он должен быть освобожден от порабощения мастерами. Это единственное объяснение действий клабаутеров. А может быть, он осознал собственную силу. Почему он должен делить ее с мастерами, если он самый сильный в этом мире? Он мог бы сам превратиться в господина над всем.

Высказав такое предположение, червь поставил с ног на голову все предположения, которые Джолли сделала до сих пор. Но только так все сказанное и обретало какой-то смысл.

— Тебя ждут, — буркнула она вполголоса. Червь высунулся немного дальше из рюкзака. — Что, простите? — раздраженно спросил он. Джолли отбросила с лица прядь волос. Ветер посвежел, и «Карфакс» явно прибавил скорости.

— Так сказал торговец призраками, когда стоял с нами на мосту. Так и сказал: «Тебя ждут».

Джолли отошла от поручней и начала возбужденно мерить шагами палубу. Как же раньше она не додумалась? Речь шла о кваппах. В конце концов, речь всегда шла о кваппах.

— Мост не был предназначен для мастеров, — громко сказала она. — Агостини построил его для меня. Он должен был привести меня в Море Тьмы.

Червь задумчиво кивнул.

— Что-то похожее я уже и зарифмовал, — сказал он рассудительно.

Джолли остановилась перед ним.

— Какой интерес у мастеров именно ко мне? — спросила она. — Что это они не дали приказ убить меня? В конце концов, я их враг.

Червь немного раздвинул край рюкзака.

— Ты-ы? Их смертельный враг?

Джолли хотела ответить, когда над палубой прогремел голос Буэнавентуры.

— Земля! — крикнул он с мостика. — Джолли, перед нами берег!

На горизонте ясно виднелась цепь возвышенностей. Суша. Где-то там, вдалеке, устье

Ориноко и, вероятно, еще один след к Бэннону и людям с «Тощей Мэдди».

Джолли заставила себя забыть о мосте, Море Тьмы и словах червя. Теперь надо было сконцентрироваться на том, что находилось перед ней.

— Все в порядке? — спросил Буэнавентура.

— Да... да, — сказала она неуверенно и подумала, что ничего не было в порядке. Только теперь Джолли осознала, что совершила ужасную ошибку. Своим бегством из города на морской звезде она предала всех — жителей Элениума, своих спутников и прежде всего Гриффина. Перед ее внутренним взором предстало его лицо, и на сей раз оно с такой силой закрыло все остальное, что Джолли скорчилась от боли и тоски.

Червь сказал что-то еще, но она не слышала слов и посмотрела сквозь него.

— Джолли!

Это был Буэнавентура.

Она взяла себя в руки и повернула голову в его сторону.

— Что?

— Мы больше не одни. Там, за нами, на горизонте...

Она пулей пронеслась между многочисленными призраками, недостаточно быстро отступившими в сторону, вспрыгнула по ступенькам, которые вели на мостик, и напряженно взглянула через поручни. За ней вспорхнули два попугая и уселись на перила по обе стороны от нее.

Вдалеке возник корабль с многочисленными и очень большими парусами.

— Похож на испанский фрегат!

Буэнавентура молчал. Но через несколько минут, когда стало ясно, что преследователь гораздо быстрее их и подходит все ближе, при взгляде назад его собачьи глаза сузились.

— Это «Квадрига», — проговорил он. — Корабль Тироне.

— Доберемся ли мы до берега быстрее них? — спросила Джолли, хотя и знала ответ.

Буэнавентура покачал головой, его изогнутые уши затряслись.

— Нет. Если они захотят нас остановить, они сделают это.

Джолли отдавала команды призракам на борту корабля. С быстротой молнии у орудий, приготовленных к стрельбе, встала прислуга. Загорались факелы, заряжались ружья, железные ядра катились и с грохотом занимали позиции.

— Нет смысла, — сказал Буэнавентура, и Джолли впервые заметила странный оттенок его голоса. Человек-собака боялся — но не за себя, а за нее. И еще за свой корабль. Она еще никогда не видела его таким неуверенным, и это ужасало ее куда сильнее, чем появление «Квадриги».

— Ты не хочешь бороться? — растерянно спросила она.

— Я этого не сказал. Но это бессмысленно. «Квадрига» — военный корабль, у которого в три раза больше орудий, чем у нас. И если они захотят взять нас на бордаж, то едва ли нам помогут призраки.

Втайне Джолли знала, что он прав. Но она не была готова согласиться с этим. Так близко от... да, а от чего же? От ее цели? Но какова была вообще ее цель?

— Джолли, — сказал Буэнавентура, — принеси сюда червя.

Она побежала на нос, принесла рюкзак с селюющим червем и положила его на мостик. Буэнавентура крепко привязал его к спине.

— Втяни голову, о бриллиант поэтического искусства!

— Не найдется ли у кого-нибудь умения вести себя так, чтобы объяснить мне... — Червь онемел, увидев корабль, который шел в их кильватере на расстоянии каких-то ста шагов. — О-о, — простонал он и, не промолвив ни слова более, забился в рюкзак.

— Джолли, я хотел бы, чтобы ты ушла в трюм.

Она уставилась на человека-собаку.

— Да уж конечно нет!

— Сделай, пожалуйста, что я сказал!

— Только я и могу командовать призраками. Тебя они не послушают. И, кроме того, я вовсе не думаю о том, чтобы уползти.

Червь едва-едва высунул свой защитный козырек.

— Уползти — не такая уж плохая идея.

— Я остаюсь! — сказала она Буэнавентуре.

— А что, если они прицелятся в тебя?

Она задумалась. Возможно ли это? Чем могла она заинтересовать короля каннибалов?

— Я не пойду в трюм.

Буэнавентура издал сопение, которое у обычного человека, конечно же, было бы глубоким вздохом.

— Тогда спрячься по меньшей мере за ящиками на главной палубе.

Позади них однообразный шум моря был прерван громом пушек.

— Боже ты мой! — проскулил червь в глубине своего рюкзака. — Они стреляют в нас!

— Это предупредительный выстрел, — сказал Буэнавентура. — Они хотят, чтобы мы легли в дрейф. — Его правая бровь поползла вверх по заросшему шерстью лбу. — Ну, капитан Джолли?

— Делай, что считаешь правильным.

— Тогда лучше исчезни сейчас.

Она прыгнула по ступенькам, ведущим на палубу, и позади ящиков попала в укрытие, находившееся поблизости от грот-мачты.

— Приготовиться к стрельбе! — крикнула она призракам.

Когда Джолли увидела, как Буэнавентура кивнул ей с мостика, она скомандовала лечь в дрейф. «Карфакс» замедлил ход.

Несколько позже в поле зрения Джолли с бакборта оказалась «Квадрига». Девочке пришлось втянуть голову в плечи, чтобы остаться незамеченной.

— Эй, на «Карфаксе»! — крикнул кто-то.

Джолли не осмелилась поднять голову. На корабле вроде «Квадриги» команда была куда более ста человек, и столь же много пар глаз устремились в этот момент на палубу «Карфакса». Риск оказаться обнаруженной был слишком велик.

— Эй, на «Квадриге»! — ответил человек-собака.

Последовала долгая пауза, во время которой Джолли спросила себя, не обнаружил ли Буэнавентура на том корабле нечто такое, что лишило его дара речи.

А затем человек-собака наконец закричал:

— У нас на борту нет груза, если вы имеете в виду то, на что нацелились.

— Командир Тироне желает знать, нет ли у вас на борту молодой девушки.

Как бы там ни было, Джолли поняла, что это голос не самого Тироне. Но он показался ей знакомым. Откуда — было трудно сказать, пока незнакомец вопил в пространство между двумя кораблями и ветер искажал слова.

Буэнавентура издал лающий смешок.

— Командир Тироне? Он что, сам себя произвел в это звание?

— Отвечай, собака!

— На борту «Карфакса» нет детей! — злобно выкрикнул человек-питбуль.

— Мы бы сами охотно убедились в этом.

— Вы хотите взять нас на абордаж?

Джолли немного передвинулась, так что смогла смотреть на мостик. Левая рука Буэна-

вентуры покоилась на штурвале, но правая держала заряженный пистолет. Что-то было не так. Он вел себя иначе, чем обычно, — гораздо сдержаннее. Делал ли он это только для того, чтобы не раздражать команду «Квадриги»?

— Мы и вправду возьмем вас на абордаж, если не получим разрешения на дружеский визит, — крикнул голос.

— Важное слово, которое ты, предатель, легкомысленно используешь!

Предатель? Что, черт возьми, там происходит? Проклятие, ей надо видеть, почему Буэнавентура ведет себя так странно. Очень медленно она поднялась между ящиками и посмотрела в сторону левого борта.

Поручни «Квадриги» были выше поручней «Карфакса» на человеческий рост. Уставившись на их палубу, там наверху стояли десятки фигур. Все они носили пеструю наскоро скроенную одежду карибских пиратов, даже если некоторые из них и были туземцами. Джолли избегала взглянуть кому-либо из них в лицо. Широкими шагами она перешла к трапу и двинулась на мостик.

— Джолли, тебе бы не...

— Это мое решение, Буэнавентура. Иначе они потопят «Карфакс».

Он вздохнул, и вздох этот звучал почти как скулеж.

— Мне жаль.

Только повернувшись к мостику враждебного корабля и увидев, кто стоит там, наверху, она поняла, что имел в виду человек-собака.

С криком она отпрянула назад. Это было похоже на удар головой о невидимую стену.

— Мне правда жаль, — повторил Буэнавентура.

— Джолли, — крикнул мужчина, — здорово снова увидеть тебя!

Она не смогла ответить. Ее словно парализовало.

— Бэннон?

Капитан одарил ее сияющей улыбкой, которую она так в нем любила. Его волосы цвета соломы развевались на крепком бризе, а белая куртка раздувалась на ветру, как парус. На капитанской груди висел серебряный амулет. Его подарил Бэннону отец, первый канонир на борту капера, служивший, прежде чем был повешен в порту Маракайбо, английской короне. Когда-то Бэннон хотел передать амулет Джолли — по крайней мере, он всегда говорил об этом. «Когда-нибудь он будет принадлежать тебе».

— Но... как же так? — Она говорила так тихо, что слова не долетали даже до Буэнавентуры.

Человек-собака опустил взгляд. В его глазах горели в равной мере гнев и сочувствие.

— Джолли, поднимайся к нам, — крикнул Бэннон. — Нам тебя не доставало. Посмотри-ка, все здесь!

Ее взгляд пробежал по лицам, рассматривавшим ее с борта «Квадриги» — кто с улыбкой, кто серьезно. Она узнала едва ли не каждого третьего. Там был Тревино, кок с «Тощей

Мэдди», делавший татуировку на ее спине; Христофор, штурман; Абаркес, с которым она впервые в жизни попала на марс; Длинный Том, не уместившийся ни в одну подвесную койку и сшивший для себя из трофейной парчи койку большего размера; Рыжий Дойл; старый Сэм Грини; Гилфойл и черный Гигант Мабуту; немой немец Каспар Розенбеккер; Лэммонд и Ленард, лучшие канониры, а также Сарагоса, клявшийся всем на свете, что он не испанец.

Все узнали Джолли, и кое-кто еще, кроме них.

Она глубоко вздохнула. Она желала этого сильнее всего — вновь обрести Бэннона и свою команду. Но то, что она себе представляла и за что отдала бы столь многое, пусть даже и не все, уж никак не было таким свиданием.

— Что... что вы делаете на этом корабле? — крикнула она, и ее голос не прозвучал и наполовину так твердо, как она себе представляла. — Я видела пауков... и... — Она снова онемела. Глаза внезапно наполнились слезами. Джолли надеялась, что в отдалении никто этого не заметил.

— У нас все хорошо, Джолли, — ответил Бэннон. — Поднимайся на борт «Квадриги», и я все тебе расскажу.

Она беспомощно оглянулась на Буэнавентуру, который едва заметно покачал головой. Почему, черт возьми, он ничего не сказал?

— Что вы делаете на «Квадриге»? — Она была слишком взбуредана, чтобы услышать

ответ. И ей было нужно время. Чтобы поразмыслить, чтобы взвесить, чтобы... Внезапно она перестала понимать что бы то ни было. Ее охватили сомнения в том, могла ли она вообще принять решение, даже если и часами ломала голову над этим.

Но часов-то у нее и не было, не было даже минут.

За спиной Бэннона появился человек в черном, который был выше пирата едва ли не на голову. Его череп был гладко выбрит до длинного черного конского хвоста, который он тщеславно переложил вперед через правое плечо. Лицо незнакомца украшали узоры, и с его ртом было нечто такое, чего Джолли не могла в отдалении толком разобрать. Точнее, с его звуками.

Бэннон и Христофор отошли в сторону, чтобы освободить место у поручня.

— Мы очень тронуты этой сердечной встречей, — сказал он таким тоном, который уличал его во лжи. — Но мы тратим попусту время. Или ты, девушка, добровольно придешь сюда, или я пришлю кого-нибудь, кто тебя приведет.

По его знаку с главной палубы «Квадриги» на «Карфакс» перебросили доску.

— Да поторопись! — крикнул он Джолли. — Я так много слышал о тебе, что хотел бы сам познакомиться с тобой.

— Это Тироне, — шепнул Буэнавентура. — Король каннибалов с Ориноко.

Так это был человек, много лет назад отрубивший матери Мунка безымянный палец и

разорвавший ей мочки уха из-за того, что она недостаточно быстро сняла свои украшения, человек, о котором рассказывали, что он командовал тысячами каннибалов и внушил им уважение делами, жестокость которых ввергла в ужас даже самые кровожадные племена с берегов Ориноко.

Но больше всего Джолли потрясла покорность, с которой Бэннон встретил Тироне. Появление каннибала на мостике заставило застыть всех, и Бэннон, который никому не давал спуска, вел себя по отношению к нему, как юнга.

Именно это наблюдение и освободило Джолли от ее состояния. Ее цель — найти Бэннона и остальных, а при необходимости и вызвать их из когтей мучителей — развеялась, как дым, оставив в душе пустоту. Пустоту, которая постепенно наполняла ее пониманием того, что ей нельзя находиться здесь. Ее место не рядом с Бэнноном, который ее предал. А рядом с настоящими друзьями — Гриффином, Соледад и Уокером и... да, и Мунком тоже.

Еще раз она взглянула на Буэнавентуру и на сей раз вынуждена была понять, что происходило в его душе. Он снова кивнул ей.

«Нам еще нужно время?» — спросила она себя.

Нет, призраки находились на местах. Пушки были готовы к стрельбе.

— Пусть так и будет, малышка! — сказал Тироне. Ему не надо было кричать, чтобы преодолеть расстояние, как это делал Бэннон. Он

говорил совсем спокойно, будто они стояли друг против друга, и она понимала его без всякого усилия. Его голос без труда наполовину уменьшал расстояние между ними. — Мы направили на вас целый борт с орудиями, — спокойно добавил он.

— Джолли, — крикнул Бэннон, — будь благодарна.

— Ты еще помнишь, чему учил меня? — ответила она дрожащим голосом. — «Никогда не признавай себя побежденной». Ты много раз повторял это, Бэннон. «Не сдавайся, кто б ни был твоим противником и как бы ни были малы твои шансы.

— Шансов нет, — отрезал Тироне. — У тебя их нет.

Между кораблями было примерно пятнадцать футов, и наклонная доска, соединявшая их друг с другом, громко скребла по поручням. Множество людей на борту «Квадриги» держали в руках абордажные крючья на канатах, которые они по приказу Тироне готовы были перебросить. С помощью этих крючьев корабли прочно пришвартовались бы друг к другу, так что пираты безопасно могли переходить с одного судна на другое.

Как только крючья вонзались в борта, открывать огонь было поздно. Даже и теперь корабли находились слишком близко для огневого боя, и Тироне с Бэнноном должны были понимать это. Если бы ядро попало в кюйт-камеру «Карфакса», взрыв, пожалуй, был бы достаточно силен, чтобы серьезно повредить и «Квадригу».

Замыслил ли Тироне с помощью блефа обвести ее вокруг пальца?

— Командир дал нам противоядие, — сказал Бэннон и в первый раз не обратил внимания на взгляд, брошенный на него Тироне. — Он спас нас. Он ничего не сделает и тебе, Джолли. Не забудь, мы ведь пираты — и ты тоже! Мы всегда на стороне того, кто обещает нам богатую добычу. Так всегда бывало в нашем деле.

— От тебя, Бэннон, я научилась тому, что пиратство — нечто большее, нежели просто дело. — Джолли печально покачала головой. — Что же касается противоядия, может быть, он вам его и дал. Но ведь именно он и заманил «Мэдди» в ловушку. Не правда ли, Тироне? Галион с пауками — твоя идея?

— Конечно. — Король каннибалов холодно осклабился. Его лицо выглядело ни дать ни взять как морда голодного хищного зверя.

— Кто поручил тебе поймать меня?

Король каннибалов наставил костлявый указательный палец на Джолли.

— Я здесь не для того, чтобы болтать с ребенком! Или ты сейчас же переберешься сюда, или мои люди приведут тебя силой.

— Это Гибельный водоворот, Тироне? — Колени Джолли дрожали, но с палубы «Квадриги» этого никто не мог увидеть. — Скажи, кому ты служишь!

Бэннон наморщил лоб, но не рискнул посмотреть на Тироне.

— К делу, парни! — крикнул король каннибалов. — Приведите ее сюда!

Но Джолли была проворнее. Прежде чем просвистели первые абордажные крючья, она прыгнула к малокалиберному оружию на мостике «Карфакса», с помощью призрака решительно ухватила за пушку и направила ее прямо на Тироне. Аршинный ствол оружия был смонтирован на поворотном шарнире и со скрипом заскользил по кругу. Джолли выхватила факел у призрака и приставила его к отверстию, через которое в ствол всыпали порох.

На мостике «Квадриги» одновременно раздался крик нескольких человек. Все кинулись в разные стороны, подался назад и ошеломленный Тироне. Он хотел бы как следует рассчитаться, но не так, чтобы Джолли, ребенок, как он ее назвал, перешла к нападению.

— Дай-ка им жизни! — свирепо рявкнул Буэнавентура и круто повернул штурвал.

Сотрясение, вызванное пушечным выстрелом, едва не вырвало правую руку Джолли из плеча. Ее отбросило, и волна ударила ей в лицо, как пощечина. Какой-то миг дым заслонял ей все, по щекам катились слезы, хотела она того или нет.

С вражеской палубы донеслись пронзительные крики, но в дыму не удавалось увидеть, поразила ли она короля каннибалов.

Джолли не ждала, а отдавала команды, как когда-то научилась у Бэннона. «Карфакс» набирал ход.

— Они разобьют нас вдребезги, — ожесточенно бросил Буэнавентура, — но об этом дне еще долго будут вспоминать.

В первый момент Джолли не поняла, что имел в виду Буэнавентура. Но при следующем взгляде на «Квадригу» ей стало ясно, о чем шла речь. Поручни мостика почти исчезли из виду. Ее выстрел пробил широкую брешь в досках и разбил каюту, располагавшуюся под ними. Люди падали в это отверстие и оказывались теперь палубой ниже. Она узнала Бэннона, мрачно уставившегося на нее, — то ли с яростью, то ли с жалостью, потому что он знал: она подписала себе смертный приговор.

Где Тироне?

Несколькими секундами позже она увидела его. Он собрался с силами посреди обломков и стер кровь с лица. Уж наверняка не свою собственную, потому что совсем скоро он стоял, широко расставив ноги, грубо расталкивал валявшихся вокруг раненых и проталкивался в брешь, которую меткий выстрел Джолли проломил в его мостике.

Он что-то крикнул в ее сторону, но она не разобрала что.

Бэннон по-прежнему стоял у края пролома, опираясь на расщепленный деревянный кол, и качал головой. Он знал, что могло бы произойти теперь, но, прежде чем Джолли сумела понять, обозначилась ли на его лице печаль или по меньшей мере сочувствие, между кораблями появилось облако дыма.

У нее не осталось времени, чтобы проследить за реакцией своих прежних друзей, всех тех мужчин, которые растили ее, будто она была их дочерью. Вместо этого Джолли вытерла

слезы, проглотила свою боль и повернулась к Буэнавентуре.

— Они нас потопят, — сказала она деловым тоном.

— Да, — ответил он в высшей степени спокойно. — Но дело того стоило. Почти что.

Только теперь его губы растянулись, превратившись в печальную усмешку. У него была голова собаки, но выглядел он человечнее, чем король каннибалов.

Молниеносно на ум ей пришел Уокер. «Карфакс» был кораблем его матери, первой пиратки Карибского моря. Этот шлюп был ее подарком на память, ее завещанием. В капитанской каюте стояла даже урна с ее прахом.

Все это Джолли поставила на кон — и проиграла.

— Мне... — начала она, но пушечный гром заглушил ее слова.

«Карфакс» содрогнулся, и Джолли не устояла. Ядра разорвали паруса, и не прошло и мгновения, как воздух оказался полон железа. Разорванные канаты хлестали вокруг, как змеиные тела. Щепки дождем падали на мостик и палубу. Фок-мачта рухнула, как срубленное дерево, и призраки слились в туманный вихрь, который, казалось, был везде и все-таки не мог помешать гибели шлюпа.

— Джолли! — крикнул Буэнавентура, все еще державший штурвал. — За борт! Быстро!

— Без тебя — нет.

— Хватит тебе спо...

Клубы дыма поднялись к мостику и закрыли его. Откуда-то вырвался огонь, вероятно из орудий. Снова ударили пушки, на сей раз за ними последовали новые взрывы.

«Карфакс» пошел ко дну. Он кричал, охал и стонал, как умирающее животное, когда его доски и мачты вздыбились в последний раз. Джолли ощупью добралась до штурвала, но колеса не было. Вместо него зиял глубокий пролом, символизировавший опустошение.

— Буэнавентура!

Она панически оглянулась вокруг, но нигде не смогла его увидеть.

— Буэнавентура!

Нос наклонился вперед. Вода шумела и плескалась, когда корма поднялась из волн. Каждую минуту корабль мог разломиться на две части.

— Скажи же хоть что-нибудь!

Но ответа не последовало — ни от человека-собаки, ни от червя. Обоих не было.

Она хотела погибнуть с «Карфаксом». Она одна была виновата во всем, что случилось. Если оба мертвы, то и она хотела умереть.

— Джолли!

Кто-то позвал ее по имени. Бэннон? Тироне? По ту сторону стены дыма нельзя больше было увидеть «Квадригу».

— Джолли! Здесь, внизу!

Может быть, она только вообразила себе эти слова. Шум вокруг нее был оглушительным. Корабль под ней вздыбился, повсюду

трескалось дерево, и ей пришлось уклоняться от остатков такелажа, чтобы не запутаться в них. Тем не менее она снова слышала:

— Джолли! Прыгай!

Последним усилием воли она вспомнила то, чему научилась в Элениуме. Теперь корма оказалась под таким крутым углом, что Джолли пришлось отчаянно бороться против покатости, чтобы добраться до поручней. Когда она оказалась наверху, перил уже не было, вместо них остался ряд расщепленных деревянных обломков.

Джолли кинулась в воду. С вытянутыми руками она головой вперед упала вниз. Это был единственный шанс, иначе ее, головастика, размозжило бы о поверхность.

Она пробилась через волны и оставила за собой шлейф из пузырьков воздуха. Шум вокруг нее будто отрезало одним ударом. Джолли не знала, как глубоко она скользнула, пока не вспомнила о своих руках и ногах и не начала барахтаться. Вокруг нее был тусклый голубовато-серый свет, взвихренная вода, обломки, штопором низвергавшиеся вглубь.

А затем началось убийственное расслоение.

Совсем рядом с ней, на расстоянии менее трех человеческих ростов, в море погружался «Карфакс». Когда трескавшийся, лопавшийся корпус целиком оказался под водой, остановиться он уже не мог. Пустые пространства внутри корпуса наполнились в мгновение ока. В хаосе канатов, обрывков парусов и осколков, острых, как нож, обломки пошли вниз, увлекая за собой все, что можно.

Джолли отчаянно боролась против кильватерного потока, хотя она и могла дышать под водой, а когда хотела, ее руки разделяли струи, как воздух. Но она ничего не могла поделать с силой тонущего корабля. Она видела, как свет над ней блек с неистовой быстротой. Глубина невидимыми пальцами вцепилась в ее одежду, в ее тело.

Джолли кинулась вниз, наполовину на спине, почти горизонтально, повернув лицо кверху и вытянув руки, будто над ней было что-то, за что она могла держаться.

Но там ничего не было.

Только пустота и все более слабый дневной свет.

Ткущие воду

Джолли несла струя. Вокруг нее царила единообразная серость, которой она была обязана взгляду головастика. Он еще четче показывал безвыходность низвержения в бездну.

Не утони Джолли, она была бы, чего доброго, погребена под развалинами. Или, может быть, ее проткнуло бы острие мачты. Странно, что она могла думать с такой ясностью. Вероятно, она была первой жертвой кораблекрушения, осознанно воспринявшей свое низвержение в глубину, так что паника не лишила ее разума. Обломки «Карфакса» погружались быстрее, чем она; они были где-то под ней, закутанные в оболочку из пузырьков воздуха.

Она смогла изменить свое положение внутри струи и перевернуться вниз лицом, но не сумела ускользнуть от той силы, которая беспощадно тащила ее вниз. Она следовала за обломками корабля, как гвоздь, притягиваемый магнитом.

Какая здесь глубина? Пятьсот футов? Пять тысяч? Нет, уж конечно не так глубоко, слишком близко от берега все это происходило.

Во время падения она не видела рыб. Они уклонялись от колосса, который вторгся в их

царство. Позже, когда «Карфакс» ляжет на морское дно, они рискнут приблизиться, исследовать обломки и, чем дальше — тем больше, включать их в свой мир. Мурены устроят гнезда в расщепленном корпусе, водоросли покроют доски, а раки пойдут на охоту в трещины и щели. Когда-нибудь бесформенная гора станет неотличима от окрестностей, будет опутана растениями, наполовину погребена под песком и илом.

Эти картины за секунды пронеслись в уме Джолли, вспыхнули и потухли. Ей казалось, что струя теперь немного ослабла. Поток пузырей иссяк, и теперь она снова могла видеть под собой разрушенный корабль, опутанный швартовыми, похожими на волны, и раздутыми полотнищами парусов.

И слышать она тоже могла! Ее уши все быстрее привыкали к новому окружающему миру. Когда Джолли ныряла с Мунком, они могли беседовать друг с другом. Но она была слишком возбуждена, чтобы воспринимать собственные шумы подводного мира.

Пословица утверждает: «Нем как рыба». Как бы не так! Джолли слышала какофонию звуков: свист, писк и звуки вроде птичьего щебета, вот только щебета-то и не было, вместо него — голоса рыб, которые должны были находиться где-то вне ее поля зрения.

До нее доносился и треск. Давление воды расплющивало деревянные внутренности корабля. Давно уже оно должно было раскрошить каюту с воспоминаниями Уокера о его матери.

И снова Джолли почувствовала такой резкий укол в грудь, что ей показалось: обломок вонзился в ее тело. Но боль вызвала лишь ее нечистая совесть. Уверенность в том, что она виновата.

И она все еще падала.

Теперь она заплакала — рядом не было никого, перед кем ей надо было бы притворяться. Да и без того слезы представляли собой одно целое с морской водой. Джолли не надо было их вытирать, она видела все так же ясно и остро, будто находилась на поверхности.

Ежесекундно она ожидала столкновения, которое из-за скорости несшего ее потока, вероятно, переломало бы ей все кости. Она не утонула бы, не была бы раздавлена, а просто — на просто осталась бы лежать там, внизу, неспособная пошевелиться. О господи, она была бы первым человеком, умершим от жажды на морском дне.

Внезапно ее подхватила другая струя. Она выдернула Джолли из жестких объятий первой и отнесла в сторону гораздо быстрее, чем прошлый раз — будто Джолли скользила по узкому туннелю. Может быть, она потеряла сознание на миг, а может быть, даже на несколько часов. Или только зажмурилась?

Когда Джолли снова открыла глаза, она оказалась на другом месте.

Она только что видела под собой «Карфакс». В следующее мгновение, однако, корабля не стало. Исчез и поток обломков. Теперь Джолли видела под собой морское дно, серую пустыню,

напомнившую ей Шорфеншрунд. Но это не мог быть он. Джолли находилась на расстоянии в сотни морских миль. Грезил ли она? Был ли это ее первый шаг в потусторонний мир? Может быть, она уже умерла?

На высоте примерно пятидесяти футов над дном Джолли взяла свое падение под контроль, остановилась и осмотрелась. Внизу виднелось нечто, сбившее ее с толку: три темные точки на сером песке в форме равнобедренного треугольника. Потом она различила фигуры. На дне спиной друг к другу сидели три старухи с длинными седыми волосами, которые на затылке каждой разделялись надвое и переплетались с волосами соседок так туго, что нельзя было понять, где кончались волосы одной и начинались волосы другой. Три женщины сидели на низких скамеечках, перед каждой стояла самопрялка. Джолли потеряла глаза. Но сомнениям не оставалось места.

Теперь Джолли парила над ними на высоте в четыре человеческих роста. С одной стороны, она все еще оставалась настороже, с другой — была так зачарована необычным зрелищем, что не могла оторваться от него.

Почему они сидят друг к другу спиной? Почему связаны друг с другом волосами? И что, черт возьми, потеряли они здесь, внизу?

— Привет тебе, юный головастик, — сказала одна из старух, не поднимая головы.

Джолли не могла понять, какая из женщин заговорила с ней.

— Что... что это? — неуверенно спросила она и сразу показалась себе ограниченной и наивной. Увиденное, должно быть, галлюцинация, цель которой в том, чтобы облегчить ее смерть.

— Ты не умрешь, — подхватила другая.

— Во всяком случае, пока не умрешь, — добавила третья.

Джолли переводила взгляд с одной женщины на другую, но не могла определить, кто из них говорит.

— Где «Карфакс»? — спросила она немного более уверенно.

— Далеко.

— А может быть, не так уж и далеко.

— Все зависит от точки отсчета.

Джолли колебалась, опускаться ли ей ниже. Когда, однако, ей стало ясно, что эта беседа не приведет ни к чему, пока она не посмотрит в глаза старухам, она преодолела робость и скользнула в сторону, чтобы не оказаться в центре треугольника.

Едва ее ноги коснулись дна, взметнув песок, раздался чей-то голос:

— Осторожно, дитя! Не наступи на пряжу!

Пряжа? Она присмотрелась и обнаружила, что дно покрыто чем-то вроде сети. Бесчисленные нити сплетались в плотную ткань. Они появлялись отовсюду и заканчивались у самопрялок, на которых работали старухи.

— Что это? — Девочка присела и протянула руку, чтобы коснуться одной из нитей толщи-

ной в палец. Она почти не сомневалась, что ей не позволят сделать это, но ошиблась.

Мурашки побежали по ее кисти, поднялись выше по руке и прекратились так же быстро. Нить была мягкой, и гладкой, и прозрачной, как... Вода?

И действительно, старухи пряли из водной пряжи.

— Магия, — сказала одна из них. — Ты и сама догадалась бы, не правда ли?

Джолли удивленно посмотрела по сторонам.

— Это магические жилы?

— Мы называем это пряжей, — сказала та, что сидела ближе к девочке. При этом ее губы едва двигались.

— Но это одно и то же, — добавила другая.

— Кто вы? — спросила Джолли.

— Ткачихи.

«Да это я вижу. Но я хочу спросить... что вы делаете здесь, на дне?»

Она уже знала ответ, прежде чем услышала его:

— Мы прядем пряжу.

— Мы ткем сеть.

— А чего вы хотите от меня? — Джолли теперь не сомневалась в том, что ее пребывание здесь не случайность.

— Мы наблюдали за тобой.

— За тобой и другими кваппами.

— Это вы создали нас? — Джолли снова посмотрела вниз, на магические водные жилы, которые, хотя и были окружены водой, не потеряли своей формы — будто были прочнее и

плотнее или обладали большей магической силой.

— Вас создала пряжа, — сказала одна из женщин.

— Не мы.

— Но это неважно.

— Пришло время узнать кое-что.

— Мы думали, что это тебе объяснят другие.

— Но никто этого не сделал.

— Вот мы это и сделаем.

Все трое кивнули и волосы между ними натянулись. Но ткачихи, казалось, не почувствовали боли.

Джолли медленно вошла в круг. Песок взметнулся со дна и за считанные секунды стер ее следы.

— Скажите, как называется это место?

— У него нет названия.

— Мы ткачихи.

— Мы работаем.

Джолли закусила нижнюю губу. Вместо того чтобы задавать вопросы, она принялась рассматривать женщин. Они носили длинные одежды, закрывавшие ноги даже тогда, когда они сидели, и, как и все остальное здесь, на дне, материал их одеяний был однообразного серого цвета. Длинные худые пальцы проворно и без лишних движений работали с самопрялками. Ни одна из троих не смотрела на Джолли, когда она проходила мимо. Они говорили по очереди, хотя разобрать, в какой последовательности, было невозможно.

— Ты создана из моря, маленький головастик.

— Из магии пряжи и силы воды.

Джолли застыла на месте. Про магические жилы она слышала в Элениуме. А здесь было место, где они рождались. У нее закружилась голова при мысли о том, сколько же силы здесь сосредоточено. Уже о Шорфеншрунде, где пересекались лишь немногие жилы, говорили, что он полон магической силы. Но здесь был исток, корень. И его творцами были три старухи. А значит, если понимать в буквальном смысле, то и творцами Джолли и Мунка.

«Нет, — возразила она самой себе. — Не меня они сотворили, а только магию головастика во мне». Но эта мысль не успокоила ее.

Кем были эти трое? Волшебницами? Ведьмами? Богинями? Или кем-то из потустороннего мира? Несколько мгновений спустя Джолли почувствовала, как близко к правде было ее предположение.

— Море — вот место, где зародилась жизнь, — сказала одна из ткачих. Ее пальцы плясали вокруг шпинделя и пряжи, как лапки насекомых. — Каждое животное, каждый человек берет начало в океане. В воде появились первые живые существа, и вода сделала их такими, какие они сегодня.

Джолли нетерпеливо кивнула. Что-то похожее она уже слышала. Не об этом ли рассказывал кок Тревино во время одной из своих лекций на тему «Бог и мир», которые он всегда читал, донельзя набравшись рому?

— Да и боги когда-то вышли из моря.

— Но не все же из этого моря.

— Не все из этой воды.

Джолли села на корточки перед одной из женщин, чтобы посмотреть ей в лицо. Теперь она не боялась, не чувствовала робости. Как звереныша, который сразу после рождения узнавал свою мать по запаху, так и Джолли внезапно охватило чувство глубокого доверия. Аура чудесного окружала трех ткачих как нечто такое, о чем она знала из сновидений.

— Не из этой воды, — повторила она, а потом ее глаза расширились. — Из Моря Тьмы? Вы говорите о нем?

— Из самого старого среди морей, — сказала женщина, сидевшая перед ней.

А другая продолжила:

— Из матери всех океанов.

И третья промолвила:

— Из отца всех вод.

Взволнованная, Джолли пыталась уловить смысл. Что это за разговоры о богах? Она ведь не верила и в одного бога, не говоря уже о многих.

— Все они жили.

— И они все еще живут.

— Но они больше не боги.

— Или то, что понимают под этим словом люди.

— Они стали такими же, как вы.

— Почти такими же, как вы.

— Они потеряли свою власть, как только создали все это.

— Этот мир стоил им их силы.

— Он высосал их дочиста.

— Но чтобы за ними из моря морей не последовал никто более сильный, они закрыли вход и бдительно его охраняют.

— На протяжении многих веков.

— Они оплакивали прежние дни своей власти. Чтобы оказаться ближе к воде, из которой родились, они обосновались в городе на море, который служил им убежищем и крепостью.

— Город, который не позволял пройти...

— Элениум.

Хотя Джолли и могла дышать под водой, на мгновение у нее от волнения сбилось дыхание.

— Вы хотите сказать, что жители Элениума... не люди? Они — боги?

— Не все.

— Некоторые.

— Они были слишком слабы, даже для того, чтобы делать самые простые дела. Многие погибли, исчезли.

— Как исчезает сон с первым лучом солнца.

— Никто не помнит о них.

— Они нуждались в помощи и через туман завлекали в Элениум людей. Людей, которые брали на себя выполнение их задач.

— У этих людей рождались дети. А у тех — свои. Поколение за поколением.

— Боги умирали, численность людей увеличивалась. Сегодня осталось совсем немного первых жителей.

— Прародитель? — прерывающимся голосом спросила Джолли.

— Старейший среди всех. Создатель.

Джолли подняла руки, будто бы могла таким способом отместить от себя то, о чем говорили ткачихи.

— Но прародитель — всего лишь старик, у которого много книг!

— Сейчас он такой.

— Но он был таким не всегда.

— Тогда у него было имя.

— Много имен.

— Но он всегда был одним и тем же. Создателем. Первым, кто вышел из моря морей и зажег свет во тьме.

Внезапно Джолли почувствовала давление воды, столб в ширину ее плеч и высотой во многие тысячи футов. Она бессильно опустилась на колени.

— Прародитель — это Бог? — спросила девочка.

— Это не Бог, а один из богов.

— Самый старший.

— А как же другие? — спросила Джолли. — Граф Аристотелес и д'Артуа, да и остальные...

— Все это люди. Усердные руки... Ум...

— ...ну а торговец призраками?

— Одноглазый.

— Вороний бог.

— Раньше его птицы носили другие имена. Одну звали Хугин, другую Мунин. В ту пору они были вóронами.

На мгновение воцарилась тишина, будто ткачихи поняли, что уже многое позабыли, что и их силы иссякли точно так же, как силы богов.

— Все равно, — сказала в конце концов одна из них.

— Все равно, все равно, — согласились с ней остальные.

— Но мастера Моря Тьмы, — проговорила Джолли, все еще пытаюсь добиться смысла, чего-то такого, что и она могла бы понять и постичь. — Мастера... злы!

— Что это значит?

— Кто это говорит?

— Прежде всего они молоды. И могущественны. Такие, какими были когда-то в бесконечно далекое время и боги этого мира.

— Они любопытны.

— Может быть, алчны.

— Или завистливы.

— Но злы? Что значит «злы», Джолли?

От внимания Джолли не ускользнуло, что ее первый раз назвали по имени. И она знала, что это значит, — ткачихи ожидали от нее ответа. Никакого бессмысленного повторения, ничего заученного наизусть, только ее ответа.

Что это значит — злы?

Ахерус убил родителей Мунка. Это было зло. Или нет? А было ли зло, когда испанцы убивали испанцев?

«Все дело в том, как посмотреть, — подумала Джолли, почувствовав себя при этом плохо, ощутив и свою вину. — Все дело в том, как посмотреть... Нет! — вдруг пронзило ее. — Убивать — это зло, все равно, по какой причине».

Но как могла она присвоить себе право осуждать, когда и сама участвовала в бесчисленных набегах и каперских походах?

— Если мастера Моря Тьмы не злы, — сказала она задумчиво, — то почему же мы боремся против них?

Ответом на вопрос было молчание.

— Почему? — спросила она еще раз и вскочила, собираясь схватить одну из женщин за плечи и встряхнуть ее.

— Таковы факты, — сказала одна из ткачих. — Создай сама свое мнение.

Джолли с большим трудом попыталась придать разумную последовательность всему, что слышала. Прародитель был рожден из воды Моря Тьмы. Он возжег свет, как говорили ткачихи, и создал этот мир. Мир Джолли. Из новых океанов возникла жизнь, появились другие боги, потом животные, а потом и люди. Когда боги, наконец, израсходовали свою силу и ослабли, они вернулись в Элениум, с помощью которого запечатали ворота в Море Тьмы. Они больше не были достаточно сильными для того, чтобы вкушать плоды своего творения, но они и не позволили этого никому другому. Они не были готовы делиться с силами Моря Тьмы, даже с прародителем. Ревниво стерегли они то, что принадлежало им, но защищали не человечество, а свои владения — как ребенок, который прячет от другого ребенка свою игрушку, даже если он уже больше не хочет играть ею.

Вот какой оказалась тайна Элениума — города богов. Кто-то уже исчез и был забыт, другие еще были живы, но стояли на пороге забвения.

Что означало это для Джолли? Для ее друзей? Для борьбы против Гибельного водоворота? Она была сбита с толку, поэтому и задавала вопросы в полный голос.

— Это ничего не значит, — сказала одна из старух.

— Или все, — добавила другая.

Джолли ощутила нараставшую в ней ярость. Ярость на то, что утаивал от нее торговец призраками. Ярость на саму себя, потому что она чувствовала себя беспомощной. А еще ярость на этих трех женщин, которые, конечно, были уж никак не обычными женщинами. Почему они рассказали ей столь странные вещи, если не предлагают никакого решения?

— Потому, что решение только у цели твоего странствия, — сказала одна ткачиха. — Может быть.

— Ты думала, что все просто? Добралась до Шорфеншрунда, заперла Гибельный водоворот в раковину, и все позади?

— Ничего не прошло.

— Ничего никогда не проходило.

Джолли гневно топнула ногой по песку. Пыль взметнулась со дна и, не успев девочка оглянуться, окутала ее, как туман. Она сделала несколько шагов в сторону, но от этого стало еще хуже. Когда волнение улеглось, Джолли увидела, какой цели она достигла. Водяных

ткачих не было. Магические жгуты исчезли. Менее чем в пятидесяти шагах лежал «Карфакс», и именно он так взбаламутил дно. Обломки продолжали падать, зарываясь в песок совсем близко от Джолли.

Так что же это? Сон? Обман зрения из-за низвержения в глубину?

«Нет, — подумала она. — Конечно же нет».

Джолли спружинила в коленях и оттолкнулась. Стрелой она поплыла вверх, в сумеречный свет, навстречу хрустальной крыше далекой поверхности.

Свет приблизился — солнечный свет, который разбивался о стеклянные гребни волн. Бело-золотые лучи пронизывали поверхность и терялись в глубине. Отсюда, снизу, было похоже, будто кто-то едет по волнам с золотой щеткой, сверкающей щетиной причесывая волны то в одном, то в другом направлении.

Джолли замедлила подъем. Она спрашивала себя, не приманило ли зрелище битвы акул. Находясь под водой, она их не боялась. Но, плывя, оказывалась для хищниц такой же добычей, как и любой потерпевший кораблекрушение.

«Буэнавентура!» — это слово, как кипящая вода, ударило ей в голову. Как она могла забыть про него и древесного червя, разговаривая в глубине с ткачихами? Она попусту потратила ценное время. С другой стороны, у нее едва ли был выбор.

Джолли осторожно преодолела последний интервал и стукнулась головой о поверхность.

На миг ее ослепил блеск гребней волн, освещенных солнцем. От непривычно низкого угла зрения, под которым она всего лишь пару раз видела море, у нее захватило дух. Впервые она почувствовала стесненность всеми этими массами воды, нечто почти напоминающее боязнь пространства.

«Квадриги» не было видно.

Первое, о чем подумала Джолли: «Сколько же я в действительности пробыла там, внизу?» А потом: «Где Буэнавентура и червь?»

Обломки кораблей могли оставаться на поверхности целыми днями, а то и дольше. И то обстоятельство, что еще несколько мгновений назад на дно продолжали погружаться детали, вовсе не доказывало, что «Карфакс» погиб совсем недавно. Все было возможно.

«Да ерунда это! Не упорствуй в навязчивых идеях. Ты всего лишь несколько минут разговаривала с ткачихами. Всего лишь несколько минут».

А потом Джолли увидела их: три контура, выделявшиеся на фоне горизонта, узкие, тонкие, странной формы. На расстоянии примерно в двести футов. Кораблей не было, уж точно не было. В первый миг она подумала, что ткачихи возникли из бездны. Мигом позже Джолли все поняла. Перед ней были всадники на гиппокампусах.

— Эй! — крикнула она так громко, как только могла. — Я здесь! Здесь я!

Она оперлась на воду, как на твердь, и устремилась вверх. Через мгновение ока Джолли

уже стояла на волнах. Она сразу осознала, что путь назад отрезан. На мили вокруг не было ни одной возвышенной точки, с которой она могла бы отважиться на прыжок головой вперед, а без прыжка нельзя было погрузиться снова. Значит, она оказалась во власти всадников, кем бы они ни были.

— Джолли? — раздался недоверчивый голос, а потом снова, срываясь от радости: — Джолли! Вон она! Вон там Джолли!

— Соледад? — Она устремила навстречу всадникам. — Уокер? Это вы?

Гиппокампусы приближались так быстро, что глаза Джолли едва могли отмечать движения. Соледад первой оказалась рядом и заставила своего морского коня погрузиться в воду так, чтобы ее лицо находилось на одном уровне с лицом Джолли. С криком радости принцесса прижала ее к себе.

— Черт возьми, Джолли! Мы уж думали, что потеряли тебя!

Уокер и торговец призраками направили своих животных вслед за Соледад, и теперь Джолли увидела, кто сидит в седле за капитаном.

— Буэнавентура!

Джолли оторвалась от Соледад и кинулась к человеку-собаке, который выглядел таким обрадованным, что, вероятно, с наибольшим удовольствием соскочил бы с коня и побежал к ней по воде.

— Джолли! Жива! Клянусь бородой Посейдона, состоящей из водорослей!

Они обнялись. Человек-собака пребывал в таком озорном настроении, что не захотел отпустить ее. Его лающий смех звучал над водой, и он скалил зубы от облегчения.

— Как же хорошо увидеть тебя, Джолли, — сказал Уокер. Облегчение испытывал и он, хотя на его лице лежали темные тени, тени печали и утраты — его корабль, корабль его матери, потоплен. «Карфакс» лежал теперь на дне моря.

— Мне жаль, — смущенно пробормотала Джолли. — Я... правда... я не знаю, что и сказать.

— погоди, я потом тебе бока за это намну, — мрачно промолвил Уокер. Словно находясь под наркозом, он смотрел поверх обломков, все еще качавшихся на волнах, а потом быстро встряхнул головой. Ему явно приходилось держать себя в руках. — Но теперь...

— Мы рады тому, что ты жива, — закончил торговец призраками слова Уокера.

Джолли повернулась к нему. Она вспомнила слова ткачих, увидев его мрачный силуэт на фоне заходящего солнца. Одежда одноглазого развевалась под морским ветром. Над ним, утомленно размахивая крыльями, кружили оба попугая.

Она распрямила плечи и перевела взгляд с одного на другого.

— Я была глупа. Я хотела бы у всех вас попросить прощения и... Погодите-ка! Где червь? — Ее взгляд упал на пустой рюкзак, висевший на спине Буэнавентуры. — О нет!

Человек-собака удрученно покачал головой.

— Он не сумел, Джолли! Я его искал, сразу же после того, как махнул за борт... Но рюкзак внезапно опустел. Он явно выскользнул и...

Буэнавентура замолчал и опустил глаза.

Джолли решила поискать его между обломками, но голос торговца призраками удержал ее на месте.

— Не стоит! Нет смысла. Мы не нашли и следа.

Взгляд Джолли скользил над морем и колыхавшимися на волнах останками «Карфакса», далеко до горизонта и дальней полосы берега. Соледад мягко положила руку ей на плечо. На этот раз, однако, принцесса ничего не сказала, лишь прислушалась вместе с ней к шелесту ветра. Джолли почувствовала на губах соленые слезы, и впервые в жизни ее посетила мысль о том, что вкус печали таков же, каков и вкус моря.

Вражеский флот

Крепость короля каннибалов стояла на горе, половина которой давным-давно осела в море. Так образовалась крутая стена, обрывавшаяся в океан на протяжении примерно шестидесяти футов и заканчивавшаяся в пенном вале.

Здесь резко дули ветры с северо-востока и безжалостно гнали море к берегу. Остатки утонувшей горы возвышались над водой, как крутые утесы, окаймленные прибоем. С севера и востока было почти невозможно провести корабли. Только на западе существовал проход между рифами, который вел на ровную воду дельты Ориноко.

У бокового рукава реки, под крепостью, находилось обширное поселение, состоящее из хижин и деревянных домов. Его границы уходили к необозримому палаточному городу. Давно уже он вырос за пределы расчищенного участка и слился с темно-серыми зарослями джунглей.

— Где же гавань? — спросил Уокер, когда они увидели вдалеке крепость и поселение. Ему все еще приходилось прилагать усилия, чтобы удержать в покое своего морского коня. В отличие от Соледад, которая вела своего скакуна

так уверенно, словно имела многолетний опыт, Уокеру езда на гиппокампусе давалась не больно-то легко. Грузный Буэнавентура, сидевший позади него в седле, также не особенно способствовал хорошему самочувствию капитана.

Торговец призраками сощурил свой единственный глаз, будто таким способом мог четче различить берег.

— Это и правда странно, — сказал он. — Где же все их корабли?

Уокер поскреб в затылке.

— Может быть, Тироне все-таки сказал правду. Если его людоедские племена и вправду хотят напасть на Каракас с суши, им корабли не нужны.

— Пеший переход отсюда до Каракаса? — Соледад решительно покачала головой. — Маловероятно. Это ведь сотни миль по непроходимым джунглям.

— Коренные жители все-таки ориентируются в окрестностях, — промолвил Уокер, но его интонация свидетельствовала, что он вовсе не был убежден в том, что говорил.

— Мы здесь на востоке дельты, так? — спросила Джолли.

Торговец призраками кивнул.

— Устье там, впереди, должно быть восточным рукавом.

— Тогда я знаю, где стоят корабли.

Все удивленно повернули головы к ней. Соледад рассматривала Джолли через плечо.

— Правда?

— Я ведь рассказывала вам о книге, в которой нашла рисунок паука. В ней были и карты дельты Ориноко. Одну из страниц я вырвала.

— Она у тебя с собой? — спросил одноглазый.

— Нет. Она утонула с «Карфаксом».

— Как и еще кое-что, — мрачно заметил Уокер.

Джолли все еще не могла смотреть ему в глаза, так стыдилась она гибели корабля.

— Думаю, что я довольно точно знаю, как проходят рукава Ориноко.

— И как же? — спросил Уокер.

— Конечно, сама крепость не была начерчена, но зато есть утес, на котором она стоит. Берег здесь, впрочем, довольно плоский. Думается мне, что за крутым берегом есть что-то вроде озера, соединенного с дельтой. Отсюда мы не можем его увидеть.

Торговец призраками снова взглянул на берег.

— Это означало бы, что сама крепость стоит на мысе, которую с двух сторон окаймляют море и река, а с третьей, в глубине берега — озеро.

Джолли резко кивнула.

На Соледад все это произвело, несомненно, сильное впечатление. Она улыбнулась Джолли, а потом повернулась к мужчинам.

— Тироне — пират. Он бы не построил такую крепость, не будь у него возможности устроить защищенную якорную стоянку поблизости. То, что говорит Джолли, звучит трезво.

Уокер не мог не согласиться.

— Стоит осмотреть крепость вблизи.

— Поэтому-то мы и здесь, — решительно сказал торговец призраками и послал вперед своего морского коня.

Они взяли курс на берег, заложив широкую дугу, чтобы их нельзя было увидеть с зубцов крепости. На берег путники вышли примерно в двух милях к востоку от скал. Гиппокампусы снова вернулись в море, тогда как пятеро путешественников через прибой вброд добрались до берега. Перед ними лежала узкая полоса песчаного пляжа, уже через тридцать-сорок футов исчезающая в тени дремучего леса. По песку ползли несколько крабов, под пальмами на опушке джунглей валялись кокосовые орехи. Уокер своей саблей разбил некоторые надвое, и путники пили сладкое молоко под скорлупой, ели мякоть плодов и разделили друг с другом небогатый запас, который принесли с собой в седельных сумках торговец, Уокер и Соледад.

Не особенно подкрепив силы, но немного насытившись, компания тронулась в путь. Джолли держалась рядом с Буэнавентурой и с восхищением наблюдала, как доверительно обращались друг с другом Соледад и Уокер. Во время поездки к берегу принцесса рассказала ей, что произошло на Сент-Селестине и какие планы намеревался осуществить Тироне, но о том, что было между ней и Уокером, она умолчала.

Впрочем, мыслями Джолли была в другом месте. Она грустила о древесном черве и могла видеть по Буэнавентуре, что и тому приходилось тяжело. Уж как мог поэт поэтов поиграть на нервах, но во время путешествия на «Карфаксе» Джолли привязалась к нему.

А еще Бэннон, каждое воспоминание о котором было словно удар в лицо. Человек, вырастивший ее, заменивший ей отца, присоединился к ее врагу. Врагу, который, — если Соледад права в своих подозрениях, — был не только чудовищем, пожиравшим людей, но и союзником Гибельного водоворота.

Торговец призраками тоже думал, что Тиро не со своим планом совместного штурма Каракаса всего лишь хотел отвлечь пиратов. Правда была как на ладони: испанская армада и пиратский флот должны были перемолоть друг друга ввиду Каракаса, тогда как войска клабаутеров без помех атаковали бы Элениум. Теперь вопрос о том, почему Гибельный водоворот так долго медлил с нападением на город — морскую звезду, предстал совсем в другом свете.

Но насколько важны сведения, полученные Джолли от морских ткачих? Теперь, когда она снова вместе с друзьями, встреча с тремя старухами казалась ей еще более нереальной, неопределенной, как сон. Но могла ли она воспринимать все так просто? Заманчиво поделить мир, как и прежде, на доброе и злое: Элениум на одной стороне, Море Тьмы и Гибельный водоворот — на другой, но разум говорил ей, что дело давно не столь простое.

Тот факт, что Гибельный водоворот освободился от мастеров моря, менял картину, которую она создала прежде, даже если и не делал ее менее ужасной. Она спросила себя еще раз, что было бы, если бы мост не оказался в огне, а Гриффин не спас бы ее.

Несомненно, ответы на эти вопросы можно было найти только в Элениуме. Действовали ли боги, ушедшие туда, в своих интересах или нет, они знали, как спасти человечество. Клабаутеров надо удержать, прежде чем они выступят в истребительный поход. И Гибельный водоворот тоже надо остановить.

«Что такое зло?» — спросили ткачихи. Сейчас Джолли поняла, что ответ на этот вопрос не играл вовсе никакой роли. Цели жителей Элениума были не важны, пока их борьба служила защите всего Карибского моря. Джолли могло быть все равно, стояли ли при этом на переднем плане ревность или старые притязания богов.

А Гриффин? В безопасности ли он в Элениуме? Когда начнется большая атака со стороны Гибельного водоворота и как долго город может противостоять штурму клабаутеров? Что с Мунком? Джолли резко покачала головой, и Буэнавентура, так же задумчиво, как и она, шедший рядом, повернулся к ней.

— Да не убивайся ты из-за червя, — сказал он.

Она на миг отвлеклась от мыслей о Гриффине и Мунке. Нельзя было сказать, что воспоминание о черве очень уж облегчало ее мысли.

— Не будь меня на «Карфаксе», тебе не пришлось бы следовать за мной, — сказала Джолли подавленно. — И червь сейчас еще был бы в Элениуме.

— Где добрые жители поэтического квартала, по всей вероятности, изжарили бы его на вертеле.

Она подарила человеку-собаке полуулыбку. Он был очень мил, стремясь снять с нее груз вины. Тем не менее Джолли знала правду. Только она одна несла ответственность.

Они снова погрузились в молчание, идя среди окраинных деревьев джунглей на запад, достаточно далеко от берега для того, чтобы их нельзя было разглядеть с моря. При других обстоятельствах пеший марш до крутого берега не занял бы и часа. Но их задерживал мягкий песок, и, кроме того, они двигались осторожно, ибо с каждым шагом увеличивалась опасность встречи с врагами.

Поначалу, однако, они не натолкнулись на сторожевые посты. Вскоре местность стала более возвышенной и скалистой. Песок убывал, превращаясь в небольшие холмы, а потом и совсем иссяк. Троп не было, так что путникам приходилось прокладывать путь саблями через все более густые кусты и лианы. Уокер и Буэнавентура шли впереди и прорубали просеку. Каждый удар казался Джолли предательски громким, и она боялась, что встревоженные птицы оповестят караульных Тироне.

Подъем становился все труднее. Они двигались по природной скальной платформе, правой стороной резко обрывавшейся в море. Где-то впереди должна быть крепость. А что с левой стороны? Да конечно же джунгли. Но если где-то там, на юге, озеро, то и между ними участок земли тоже должен обрываться.

Ответ они получили чуть позже. Девственный лес перед ними поредел. Уокер и Буэнавентура остановились. Красное золото заходящего солнца узкими полосами струилось между стволами и окрашивало их лица в кроваво-красный цвет. Уже какое-то время назад они отвернули от утесов и шли дальше влево, туда, где пройти казалось легче. Так они добрались до западного края платформы. Перед ними открылась бездна со столь же крутыми стенами, как и утесы, оставшиеся за спиной, и столь же непреодолимая. Ста футами ниже к скале прилегала длинная полоса джунглей. На другой ее стороне лежало озеро, сверкавшее в вечерних сумерках, как золотая равнина.

— Джолли, чертово жаркое, ты была права! — Уокер глубоко вздохнул.

Здесь, на обрыве, воздух был яснее и освежал лучше, чем под давящей кроной леса. Джолли тоже почувствовала, что дышать стало легче.

На озере стоял на якоре флот Тироне. Там было самое малое двести кораблей. Какое-то время никто не говорил ни слова. Вероятно, все

думали об одном и том же. Каждый понимал, насколько безвыходна борьба против столь превосходящих сил.

Первым нарушил молчание Буэнавентура.

— Откуда это он столько набрал?

— Построил, — ответил Уокер. — Посмотри, большинство кораблей еще ни разу не были в открытом море. — Он указал на ряд мостков, платформ и деревянных домов на дальней, южной, стороне озера. — Это все мастерские, не иначе.

— Но я не вижу ни одного недостроенного корабля, — сказала Джолли. — Ты и вправду думаешь, что все они построены здесь?

Торговец призраками кивнул в тени своего капюшона.

— Флот готов. Эти корабли там, внизу, ждут приказа на выход.

— Даже если собрать всех пиратов Тортуги, Нью-Провиденса и Малых Антильских островов, нельзя создать такой большой флот, — сказала Соледад прерывающимся голосом. — Чтобы построить столько кораблей, потребуются годы.

Насколько можно было видеть в сумерках, обширный участок джунглей на юге раскорчевали. Понять, где снова начинался лес, было невозможно. Влажность, дымясь, поднималась от земли и затуманивала горизонт.

— Без помощи он не обошелся. — Уокер сказал то, о чем думали все. — Туземцы — не кораблестроители. Он должен был нанять мастеров, плотников, портных, которые шили паруса.

— Испанцев, — сказала Соледад.

— Испанцев? — повторил Уокер, а потом понял, о чем шла речь. — Конечно! Он совершил не только одно предательство, а два зараз! Да черт бы его побрал!

— Два? — спросила Джолли.

Уокер сердито взъерошил свои длинные волосы.

— Да будь он проклят, собачий сын! Он обещает испанцам, что заманит пиратов в ловушку. А пиратам обещает легкую победу над испанцами. В благодарность испанцы дают ему людей и материал, чтобы построить собственный флот. Может быть, они хотят позже предоставить ему часть Карибского моря или подержать в его набегах на англичан.

Джолли уставилась на него.

— Не забывай и третий шахматный ход, — тихо сказала она. — Он предал испанцев, потому что на деле хочет использовать флот для совсем другой цели.

— Разрушение Элениума, — буркнул торговец призраками. — Тироне — прислужник Гибельного водоворота. Он пошлет свои корабли в Элениум, чтобы поддержать клабаутеров.

— А я могла бы поспорить, — продолжила Соледад, — что, хотя испанцы и считаются с возможностью нападения пиратов Тортуги и Нью-Провиденса, но не с тем, что они пойдут на союз с антильскими капитанами. А значит, испанской армаде будет противостоять гораздо больший пиратский флот, чем они ожидали. Тироне и об этом позаботился. Так он

противопоставит наших людей испанцам, и наоборот. В благодарность за это он получает могучий флот.

— Это низко, — буркнул Буэнавентура.

— Это умно, — сказал Уокер с уважением.

— Что верно, то верно, — согласился торговец призраками. — Тироне и Гибельный водоворот возьмут Элениум в клещи. Флот на воде, клабаутеры под водой. И кто знает, какие еще сюрпризы он нам приготовил?

Джолли молчала. Пока другие обсуждали планы Тироне, она смотрела в будущее. Прародитель был прав с самого начала. Существовал только один путь предотвратить беду: ей и Мунку надо спуститься к Шорфеншрунду и остановить Гибельный водоворот.

Она подошла ближе к кромке скалы и посмотрела через головы других на запад. В нескольких десятках шагов вздымалась внешняя стена крепости. Еще дальше к западу извилистая дорога вела через скалы на берег озера, к городу из хижин и палаток. Только теперь Джолли поняла, что широкий и глубокий поток разрезал селение надвое — выход озера к дельте Ориноко и к открытому морю.

— Продолжим путь? — спросил Уокер. — Или вернемся и предупредим Элениум?

— Дальше, — сказал торговец призраками. — Может быть, там, внизу, мы сможем узнать еще кое-что.

— В этом крысином гнезде? — Соледад нахмурилась.

— А у тебя, принцесса, есть идея получше?

Прежде чем Соледад успела ответить, до них донесся шум. Сначала они услышали только отдельные крики, а потом раздался треск ломающегося дерева.

— Там! — возбужденно крикнула Джолли и показала в глубину. — Там, впереди, рядом с «Квадригой»!

Один из кораблей накренился и тонул. Он должен был иметь огромную брешь, ведь погружался с такой скоростью, что вода за считанные минуты перелилась через поручни. Два других корабля тоже наклонились, а за ними четвертый. А потом и пятый.

— Что это? — любопытствовал Уокер.

— Саботаж, — удовлетворенно проворчал Буэнавентура. — Кто-то позаботился о том, чтобы их посудины затонули.

— Кто-то? — выкрикнула Джолли. — Черт возьми! Уж я-то знаю кто!

Как они прошли вдоль крепостной стены, чтобы их не обнаружили караульные? Как им удалось незамеченными для наблюдателей подняться по тропе? Как, вопреки разуму, они прошли окраиной поселка и углубились в лабиринт переулков и никто не разоблачил в них шпионов?

Позже Джолли не находила удовлетворительного ответа ни на один из этих вопросов. В ее памяти путь через скалы расплылся, превратившись в путаницу из движения ползком и ссутулившись, взглядов украдкой в темноте,

долгого маршрута, когда приходилось огибать караульные посты, безмолвного шепота, пальцев, напряженно сжимавших сабельные эфесы, и ручейков пота, которые текли по лбу и глазам.

Но все это на деле ничего не значило. Облегчение перевешивало любое другое чувство и даже страх оказаться в руках каннибалов Тироне. Древесный червь остался в живых! Теперь в этом никто не сомневался. Он-то и был ответствен за течи в кораблях, окружавших «Квадригу». После гибели «Карфакса» он должен был прогрызть корпус флагманского корабля Тироне так низко над водой, что на коротком пути к гавани туда едва проникла вода. Джолли нашла это удивительным, уж такой осторожности у червя она не предполагала. С таким же успехом он мог утонуть и на «Квадриге», там, в море. А вместо этого он позволил привезти себя в гавань Тироне в корпусе корабля, чтобы учинить там еще большие разрушения.

Джолли представила себе, как червь, извиваясь, плыл от корабля к кораблю. Со своими маленькими ножками он уж никак не был хорошим пловцом, и при их первой встрече Джолли спасла его от утопления, но все-таки ему как-то удавалось попасть от одного корпуса к другому.

Добрый, милый, мудрый червь!

Джолли и Буэнавентура обменялись взглядами, и оба почувствовали одно и то же облегчение. Остальные все еще не сумели должным образом оценить червя, может быть, даже и не

верили в то, что именно он ответствен за урон, нанесенный флоту. Но Джолли и Буэнавентура были одного мнения. Теперь им ничто не помешало бы спасти маленькое существо — разве только они ждали, пока он отправит на дно морское еще несколько судов.

И пока Джолли все еще испытывала свое возвышенное чувство, торговец призраками вдруг сказал:

— Этого будет недостаточно.

Джолли взглянула на него:

— Чего?

Он покачал головой:

— Там, снаружи, никак не меньше двухсот кораблей. В скольких корпусах сумеет он прогрызть дырки, прежде чем его поймут? В семи, восьми? Может быть, в дюжине. А часть кораблей они смогут даже спасти, если достаточно быстро закроют течь. Это вряд ли ослабит флот, и Тироне не придется менять свои планы.

Между хижинами и деревянными домами было видимо-невидимо народу. Многие из них были туземцами с острыми, как у Тироне, зубами, но большинство были одеты в европейское платье, и подчиненные Тироне, очевидно, обучали их морскому делу. Значит, он комплектовал команды не только испанцами и отребьем Старого Света, но и каннибалами. Джолли содрогнулась от ужаса при мысли о том, как долго должен был Тироне планировать этот заговор. Уж наверняка многие годы, и ни один пират не знал об этом. Никто, кроме

Кендрика, пиратского императора. Или он тоже попался в ловушку? Верил ли он, что нападение на Каракас было успешным предприятием? Этого приходилось едва ли не опасаться. Кендрик был глупцом, если доверился бестии вроде Тироне.

Путники добрались до берега озера и принялись поспешно огибать его с юга. Глядя вверх на скалы, они видели крепость короля каннибалов, возвышавшуюся над окрестностями. Без лишних украшений она напоминала оборонительные сооружения, которые испанцы возводили на островах Карибского моря: высокие стены песчаного цвета, на которых отводилось место многочисленным орудиям, вместо башен низкие строения и, кроме того, совсем мало подступов, вероятно, только одни главные ворота, защищенные рвом с подъемным мостом.

От испанских союзников Тироне получил нечто большее, нежели только помощь в строительстве кораблей — на этих скалах у края света они воздвигли для него крепость, которая по силе и обороноспособности могла соперничать с губернаторским дворцом.

Постепенно Джолли стало ясно, что Тироне не просто безумный деспот, покоривший туземные племена. Он так же хорошо умел влиять и на властителей Старого Света.

Друзья почти добрались до места, где стояли на якоре тонущие корабли. Изнуренные рабочие и моряки носились туда-сюда. Надсмотрщики отчаянно пытались превратить хаос

в порядок. Повсюду раздавались приказы и указания. Мужчины с ножами в зубах прыгали в воду, чтобы наказать злоумышленника, который в лабиринте узких водных путей между кораблями перебирался с одного корпуса на другой.

Десятки глоток изрыгали проклятия — по-английски, по-испански, или по-французски, или на таких языках, которых не понимал никто из путников. Шум стоял оглушительный. Один из кораблей наклонился на левый борт и словно вколотил свои мачты в такелаж соседнего фрегата. Реи разлетелись вдребезги, канаты разорвались. Мужчины, находившиеся на палубе тонущего корабля, с криками прыгали за борт и оказывались на пути тех, кто преследовал саботажников. Вскоре внизу собралась такая тьма народу, что любая попытка схватить злодея оказалась неизбежно обреченной на неудачу.

Джолли почувствовала новую надежду увидеть древесного червя. Если он до сих пор не утонул, было в высшей степени невероятно, что с ним что-нибудь случится. Никто не считался с возможностью того, что столь невзрачное существо и было ответственно за разрушение.

— Проклятье! — рявкнул Уокер. — Да посмотрите-ка вон туда!

Они устроились в тени ящиков и штабелей бревен недалеко от пирса, у которого на якоре стояла и поврежденная «Квадрига». Перед ними царил невероятная суматоха, и все-таки те-

перь они слышали отчетливый рев, разносившийся с флагманского корабля Тироне. Казалось, короля каннибалов и Бэннона больше не было на борту, но среди мужчин, со всей быстротой устремившихся на берег, Джолли узнала многих из своей бывшей команды. Вид знакомых лиц причинил ей боль, и она отошла назад, в тень торговца призраками.

— Ну и поделом им, — буркнула Соледад, когда и «Квадрига» накренилась и медленно пошла ко дну.

— Вон там Бэннон, — сказал Буэнавентура и положил на плечо Джолли одну из своих лап, будто желая помешать ей перебежать к нему.

Бэннон с несколькими своими людьми прокладывал путь через толпу, запрудившую пирс. Очевидно, еще не вызрела идея того, как помешать гибели кораблей, поэтому все следовали самым разным приказам или стояли без толку на пути.

Бэннон выкрикивал команды, яростно жестикулировал и пытался прогнать назад на борт «Квадриги» нескольких моряков, только что сбежавших оттуда, чтобы закрыть течи. Зловоние горячей смолы струилось непонятно откуда, но можно было увидеть, что ни эти, ни какие-то другие меры не спасли бы «Квадригу». Бэннону с его командой приходилось беспомощно наблюдать за тем, как корабль погружался в воду. «Квадрига» не опрокидывалась, а понижалась в величественном спокойствии, пока вода не заплескалась над палубами. Когда,

наконец, она коснулась дна, на взбаламученной поверхности виднелись только мачты.

Джолли насчитала тринадцать кораблей, которые затонули или которые уже нельзя было спасти. К ним добавлялись все новые и новые, причем червь — вот умница! — не продвигался вдоль ряда, а скользил туда-суда, якобы как ему вздумается, в толчее кораблей, тесно стоящих рядом. Некоторые погрузились быстро — ни дать ни взять камень, другие уходили на дно не торопясь.

— Становится слишком опасно, — сказал Уокер. — Нам надо исчезнуть.

Теперь отовсюду стекались люди, и несколько сотен их были уже на пирсе. Другие пробивались на палубы тех кораблей, которые еще не затронуло несчастье. Спускались на воду шлюпки. Матросы, не долго думая, прыгали через борт, чтобы уйти от течений, которые создавали их гибнущие суда.

— Уокер прав, — сказала Соледад. — Нас рано или поздно кто-нибудь узнает.

Сердце Джолли бешено билось, когда она ответила:

— Я не уйду без червя.

— Да ты даже не знаешь, он ли всему этому виной, — вспылil Уокер, но ворчание Буэнавентуры заставило его, обороняясь, поднять руки. — Да уж ладно, ладно тебе! Может быть, это и правда он. Но как достать его из воды?

Джолли выступила вперед.

— Нет, Джолли! Подожди! — Но крик Соледад прозвучал слишком поздно.

Джолли отбросила руку человека-собаки, поднырнула под руку торговца и кинулась прочь. Уокер был вне себя.

— Этот... этот ребенок! — слышала она его проклятия, но при этом уже исчезла в толпе, пробиралась, извиваясь, между моряками, туземцами и портовыми рабочими и шаг за шагом приближались к воде. Выкрикнул ли кто-нибудь ее имя? На бегу Джолли оглянулась в том направлении, откуда прозвучал голос, но не увидела ни одного лица, которое показалось бы ей знакомым. Ничего не было бы хуже, чем перебежать теперь дорогу Бэннону.

Стоило только ей подумать о капитане, как он оказался перед нею.

— Джолли? — недоверчиво спросил он, и на миг она и правда подумала, не остановиться ли. Но потом она просто продолжила свой бег, ударила его плечом в живот и увидела, как он складывается на манер марионетки с разорвавшимися нитями. Джолли отпрыгнула от его рук, уклонилась от хватки другого мужчины и в два шага добралась до портовой стены. Не колеблясь, она оттолкнулась и прыгнула.

Обеими ногами ударилась она о волны, но не пошла ко дну. Джолли споткнулась и только в последний момент сумела остановиться. С чего это вдруг? Головастики-то бегали только по соленой воде. Но здесь ведь было озеро! Она предполагала, что, как и все остальные, погрузится в воду и так среди столпотворения сумеет незаметно поискать червя. Благодаря доступу к морю в озере, однако, оказалось до-

статочно соленой воды для того, чтобы держать головастика.

«Ну, так извлеки из этого максимальную пользу! — пронзила ее мысль. — Давай!»

Со всей возможной быстротой Джолли помчалась вперед. Казалось, поверхность кипела из-за волнения, воронок, которые возникали из-за тонущих кораблей, и множества воздушных пузырей. Повсюду в воде были люди, некоторые панически плескались, прямо как дети. Другие вполне осознанно хватали Джолли, будто чувствовали, что головастик, пронесившийся мимо них, имел какое-то отношение к катастрофе.

Позади нее раздался свист. Был ли это сигнал тревоги? Или торговец призраками пытался подзвать морских коней? Джолли не оглядывалась. Она не хотела видеть, приказал ли Бэннон обратить на нее пистолеты и ружья. А если он этого не сделал, если, несмотря ни на что, еще помнил о том, сколь важна была она для него всего лишь несколько недель назад, — что ж, тем лучше.

Дым щипал ей нос и горло. На двух кораблях начался пожар. Прежде чем вода сумела погасить пламя, оно уже перескочило на мачты и паруса. Искры и клочья материи разносили жар по всем направлениям. Вскоре загорелись еще два соседних корабля, до тех пор невредимыми стоявшие на якоре.

Хлестали выстрелы. Джолли не понимала, происходило ли это по приказанию Бэннона или чьему-то еще. Она надеялась только, что

ее друзей не обнаружили. Вода текла через палубу тонущего корабля, и ей приходилось упираться каблуком, чтобы не оказаться в одном водовороте с обломками. Рядом возникло сильное течение, и какой-то миг она ему с трудом сопротивлялась. Затем, однако, ей удалось попасть в широкий промежуток между двумя неповрежденными кораблями, прикрывшими ее от береговых орудий. Целью Джолли был шлюп на расстоянии примерно пятидесяти шагов от набережной, который начал тонуть последним. Она надеялась найти червя где-то поблизости. Ее преимущество по сравнению с пиратами и туземцами заключалось в способности быстрее передвигаться по воде. Рядом с ней раздался глухой звук, и внезапно справа от Джолли из-за борта появилось оперенное копье. На корабле слева она увидела каннибалов, но не в одежде моряков, а в набедренных повязках и странных браслетах вокруг рук, ног и талии. Второе копье не попало в нее. Третье плюхнулось в воду рядом, задев ее ногу древком. Но Джолли все же проскочила между двумя корпусами и, передвигаясь зигзагом, приблизилась к тому месту, где, как она предполагала, и находился древоточец.

— Червь! — заорала она над водой. Теперь она могла видеть не далее чем на десять шагов, потому что дым окутал всю гавань. Правда, это защищало ее и от людей на берегу. — Червь! — крикнула она снова.

Рядом с ней корабль накренился на левый борт. Ей удалось отпрыгнуть, чтобы не попасть

под опрокинувшиеся мачты. Снова и снова звала она древесного червя, одновременно уклоняясь от нового града копий, со свистом несшихся на нее. Откуда-то начался и пистолетный обстрел, но после двух выстрелов прекратился. Время от времени в воде встречались люди, но, чем дальше Джолли отплывала от берега, тем меньше их было.

— Червы! Черт побери, где ты прячешься?

Постепенно Джолли стало ясно, насколько сумасбродным было ее намерение. И как могла она найти кого-то здесь, в воде, между кораблями и волнами, в дыму во время атак ее противников? Но она не рассталась с надеждой.

Древесный червь нанес флоту Тироне больший ущерб, чем Джолли и ее спутники считали возможным. Сколько бы ни ворчал торговец призраками, один лишь тот факт, что Тироне потерпел поражение в собственном порту, повредил его репутации. Похоже, безумный властитель Ориноко, зараз стал вполовину менее могущественным.

— Джолли, — слышался жалобный голос справа от нее.

В воде оказалось что-то похожее на кусок дерева. Оно качалось на волнах вверх и вниз и двигалось вперед проворными извивающимися поворотами, но было, очевидно, слишком слабым, чтобы еще дольше противостоять игре волн.

— Червы! — Вне себя от радости она прыгнула к нему, вытянула из воды и прижала к себе. Как новорожденного, она взяла его на ру-

ки и даже оставила поцелуй на головном щитке. Его дыхание было хриплым, а короткие ножки висели на маленьком тельце безжизненными придатками.

— Я так... устал... — пропыхтел он, — от такого большого количества... жратвы. — Он рыгнул так громко, что звук отразился от стен ближайших корпусов.

— Не волнуйся, — сказала Джолли, пускаясь бегом. — Я спрячу тебя в безопасном месте.

— Думаю... больше я бы не...

Он замолчал. Джолли показалось, что в ее руках червь немного потяжелел. Сначала она прямо-таки опьянела от радости, но слишком быстро вернулась к действительности. Она не могла возвратиться на набережную к друзьям. Теперь там кишмя кишели враги. Может быть, за это время в порт прибыл даже Тироне.

Она немного подумала, а потом решила не возвращаться и направилась дальше в море — прочь от горевших и тонувших кораблей. Она надеялась изо всех сил, что и остальные сумели сбежать вовремя. Если она сама смогла каким-то образом добраться до дельты, как можно дальше от палаточного города и хижин у подножья крепости, то тогда да, может быть... Джолли споткнулась и заставила себя сконцентрироваться. Каждый шаг шел в счет, каждая минута, за которую она оказывалась все дальше от взглядов и пуль.

Древесный червь, наевшись до отвала, мирно дремал в ее руках, тогда как она широкими шагами бежала по воде. Повсюду на якоре сто-

яли корабли, здесь не так тесно, как около берега. Она различала на борту лишь отдельных людей, которые в сгущавшихся сумерках не представляли для нее опасности. Джолли задыхалась от усталости, когда в конце концов добралась до притока. Справа и слева около палаточного города горели факелы. У нее было еще достаточно сил, чтобы продолжать бег. С обеих сторон набережной на нее смотрели люди. Некоторые даже пошли к ней по воде, но уже после нескольких шагов поворачивали назад. Слишком глубоко... Время от времени она слышала свист пуль, но большинство их не долетали сюда, и ей даже не приходилось вздрагивать.

Она добралась до крайнего восточного рукава дельты и следовала им вплоть до Атлантического океана. Червь шевелился в ее руках, тихонько мурлыкал и ворчал и засыпал снова. Тяжело дыша, Джолли продолжала нести его вдоль стен крепости, которая темно и угрожающе вздымалась над ней.

Солнце совсем опустилось, и теперь над джунглями и морем быстро распространилась ночь. Крепость Тироне слилась с небом, и вскоре ее можно было различить вдали только как светящуюся точку. Шум с озера, с другой стороны мыса, долетал до океана. По дороге Джолли много раз замечала темные контуры под поверхностью воды, проносившиеся мимо нее во встречном направлении. Она цеплялась за надежду, что это гиппокампусы, спешащие по сигналу торговца призраками.

Крепость оставалась все дальше. Черная стена джунглей отодвинулась назад и уступила место песчаному пляжу, по которому Джолли и ее спутники пришли сюда. В темноте она могла различить его только как призрачную линию, как смутное свечение в тех местах, где песок отражал лунный свет. Из последних сил она шла, пошатываясь, к берегу, а потом рухнула, изможденная, на колени, и вверилась прибою, чтобы он пронес ее последние сто футов. С драгоценной ношей на руках Джолли откатилась на песок и осталась лежать. Она не чувала под собой ног, и у нее не было сил дотащиться до пальм, суливших ей защиту. Джолли подтянула к себе колени, легла так, чтобы ее тело защищало червя, и уснула.

Может быть, очень скоро, может быть, нет, она проснулась от голосов. Ночь была темным-темна, нагнало, по-видимому, туч, нельзя было увидеть ни луну, ни звезды. На зубах скрипел песок. Червь пошевелился и, не сказав ни слова, еще сильнее прижался к ее горячему телу. Джолли села. У нее кружилась голова и болели ноги. Она почувствовала нарастание судороги в левой ноге и быстро подвигала ею, чтобы ослабить это ощущение.

С моря слышались голоса, которые доносил соленый ветер.

Она вскочила, медленно двинулась к пальмам и принялась искать за стволами защиту — на худший случай. Раздался плеск, журчание.

Потом стал виден темный клубок из теней, едва ли превосходивший величиной черную точку на фоне тьмы ночного океана.

— Это не они, — недовольно прошептал древоточец.

Джолли приложила палец к губам. Ее сердце билось так сильно, что она боялась, как бы от этой дрожи не затряслась пальма.

— Джолли? — прозвучало едва ли громче шепота, но этот голос нельзя было спутать ни с чем.

Соледад! Джолли подпрыгнула и споткнулась о мягкий песок.

— Мы здесь! — отозвалась она приглушенно.

Охотнее всего она закричала бы от облегчения. Расслабился и червь. До этого он почти свернулся кольцом, но теперь растянулся во всю длину и чуть не выскользнул из рук Джолли. В темноте она едва могла различить лицо принцессы, но ее тонкое тело и голос нельзя было спутать ни с какими другими.

— Скорее, Джолли!

— Я так рада! — Джолли взглянула мимо Соледад. — Ведь все здесь?

— Да, не волнуйся. — Соледад прижала ее к себе, что вызвало возмущенное ворчание червя — он оказался зажатым между их телами. — И малышу, похоже, тоже неплохо, — сказала принцесса, бросив на него взгляд. — Кстати, хорошая работа, мужичок.

— Мужичок? — проворчал червь. — Мужики — это ведь люди, а по мне лучше быть камнем, чем человеком.

— Мы не уверены, не преследуют ли нас, — сказала Соледад.

— Тироне?

— Не он. Его людям хватает дел с тушением кораблей. Кроме того, слишком темно, чтобы выйти в море. — Она потянула Джолли к воде.

— А кто же?

— Клабаутеры.

Джолли ощутила, как в ней нарастает ледяной холод. Она вспомнила о той ночи, когда преследовали «Карфакс». Ее взгляд скользил по поверхности моря, которая, однако, была слишком темной, чтобы хоть что-нибудь удалось распознать.

— Мы не уверены, — сказала Соледад, в то время как они с большим трудом боролись против волн и приближались к месту, где их ждали остальные.

— Никогда больше не делай этого, Джолли, — первое, что сказал Уокер, когда они приблизились.

— Не слушай его, — возразил Буэнавентура. — Он рад тебя видеть, только не хочет признаться в этом.

Джолли ухмыльнулась, даже если едва могла разглядеть обоих, а потом со всех ног кинулась к ним.

— Угадайте, кого я принесла.

Буэнавентура протянул руку навстречу, поощрительно взъерошил ей волосы и выловил древоточца из ее объятий.

— Ну и вид! Ни дать ни взять настоящий герой, — сказал он.

Удивительное существо горделиво вытянулось во всю длину. Части его рогового щитка терлись друг о друга.

— Да что уж говорить. Думается мне, кому-то надо превратить это великое дело в стихи. Могучий эпос о героической борьбе древесного...

— С трагическим исходом, — прервал его Уокер, — если я услышу хоть одну-единственную рифму.

— Баранья ты голова! Невежда!

Джолли помогла Буэнавентуре погрузить ругавшегося червя в рюкзак. Герой скользнул внутрь и сразу же замолчал, так что стало слышно только его довольное дыхание. Она заметила, что на ее пальцах что-то осталось, нечто тонкое, мягкое, как паутина, но не подумала, что это, и вытерла руку о штаны.

— Быстро! — Торговец призраками направил своего морского коня мимо Соледад.

Принцесса вытянулась в седле. Джолли вскочила за ней и вдела руки и ноги в стремяна. Подбадривающими криками они заставили гиппокампусов двинуться и вскоре уже неслись по темноте моря.

— Мы подложили Тироне изрядную свинью, — довольно крикнула Соледад через плечо, когда их уже нельзя было услышать с берега. Морской ветер бросил ее волосы в лицо Джолли.

— Я думаю, нескольких потопленных кораблей не сделают его слабее, — возразила Джолли.

— Это-то верно, но он знает, что мы предупредим жителей Элениума. Так что у него нет другого выбора, как только завтра же утром выйти в поход и начать нападение.

— А разве это хорошо?

— Ну, ему не миновать территории антильских капитанов. А уж они-то не упустят такой флот из виду, они спросят, что случилось с грандиозным походом по суше против Каракаса, который он им обещал. И капитаны поймут, что Тироне их одурачил.

— Так что же, нападения на Каракас не будет?

— Едва ли. Без антильских пиратов наши люди на Тортуге и Нью-Провиденсе трижды подумают, есть ли у них шанс. А антильские капитаны не потерпят продвижения флота Тироне. Они гордые люди, и предательство Тироне глубоко заденет их честь.

— Означает ли это, что они нападут на него?

— Вполне возможно. У них нет шансов против такого перевеса, но я думаю, что они атакуют его фланги и арьергард. При мало-мальском везении они порядком ослабят Тироне. А это хорошо для Элениума.

Джолли наклонилась вперед, чтобы заглянуть в лицо Соледад.

— Откуда ты все это знаешь?

Принцесса засмеялась, и впервые с давних пор в ее смехе не было горечи.

— Они ведь пираты, Джолли. И мужчины. Если я чему-то научилась от отца, так это способности думать, как эти парни. Поверь, это куда проще, чем кажется. — Соледад уже говорила Джолли что-то похожее о Гриффине и Мунке, и тогда тоже оказалась права.

— Кендрик ошибся, — сказала Джолли.

— Что ты имеешь в виду?

— Помнишь, он говорил, что ни один пират не последует за женщиной? Думается мне, что со временем ты станешь неплохой пиратской императрицей.

Принцесса пожала плечами, но Джолли догадалась в темноте о ее горделивой улыбке.

Ни в эту ночь ни на следующий день они не видели клабаутеров. Друзья мало говорили друг с другом и не давали отдыхать морским коням. Древоточец так и не высунулся из рюкзака Буэнавентуры; Джолли предполагала, что он уже писал свой геройский эпос. С некоторым беспокойством она вспоминала о странном веществе, прилипшем к ее рукам.

Когда рано утром третьего дня на горизонте возникла туманная стена, путники облегченно вздохнули. Высоко над ними порхали попугаи; впервые эти загадочные птицы производили впечатление почти дружеских.

Хотя Джолли едва могла дожидаться встречи с Гриффином, она была единственной, кто не

почувствовал облегчения. Она мрачно предвкушала свидание с Мунком. Но даже и этот ужас бледнел перед задачей, которая ждала ее. Сквозь туман она смотрела на северо-восток, через даль бескрайнего океана, и внезапно почувствовала, как в ней нарастает паника.

Где-то там, на глубине многих тысяч футов под поверхностью моря, в ледяном холоде и вечной ночи находился Шорфеншрунд. Она узнала своего противника, приняла свое решение. Элениум был только остановкой на ее пути, не целью.

Восходящее солнце наполнило небо золотом, и путники мчались прямо на свет, но нисхождение Джолли давно уже началось.

Содержание

Нападение	5
Огненный мост	23
Город на морской звезде	36
Волшебство головастика	53
Под водой	73
План	82
Ночной визит	96
Прародитель	112
Правда о пауках	124
Сожран.	145
Дух в бочке	159
Одна в море.	172
Человек во чреве кита	189
На совете капитанов.	211
Король каннибалов.	222
Старые друзья.	247
Ткущие воду	269
Вражеский флот	288

Литературно-художественное издание

Серия «Тайны Карибского моря»

Для массового читателя

Майер Кай
В ПИРАТСКОЙ ПУЧИНЕ

Роман-трилогия

Книга 2

Иллюстрация на обложке *А. Ликучёва*

Перевод с немецкого *Я. Элина*

Редактор *Р.Е. Данкова*

Художественный редактор *С.В. Меркулов*

Технический редактор *Л.А. Данкова*

Корректор *Л.В. Назарова*

Компьютерная обработка иллюстраций
и верстка текста *ООО «Бета-Фрейм»*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953 000 — книги, брошюры

Подписано в печать 25.12.2006. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура «Петербург». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5000 экз.

Заказ № 796.

ООО «Издательство Оникс»

127422, Москва, ул. Тимирязевская, д. 38/25

Отдел реализации: тел. (495) 310-75-25, 110-02-50

Интернет-магазин: www.onyx.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Тайны Карибского Моря

В ПИРАТСКОЙ ПУЧИНЕ

Карибы, пираты, кораблекрушение, магия...

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

от Кая Майера – автора 40 романов,
изданных на 17 языках мира.

Плеск волн Карибского моря,
шелест ветра и шум прибоя...

На фоне этой безмятежной картины
разгорается яростный морской бой,
раздаются гибельные пушечные залпы,
разъедает легкие едкий пороховой дым.
Спасаясь от преследователей, воспитанница
пиратов Джолли находит убежище
в Элениуме — городе, расположенном
на гигантской морской звезде...
Но и тут кваппу, умеющую ходить по воде,
не оставляют в покое.

ОНИКС

ISBN 978-5-488-01038-3

